

K-94
1913 N9
5452

5452

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЕНТЯБРЬ

1984

ПРОВЕРЕНО
ЦББ 1945

ИМПЕРАТОРСКОЕ НАУЧНОЕ
ОБЩЕСТВО
№ 28349
727/901

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ
1913

59a

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ. Трагедія въ пяти сценахъ, съ хоромъ.— Валерія Брюсова	1
II. ГУГО. Романъ Макса Брода. <i>Max Brod. Die Jüdinnen.</i> —Перев. М. И. Розенфельдъ. <i>Окончаніе</i>	32
III. БУРБОНЪ. Военный разсказъ.—Бориса Садовского	81
IV. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Федора Сологуба	107
V. ОРКЕСТРЪ СЛѢПЫХЪ. Разсказъ.—М. Моравской	109
VI. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Т. Ефименко	123
VII. ВЪ КАЗАРМѢ И ОКОЛО КАЗАРМЫ. (Силуэты и штрихи.) Главы I—XV.—Д. Л. Д—ова	125
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Бернера	156
IX. ИСТИНА. Разсказъ Луджи Пиранделли. Съ итальянск.—Перев. Ольги Кобылянской	157
X. БѢЛЫЙ СЛОНЪ. Разсказъ.—Ольги Форшъ	165
XI. МИРА. Идея рока въ древней и новой трагедіи.—Ф. Ф. Зѣлинскаго	1
XII. Г. И. УСПЕНСКІЙ ВЪ 70-е и 80-е гг. Біографическія замѣтки.— Ч. Вѣтринскаго. <i>Окончаніе</i>	23
XIII. СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗІЯ.—А. Л. Погодина	55
XIV. ЭДУАРДЪ КАРПЕНТЕРЪ. Письмо изъ Англіи.—С. И. Рапопорта	73
XV. СОННАЯ ОДУРЬ.—Владимира Шмидта	100
XVI. ВОЗРАСТЪ ЗЕМЛИ.—Ю. Делевскаго	115
XVII. ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ СЕРГѢЕВНЫ МИРОВИЧЪ.—А. А. Кизеветтера	140
XVIII. ВЪ РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Послѣ войны. С. А. Кот- ляревскаго. — 2. Австрійскія дѣла. И. О. Левина. — 3. Страхование служащихъ въ Германіи. А. Леща. II. Литература и искусство. 1. Письма любви. П. С. — 2. Восточные мотивы г-жи Шагинянъ. В. Шмидта. — 3. Развѣтїе литературы на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ. I. И. Геллера. — 4. Новыя исканія научной поэзіи. Ренэ Гиля. III. Религія и церковь. 1. Аеонское дѣло. С. Н. Булгакова. — 2. О земномъ и небесномъ утопизмѣ. Н. А. Бердяева. IV. Школа и воспитаніе. Сельская школа въ Германіи. А. М. Обухова. V. Не- крологъ	1
XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библіографическій отдѣлъ. Книги: I. Литература, исторія литературы и литературная критика.— Языкознаніе.—Философія и религія.—Исторія.—Публицистика.—Поли- тическая экономія, статистика и финансы.—Естествознаніе и матема- тика.—Географія. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступив- шихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 по 15 сентября 1913 г.	329
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

РУССКАЯ МЫСЛЬ

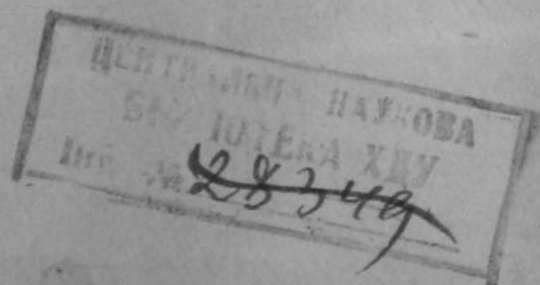
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

КНИГА IX

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1913

РАССКАЗЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОСПИТАНИЮ

ДОТЪ ТРИНАДЦАТИ ЛЕТЪ

КАМЫШЪ

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРОВЪ и К^о, Пименовская ул., с. д.

Москва — 1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ. Трагедія въ пяти сценахъ, съ хоромъ.—Валерія Брюсова	1
II. ГУГО. Романъ Макса Брода. <i>Max Brod. Die Jüdinnen.</i> —Перев. М. И. Розенфельдъ. <i>Окончаніе</i>	32
III. БУРБОНЪ. Военный разсказъ.—Бориса Садовского	81
IV. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Федора Сологуба	107
V. ОРКЕСТРЪ СЛѢПЫХЪ. Разсказъ.—М. Моравской	109
VI. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Т. Ефименко	123
VII. ВЪ КАЗАРМѢ И ОКОЛО КАЗАРМЫ. (Силуэты и штрихи.) Д. Л. Д—ова	125
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Бернера	156
IX. ИСТИНА. Разсказъ Луиджи Пиранделли. Перев. Ольги Кобылянской	157
X. БѢЛЫЙ СЛОНЪ. Разсказъ.—Ольги Форшъ	165
XI. МИРА. Идея рока въ древней и новой трагедіи.—В. Ф. Зѣлинскаго	1
XII. Г. И. УСПЕНСКІЙ ВЪ 70-е и 80-е гг. Біографическія замѣтки.—Ч. Вѣтринскаго. <i>Окончаніе</i>	23
XIII. СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗІЯ.—А. Л. Погодина	55
XIV. ЭДУАРДЪ КАРПЕНТЕРЪ. Письмо изъ Англіи.—С. И. Рапопорта	73
XV. СОННАЯ ОДУРЬ.—Владимира Шмидта	100
XVI. ВОЗРАСТЪ ЗЕМЛИ.—Ю. Делевскаго	115
XVII. ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ СЕРГѢЕВНЫ МИРОВИЧЪ.—А. А. Кизеветтера	140

XVIII. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Послѣ войны. С. А. Котляревскаго.—2. Австрійскія дѣла. И. О. Левина.—3. Страхование служащихъ въ Германіи. А. Леща. II. Литература и искусство. 1. Письма любви. П. С.—2. Восточные мотивы г-жи Шагинянъ. В. Шмидта.—3. Развитие литературы на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ. І. И. Геллера.—4. Новыя исканія научной поэзіи. Ренэ Гиля. III. Религія и церковь. 1. Аѳонское дѣло. С. Н. Булгакова.—2. О земномъ и небесномъ утопизмѣ. Н. А. Бердяева. IV. Школа и воспитаніе. Сельская школа въ Германіи. А. М. Обухова. V. Некрологъ	1
XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги: Литература, исторія литературы и литературная критика.—Языкознаніе.—Философія и религія.—Исторія.—Публицистика.—Политическая экономія, статистика и финансы.—Естествознаніе и математика.—Географія. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 по 15 сентября 1913 г.	329
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по *понедѣльникамъ* отъ 10¹/₂—12 ч. и по *пятницамъ* отъ 1¹/₂—4¹/₂ ч.

Секретарь—по *средамъ* отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ.

Трагедія въ пяти сценахъ, съ хоромъ.

Что весна,—кто видѣлъ сѣвы
Асфоделевой страны!

„Орфей и Эвридика“.

ИЗОБРАЖАЕМЫЯ ЛИЦА:

Лаодамія, вдова Протесилая, царя Филаки.	(Протагонистъ.)
Тѣнь умершаго Протесилая	} (Девтерагонистъ.)
Тимандръ, знатный гражданинъ Филаки	
Гонецъ	
Өрасонъ, братъ Лаодаміи	} (Тритагонистъ.)
Заклинательница	
Гермесъ	
Первый стражъ. (За сценой.)	
Второй стражъ. (За сценой.)	
Предводительница хора.	
1-ая изъ хора.	
2-ая изъ хора.	
3-ья изъ хора.	
Хоръ прислужницъ царицы.	

Дѣйствіе въ Филакѣ, передъ дворцомъ Протесилая.

Время дѣйствія—первый годъ Троянской войны.

I.

Өрасонъ и Тимандръ. Потомъ Лаодамія.

Өрасонъ.—Тимандръ! Нравъ Лаодаміи знакомъ тебѣ.

1

Она, сказавъ однажды, не отступится,

И, что рѣшила, будетъ то исполнено.

Она не хочет вѣрить, что погибъ супругъ,
 Гонцовъ извѣстья называетъ лживыми,
 И вѣрить больше снамъ своимъ и вымысламъ,
 Чѣмъ моряковъ разсказамъ и молвѣ людской.
 Повѣрь, напрасны будутъ настоянія,
 Какъ тщетныхъ волнъ удары въ грудь прибережныхъ скалъ.

Тимандръ.—Но мудрый внемлетъ доводамъ и разуму. 10

Намъ всѣмъ прискорбно было убѣдиться въ томъ,
 Что нѣтъ Протесилая средь живыхъ людей,
 Царя, народомъ съ юности любимаго,
 Достойнаго героя и послѣдняго
 Въ роду царей Филаки, славномъ издавна.
 Но можно-ль спорить противъ очевидности?
 Что есть, то есть, что было, больше нѣтъ того.
 Мы темной волѣ Рока уступить должны,
 И,—какъ прилично, смерть царя оплакавши,—
 О дѣлѣ общемъ думать и заботиться.

20

Θрасонъ.—Что-жъ вы хотите отъ сестры потребовать?

Тимандръ.—Ты, Θрасонъ, не невѣдаешь, что городу

Быть непристойно подъ рукой у женщины.

Царицѣ подчинялись мы, была пока

Она царя отплывшаго намѣстница,

И чли ея рѣшенья; но теперь, когда

Протесилай покончилъ жизнь, наслѣдника

Намъ не оставивъ, должно намъ избрать царя.

Не съ тѣмъ все это говорю я, чтобъ твоей

Сестры права, безспорныя, оспаривать,

30

Жены, царемъ избранной, хоть лишь ночь одну

На новобрачномъ ложѣ знала съ нимъ она.

Но кто не скажетъ нынѣ: подобаетъ ей

Себѣ, изъ лицъ достойныхъ, мужа вновь избравъ,

Съ нимъ бремя власти подѣлить. Кто править, тотъ

Владѣть копьемъ обязанъ, съ силой мечъ возносить,

Тамъ, гдѣ бушуетъ Аресъ, впереди быть всѣхъ:

Постыдно подчиняться безоружному.

Не женщинѣ въ Филакѣ древней царствовать,

Героями богатой! Но, такъ говоря,

40

Твоей сестры достоинствъ не порочу я.

Θрасонъ.—Въ твоихъ словахъ я слышу истину, Тимандръ.

Но ты не сломишь воли Лаодами.

Когда она, съ прискорбіемъ, увѣрится,

Что нѣтъ Протесилая,—предпочтетъ она

Въ родимый домъ Акаста возвратиться вновь
И тамъ, средь женщинъ, пряжу вновь, какъ дѣва, прясть,
Чѣмъ отступить отъ клятвы, данной мертвому,
И выбрать вновь супруга. Будетъ ей милѣй
Въ дому отца молчанье горницъ дѣвичьихъ, 50
Чѣмъ мужа поцѣлуй нелюбимаго.

ТИМАНДРЪ.—Когда не согласится просьбамъ внять она,
Всѣмъ городомъ мы сами изберемъ царя.
Но это будетъ къ распрямъ поводъ горестный:
Вѣнецъ всѣ жаждутъ на себя взложить, и всѣ
Въ душѣ мечтаютъ, что вѣнца достойны. Споръ
Поднимется, и можетъ возгорѣться бой.
Царицы вольный выборъ примирилъ бы всѣхъ.

ӨРАСОНЪ.—Кого же вы ей въ женихи намѣтили?

ТИМАНДРЪ.—Царицу мы неволить не хотимъ. Сама 60
Пусть намъ укажетъ, кто изъ насъ достойнѣйшій.
Въ Филакѣ гражданъ много, рода знатностью
Прославленныхъ, достойныхъ скиптра. Напримѣръ,
Я самъ не изъ послѣднихъ; мой отецъ въ бою
Не вѣдалъ равныхъ; написалъ законы дѣдъ,
Тѣ, что понынѣ свято чтутся въ городѣ,
И въ Скирѣ правилъ прадѣдъ мой со славою.
Избравъ меня супругомъ и правителемъ,
Твоя сестра не постыдила-бъ имени,
И выборъ этотъ весь народъ одобрилъ бы. 70

ӨРАСОНЪ.—Но вотъ сама царица; передай ей все.

(Входитъ Лаодамія.)

ЛАОДАМІЯ.—Тимандръ и братъ мой, рада васъ привѣтствовать.

ТИМАНДРЪ.—И мы тебѣ, царица, говоримъ: привѣтъ.

ЛАОДАМІЯ (къ Тимандру).—Пришелъ ли ты какъ вѣстникъ иль
какъ гость ко мнѣ?

ТИМАНДРЪ.—Народъ скорбитъ, царица, что погибъ твой мужъ.
Протесилая вѣчно намъ оплакивать!

ЛАОДАМІЯ.—Откуда вамъ извѣстно, что погибъ мой мужъ?

ТИМАНДРЪ.—Увы, царица, эта вѣсть печальная
Давно пришла въ Филаку. Царь сраженъ въ бою,
Но палъ героемъ, какъ воитель доблестный. 80
Объ этомъ сообщали корабельщики,
Браздящіе предѣлы всѣхъ пяти морей.

ЛАОДАМІЯ.—И ты, Тимандръ, ты вѣришь этимъ розказнямъ!
Почудилось торговцу финикійскому,

Что о царѣ Филаки гдѣ-то рѣчь идетъ,
И вы готовы позабыть о вѣрности,
Отъ клятвъ отречься, новаго царя искать,
Оплакивать живого!—Живъ Протесилай!
Мнѣ такъ внушаетъ сердца голосъ внутренній,
Меня въ томъ убѣждаютъ каждой ночью сны.
Протесилай не умеръ! Возвратится онъ
И отомститъ жестоко тѣмъ измѣнникамъ,
Что, подъ предлогомъ лживаго извѣстія,
Взложить сгѣшили на себя вѣнецъ его!

90

Θ ρ α с о н ъ.—Сестра, ты въ рѣчи слишкомъ увлекаешься.
Твои несправедливы нареканія.
Тимандръ...

Т и м а н д р ъ.—Я ихъ не слышалъ. Горе тяжкое
Смутило умъ царицы. Но пойметъ она,
Что о погибшемъ мы скорбимъ не менѣе,
Что только долгъ священный передъ городомъ
Насъ заставляетъ мыслить о преемникѣ
Протесилая...

100

Л а о д а м і я.—Какъ! объявленъ новый царь?

Т и м а н д р ъ.—Твои права, царица, уважаемъ мы.
Никто изъ насъ не мыслить посягнуть на нихъ.
Протесилаемъ ты была поставлена
Правительницей града: при тебѣ твой скиптръ.
Но нынѣ всѣ мы знаемъ, что погибъ нашъ царь.
А безъ царя народу невозможно жить.
Градъ безъ державца—что корабль безъ кормщика,
Конь безъ узды иль войско безъ начальника!
Какъ всѣ мы ни печальны, какъ ни скорбна ты,
Но время думать, гдѣ найти преемника
Царю, кто-бъ, съ силой въ руки взявъ правленье, вновь
Въ странѣ, главы лишенной, правый судъ воздвигъ.
Мы чтимъ въ тебѣ, царица, горе вдовье, но
Должны поставить выше благо родины.
Намъ сердце наше любо, больше любъ народъ,
Всего-жъ на свѣтѣ выше—предъ богами страхъ.
Нашъ долгъ—блюсти Филаку, и меня сюда
Послалъ совѣтъ старѣйшинъ, чтобъ просить тебя,—
Когда извѣстие подтвердилось горькое,—
Себѣ избрать супруга, городу—царя.

110

120

Л а о д а м і я.—Пусть вѣрите вы баснямъ корабельщиковъ,
Но почему-жъ съ избраньемъ такъ торопитесь?

Что я за эти совершила мѣсяцы
Недолжнаго? Неправо осудила-ль я
Кого-нибудь? Наслалъ ли богъ разгнѣванный
Моръ на стада? Не палъ ли надъ посѣвами
Небесный градъ? Иль предрекли гадатели
Болѣзнь и гладъ?

Тимандръ.—Нѣтъ, боги благосклонны къ намъ; 130

Твое правленье славятъ всѣ, но граждане
Сгибать привыкли выю только предъ царемъ.
Лишь мужъ, одѣтый въ панцырь, можетъ властвовать
Дѣтьми Филаки, что вездѣ прославлены
Метать копье умѣньемъ и коней смирять.
Склони гордыню передъ долгомъ, женщина,
И славный жребій—быть женой царя—прими.

Лаодамія.—Со мной мой братъ. Рукою твердо мужеской
Крѣпить мою онъ слабость, какъ костыль лозу.

Тимандръ.—Хвалы твой братъ достоинъ, но онъ намъ
чужой, 140

Царемъ Филаки древней можетъ быть лишь свой.

Лаодамія.—Но если даже правы всѣ извѣстія,
Мнѣ все же странны ваши настоянія.
Вдовство мое не мѣрится и мѣсяцемъ,
Супруга прахъ оплакать не успѣла я,
Обрядовъ погребальныхъ не исполнила,
Одеждъ унылыхъ не носила. Мнѣ-ль мечтать
Вновь о замужествѣ, о брачныхъ факелахъ!
Пусть подтвердится страшный слухъ, пусть скорбные
Обряды я исправлю,—я подумаю 150
Тогда о волѣ, переданной мнѣ тобой.

Тимандръ.—Мнѣ поручили сообщить старѣйшины
Тебѣ, что медлить болѣе нѣтъ времени.
Народъ, волнуясь, буйствуетъ на площади,
Его смущаютъ разные искатели,
Возникнуть въ градѣ могутъ распри буйныя.
Спѣшить намъ должно—смутѣ положить конецъ.
Свой бракъ ты справишь послѣ дней вдовства,
Но объявить свой выборъ ты теперь должна.

Лаодамія.—Когда-жъ отвѣтъ мой знать хотятъ старѣй-
шины? 160

Тимандръ.—Сегодня ты подумай, завтра дай отвѣтъ.

Лаодамія.—Благодарю за вѣсти. Повинуюсь я.

(Тимандръ кланяется и уходитъ.)

Θ ρ а с о н ъ.—Мнѣ кажется, онъ дѣло говорить, сестра.

Какъ ни прискорбно, но повѣрить должно намъ...

Л а о д а м і я.—Нѣтъ! Я не вѣрю! Могутъ ли безсмертные,
 Что справедливость съ высоты небесъ блюдутъ,
 Жестокость эту допустить: чтобъ мой супругъ,
 Чтобъ храбрый, честный, доблестный, возлюбленный
 Протесилай сраженъ былъ первымъ, раньше всѣхъ,
 Тогда какъ столько низкихъ, недостойнѣйшихъ
 Отъ жала смерти уклонились счастливо!
 Быть этого не можетъ!

170

Θ ρ а с о н ъ.—Иль не знаешь ты,

Что часто доблесть гибнетъ, а порокъ живетъ.

Судьба слѣпая править человѣчествомъ:

Сраженъ могучій, слабый цѣль; надъ юностью,

Въ гробу лежащей, старость слезы льетъ,

И Атэ спорить дерзостно съ Немесидой.

Тотъ Финикиецъ, что привезъ извѣстіе...

Л а о д а м і я.—Разсказывать купцамъ ли о судьбѣ царей!

Послушай, братъ! Я тайно, отъ тебя таясь,

Гонца послала въ Аргось, ко дворцу Микенъ:

Туда самъ Агамемнонъ часто вѣсти шлетъ,

Тамъ все извѣстно, что подъ Троей дѣется,

Оттуда я узнаю безъ обмана все!

Гонецъ давно отправленъ, скоро будетъ здѣсь,

И ты увидишь, вѣрны ли предчувствія

Моей души!

180

Θ ρ а с о н ъ.—Да будетъ по словамъ твоимъ.

(Расходятся.)

Выступаетъ хоръ.

(Пародось.)

Строфа I.

Х о р ъ.—Богъ растерзанный, богъ ожившій вновь,

Бывшій мертвымъ, и вновь узрѣвшій день,

Бакхъ-Загрей прославленъ будь!

Сильный въ разныхъ обликахъ,

Живъ изъ пепла вышедшій,

Духъ людей врачующій,

Сынъ Семелы, дважды рожденный!

190

Антистрофа I.

Тигры лютые, псы Индійскіе,

Колесницу твою влекутъ рыча.

Паль Пентей, растерзанный
Вдохновенной матерью;
Ариадны златъ вѣнецъ
Взброшенъ въ небо темное; 200
Вѣкъ безсмертны хоры трагедій!

Строфа II.

Мы, мѣнады изступленныя,
Сотрясая тирсы буйныя,
Мчимся въ пляскѣ опьянительной,
Прославляя вѣчно юнаго
Бога, бога, бога, съ чашею

Вина золотого,
Въ небридѣ свободной!

Антистрофа II.

Сестры, сестры, шагъ замедлите,
Близко, близко дуновение 210
Устъ божественныхъ! присутствіемъ
Божества душа исполнена!
Вновь свершится несказанное,
И явлена будетъ
Великая тайна.

II.

Гонецъ изъ Микенъ. Потомъ Лаодамія и Эрасонъ.

Гонецъ (входитъ съ лѣвой стороны).— Царицѣ передайте, что при
шелъ гонецъ.

Предводительница хора.—Откуда ты?

Гонецъ.—Изъ Аргоса.

Предводительница хора.—Съ хорошими

Вѣстями иль дурными?

Гонецъ.—Хуже не бывать!

1-ая изъ хора.—Такъ что-жъ, безумный, ихъ ты передать
спѣшишь?

Съ утѣшной вѣстью смѣло въ домъ царя стучись, 220

Съ дурной помедли у порога. Вѣ-время

Всегда приходитъ радость, грусть всегда не въ срокъ.

Гонецъ.—Царица приказала торопиться мнѣ.

(Одна изъ хора уходитъ извѣстить Лаодамію.)

2-ая изъ хора.—Ты былъ въ Микенахъ?

Гонецъ.—Кругомъ голова идетъ

Еще сейчасъ, какъ вспомню пышность, роскошь, блескъ

Дворца царевладыки. Злато взоръ слѣпнеть,

Колонны, какъ деревья, потолокъ—что сводъ

Небесный, пурпуръ, серебро. Великъ въ царяхъ

Царь Агамемнонъ!

3-я изъ хора.—Видѣлъ ты и женщинъ тамъ?

Гонецъ.—Я видѣлъ Клитемнестру: та равна богамъ! 230

1-ая изъ хора.—Царица!

(Выходятъ Лаодамія и Эрасонъ.)

Лаодамія.—Безъ отсрочекъ! Говори сейчасъ:

Протесилай не умеръ? Отвѣчай скорѣй!

Гонецъ.—Великая царица, я твой вѣрный рабъ...

Лаодамія.—Не надо мнѣ вступленій! Къ дѣлу!

Гонецъ.—Посланъ былъ

Тобою я въ Микены. Длинень былъ мой путь...

Лаодамія.—Рабъ! я тебя на мѣстѣ прикажу убить,

Когда ты будешь медлить!

Эрасонъ.—Овладей собой,

Сестра!

Лаодамія.—Протесилай не умеръ? Дай отвѣтъ!

Эрасонъ.—Но ты его задушишь.

Гонецъ.—Я, царица, простъ

И не ученъ. Сумѣю рассказать лишь то, 240

Что мнѣ передавали. Иначе—собьюсь.

Лаодамія.—Рассказывай.

Гонецъ.—Ты знаешь: корабли царей

Въ Авлидѣ ждали долго, чтобъ попутные

Подули вѣтры: вѣтеръ отъ безсмертныхъ то-жъ!

И мудрый Калхасъ, все, что будетъ, знающій,

Сынъ Эестора, гадатель, жертвы разсмотрѣвъ,

Предрекъ, что тотъ, кто первый, изъ героевъ всѣхъ,

На вражій прянетъ берегъ, первымъ приметъ смерть.

Такъ мнѣ сказали, правда-ль то, не вѣдаю.

Лаодамія.—О, чую скорбь!

Гонецъ.—Царица, говорю лишь то, 250

Что самъ я слышалъ. Молвить слова лишняго

Я не посмѣю. Мы, гонцы,—уста другихъ,

Другіе нами говорятъ. Какъ эхо горь

Мы вторимъ звуки.

Эрасонъ.—Продолжай рассказъ.

Гонецъ.—И вотъ,
 Когда къ брегамъ Троадскимъ корабли пришли,
 Никто изъ храбрыхъ первымъ не хотѣлъ сойти:
 Всѣмъ жизнь любезна; жребій даже думали
 Метать объ этомъ (мнѣ передавали такъ).
 Тогда, царица, твой супругъ достойнѣйшій,
 Протесилай, Филаки нашей славный царь, 260
 Друзьямъ сказалъ: „Судьбины не избѣгъ никто!
 Не я-ль на подвигъ предназначенъ именемъ?
 Когда же боги Иліосъ вамъ взять дадутъ,
 Того, кто путь вамъ указалъ, вы вспомните!“
 И первымъ прынулъ съ корабля на вражій берегъ.

Предводительница хора.—Въ груди Протесилая духъ великій жилъ.

Лаодамія.—О, горе мнѣ, злосчастной!

Θрасонъ.—Продолжай, гонецъ!

Гонецъ.—Случилось такъ, что въ первой битвѣ Дарданецъ
 Въ царя копьемъ умѣтилъ и пробилъ доспѣхъ:
 Попалъ онъ подъ ключицу, и насквозь прошло 270
 Желѣзо злое. Царь упалъ, не вскрикнувши,
 И потекла кровь вмѣстѣ съ жизнью милою...
 Всѣмъ суждено живущимъ встрѣтить свой конецъ,
 И смерти не избѣгнетъ царь, какъ бѣдный рабъ.

Лаодамія.—Ты все солгалъ!

Гонецъ.—Тотъ видѣлъ самъ воочию

Царя погибель, кто мнѣ это передалъ.

Лаодамія.—Такъ онъ солгалъ!

Гонецъ.—Супруга Агамемнона,

Царица Клитемнестра, повелѣла мнѣ

Тебѣ отдать тирійскимъ златомъ убранный,

Украшенный искусно, по краямъ съ рѣзбой, 280

Доспѣхъ царя: вотъ здѣсь онъ, и сказала мнѣ

(Я рѣчь ея припомню слово за-слово):

„Скажи царицѣ, что я съ ней вдвоемъ грущу,

Что ей залогъ я посылаю горестный—

Не выданный Троянцамъ золотой доспѣхъ

Ея супруга,—память да хранить его!“

Лаодамія.—Прочь! съ глазъ моихъ исчезни! вѣстникъ ужаса!

Подруги, я погибла! горе, горе мнѣ!

(Рыдаетъ. Гонецъ скрывается.)

Θрасонъ.—Нѣтъ болѣе сомнѣній. Я доспѣхъ царя

Прекрасно помню. Царь былъ облаченъ въ него, 290

Вступая на корабль свой: какъ костеръ огня,
Средь мѣдныхъ броней, весь горѣлъ онъ золотомъ!
А вотъ копьемъ пробитое отверстіе.

Лаодамія.—Оставь меня на время, братъ!

Θрасонъ.—Прости, сестра.

(Θрасонъ удаляется. Лаодамія остается, погруженная въ глубокую печаль.

Хоръ.—Бѣдная, бѣдная, мы содрогаемся,
Горестъ твою безпредѣльную чувствуя,
Словно подъ вѣтромъ листы, упованія
Вѣстника страшнымъ разговоромъ развѣяны.
Словно индійскіе перлы обрѣнены
Въ море, надежды на дно твои канули. 300
Плачь, плачь о смерти супруга любимого,
Плачь, плачь объ участи злой и безжалостной!

Лаодамія.—До послѣдняго мига я вѣрила,
До послѣдняго мига надѣялась,
Но теперь всѣмъ надеждамъ конецъ! конецъ!
Какъ же мнѣ не рыдать, мои вѣрныя?
Мужа, Протесилая, вы помните?
Былъ прекрасенъ онъ, словно безсмертный богъ,
Былъ онъ мужественъ, словно молодой Тесей,
Умъ его былъ подобенъ звѣздѣ въ ночи! 310

Предводительница хора.—О, много злого дастъ намъ
Тиндаридинка.

Лаодамія.—Другимъ въ печаляхъ есть и утѣшеніе:
Онѣ съ супругомъ знали ночи счастья;
Разставшись съ нимъ, хранятъ воспоминаніе.
Лишь мнѣ одной лютѣйшій жребій выдался!
Вы знаете: мой бракъ подъ день отплытія
Былъ совершенъ. Вошла въ опочивальню я,
Чтобъ провести въ ней съ мужемъ ночь единую.
Ахъ, помню, къ утру, сладостно усталая
Заснула я, но смутно все я чуяла, 320
Что мой любимый рядомъ распростертъ со мной.
Вдругъ слышу шумъ, и вижу, пріоткрывъ глаза,
Уже въ доспѣхъ блестящій онъ одѣтъ стоитъ,
Съ мечомъ въ рукѣ, готовясь возложить свой шлемъ.
Подулъ попутный утромъ вѣтръ, и кормщику
Приказано причалы корабля рубить.
Безумная, я къ мужу съ плачемъ бросилась,
Къ нему приникла, какъ къ тростинкѣ льнетъ лоза,

Его колѣни горько цѣловала я,
 Еще хотъ день, единый день,—просила я, 330
 Еще хотъ часъ, единый часъ,—молила я!
 Но взоры строго отъ меня отвелъ герой,
 И въ лобъ меня поцѣловалъ участливо;
 „Иду свой долгъ исполнить“, такъ сказалъ онъ мнѣ,
 И къ нашей рати твердой вышелъ поступью.

Предводительница хора.—Несчастливая! какъ въ этотъ мигъ
 страдала ты!

Лаодамія.—И дни потомъ тянулись безпредѣльные,
 И не было изъ-за-моря вѣстей къ роднымъ.
 Я во дворцѣ пустынномъ коротала жизнь,
 Пряла межъ вами пряжу я, какъ женщина, 340
 И, какъ мужчина, съ братомъ градомъ правила.
 Вдругъ вѣсть пришла: губительнѣе всѣхъ вѣстей!
 Но ей повѣрить не хотѣла долго я,
 Пока сегодня...

Предводительница хора.—Скорбью овладѣй своей!
 Склонись главою, царица, предъ безсмертными.
 Всѣмъ выпадаетъ жребій о другихъ страдать:
 И плачетъ мать о сынѣ, о супругѣ мужъ,
 О миломъ братѣ братъ и сынъ о матери...

Лаодамія.—Подруги! вамъ открою тайну женскую,
 Ту, что отъ всѣхъ донынѣ охраняла я! 350
 Я вамъ сознаюсь: въ эту ночь единую,
 Чтò съ мужемъ я на ложѣ провела,—его
 Женою я не стала! Страхъ дѣвическій
 Меня отъ ласки страстной отвращалъ. Дрожа,
 Въ слезахъ, Протесилая умоляла я
 Моихъ желаній не неволить... Онъ моимъ
 Мольбамъ безумнымъ уступилъ. Меня въ ту ночь
 Ласкалъ онъ нѣжно, но не какъ супругъ, какъ братъ...
 И все же утромъ, зовъ слыша кормщика, 360
 Единого онъ мига не промедлилъ, но
 Поцѣловалъ мнѣ очи, прошепталъ: „прости“,
 И вышелъ изъ чертога... И осталась я
 Не дѣвушка и не жена, замужня
 И ласкъ мужскихъ не зная! О, единый разъ
 Хочу Протесилая, какъ жена, обнять,
 Ему предать всей волей тѣло робкое,
 Его любви всю силу испытать вполнѣ!
 Безъ этого вся жизнь моя—проклятiе,

Безъ этого всѣ дни мои—томленіе,
Онъ мнѣ богами обрученъ! должна я стать
Его супругой! Иначе—мнѣ свѣтъ не въ свѣтъ!

370

Предводительница хора.—Царица! горькой доли уступи
теперь!

Былого не измѣнишь—то, что есть, то есть.
Твой мужъ въ могилѣ темной; навсегда ушелъ
Отъ насъ умершій; загражденъ возвратъ ему.

Лаодамія.—Ахъ, только-бъ часъ единый вмѣстѣ съ нимъ по-
быть,

Вернуть тотъ вечеръ!

Предводительница хора.—Нѣтъ путей изъ Тартара.

Лаодамія.—Изъ Тартара къ сіянью дня не вывелъ ли
Герой Гераклъ трехглавое чудовище?

Предводительница хора.—Покинулъ землю сынъ Алкме-
ны. Больше нѣтъ 380

Того, кто былъ бы въ силахъ тотъ же трудъ свершить.

Лаодамія.—Пѣвецъ Орфей изъ Тартара не вывелъ ли
Свою супругу Эвридику мертвую?

Предводительница хора.—Къ чему, царица, тайны вспо-
минаешь ты?

Лаодамія.—Что въ мірѣ мнѣ осталось, кромѣ тайнъ и чаръ?

Предводительница хора.—Не должно смертнымъ вѣчный
Рокъ оспаривать.

Лаодамія.—Мнѣ Рокъ судилъ такое, что сверхъ силъ моихъ.

Предводительница хора.—Молись богамъ безсмертнымъ,
да хранятъ тебя!

Лаодамія.—Молиться буду я Гекатѣ сумрачной!

Предводительница хора.—Тотъ гибнетъ, кто вступаетъ на
запретный путь. 390

Лаодамія.—Погибель лучше, чѣмъ томленіе вѣчное!

Вѣдь я не знала, что мы съ нимъ прощаемся
Навѣкъ! Не знала, что тотъ мигъ—последній былъ!
Когда-бъ на часъ единый съ нимъ я свидѣлась,
Всю страсть мою, и всю любовь сумѣла-бъ я
Безъ словъ, безъ жалобъ, до предѣла выразить
Однимъ объятіемъ и однимъ лобзаніемъ!

Предводительница хора.—Царица, ты недоброе замыслила.

Лаодамія.—Что я рѣшила, то свершить сумѣю я!

Предводительница хора.—Своихъ страстей не подчиняй-
ся голосу, 400

Провѣрь желанья доводами разума.

Мгновенью довѣряться—неразумныхъ путь,
Идетъ, съ клюкой раздумья, мудрость медленно.
Лаодамія.—Раздумывать мнѣ не найдется времени.
Въ дворцѣ Протесилая мнѣ лишь ночь одну
Осталось быть царицей: ей воспользуюсь.
Хочу его увидѣть: плата—пусть и смерть!

(Стремительно уходитъ.)

(Первый стасимонъ.)

Строфа I.

Хоръ.—Кто, Кипридой сопутствуемъ,
Въ Спарту прибылъ высокую?
Кто похитилъ, коварный гость,
Леды дочь бѣлогрудую!

410

Иды дальней пастухъ, копьеоснаго Пріама
Сынъ любимый, умчалъ на ладѣ бѣлопарусной
Менелая жену, честь прекраснѣйшихъ женъ.
Но напрасно ее кроетъ въ гордомъ онъ Пѣргамѣ,
Местъ безчестныхъ найдетъ и во прахъ падетъ Иліосъ.

Антистрофа I.

Слава тѣмъ, кто за родину
Подымаютъ свой мощный мечъ.
Слава тѣмъ, кто съ отвагою
Въ неуклонномъ падутъ бою.

420

Но прекраснѣй стократъ, но безмѣрно желаннѣе
О прекрасной женѣ брань вести безпощадную.
Гекторъ мѣтитъ копьемъ, но Аянтъ подставляетъ щитъ,
Мудръ Антѣнора гласъ, сынъ Лаэрта мудрѣй еще,
И высоко вознесъ Агамемнонъ свой царскій жезлъ.

Строфа II.

Всѣхъ затмевая могучихъ и славныхъ воителей
Славой блистаетъ немеркнувшей Протесилай,

За другихъ онъ рѣшился погибнуть,
Первый прыгнувъ на вражескій брегъ.

Другимъ—хвалы пѣвцовъ и слава,
Но первымъ павшему—любовь!

430

Онъ не забудется
Въ пѣсняхъ привѣтственныхъ,
Будутъ на струнахъ лиръ
Имя его повторять.

Антистрофа II.

Но безотрадная доля женъ его выпала,
Что наканунѣ вошла въ недостроенный домъ.

Первобрачная ночь—предразлучной,
Волей Мойры, была для нея.

Для всѣхъ—супруга, втайнѣ дѣва,
Рыдаетъ ранняя вдова.

440

Какъ сновидѣніе,
Тѣнью туманною,
Бракъ вспоминается,
Грезой, манившей во снѣ.

III.

Заклинательница. Потомъ Лаодамія.

Справа приближается Заклинательница.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Кто мнѣ укажетъ, гдѣ царица, дѣвушки?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА ХОРА.—Царицу ищешь ты?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Не я ищу ее:

Она рабовъ послала разыскать меня.

1-я ИЗЪ ХОРА.—А каково, старуха, ремесло твое?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Сбираю травы и служу богамъ ноч-
нымъ.

450

1-я ИЗЪ ХОРА.—Колдуешь ты?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Сны толковать умѣю я.

2-я ИЗЪ ХОРА.—И варишь зѣлья?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Снадобья готовлю я.

2-я ИЗЪ ХОРА.—Умѣешь ты привораживать?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Сумѣла бы

Тебя влюбить я въ Эеіопа чернаго.

3-я ИЗЪ ХОРА.—И излѣчить ты можешь отъ любви?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Тебѣ

Такой напитокъ нуженъ, что ни день, опять.

1-я ИЗЪ ХОРА.—Поворотить царицѣ собираешься?

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА.—Всѣмъ ворожба потребна въ мірѣ: юноша

Узнать желалъ бы: дѣва любить ли его;

А дѣвѣ нужно вѣдать: милый вѣренъ ли;

460

Купца тревожить: корабли избѣгнуть ли

Разбойниковъ; героя: побѣдить ли онъ;

Не кроется-ль измѣна во дворцѣ,—царя.

Висятъ завѣсы красныя надъ будущимъ;

Я, съ помощью Гекаты, раздвигаю ихъ,
 И вижу: поцѣлуй, слезы, свѣжій лавръ
 И новую могилу, тамъ—вино, тамъ—кровь.
 И обо всемъ вѣщаютъ вамъ уста мои,
 И этими устами—говорить къ вамъ богъ!
 Вы надо мной смѣтаетесь, но могла бы я 470
 Васъ всѣхъ дрожать заставить, вамъ судьбу открывъ!

1-я изъ хора.—Идетъ царица! сестры, время намъ молчать.

Входитъ Лаодамія.

Заклинательница.—Царицу вижу, и полна душа моя.

Цари земные—боги для простыхъ людей!

Лаодамія.—Нѣтъ времени мнѣ слушать эти розказни.

Молчи, старуха, и запомни все, что я

Скажу.

(Къ хору.)

Уйдите! Съ ней мнѣ надо быть одной.

(Хоръ раздвигается, отступая въ глубину оркестры.)

(Къ Заклинательницѣ.)

Мнѣ говорили, что изъ всѣхъ колдуній ты
 Искуснѣй прочихъ; что всѣ чары тайныя
 Тебѣ извѣстны: узнаешь грядущее, 480
 Приворожаешь зельемъ, съ вышины небесъ
 На землюводишь мѣсяцъ; что изъ мглы могилъ
 Ты вызвать можешь въ кругъ живущихъ мертваго.
 Все это правда-ль иль пустыя выдумки?

Заклинательница.—Мнѣ мать моя открыла тайны страшныя,

Всѣмъ чарамъ научила, и въ Ѳессаліи,

Колдуньями богатой, нѣтъ такой, какъ я!

И для тебя, царица, все я сдѣлаю,

Что только могутъ силы заклинанія,

Ко всѣмъ богамъ прибѣгну, и обряды всѣ, 490

Ужасные, забвенные, свершу въ ночи.

Лаодамія.—Вотъ здѣсь—цѣпь золотая; мой отецъ, Акастъ,

Ее въ подарокъ получилъ отъ славнаго

Царя Египта: нѣтъ ей на землѣ цѣны!

Но вдесятеро больше награжу тебя,

Когда исполнишь ты мое желаніе!

Осыплю я дарами несказанными

Твое уродство; я покрою золотомъ

Твои лохмотья; будешь ты отнынѣ жить,

Какъ царь Персидскій, ни о чемъ не думая. 500

Заклинательница.—Приказывай, царица, я раба твоя.

Лаодамія.—Но ты должна, старуха, что скажу тебѣ,

Запрятать въ душу, словно кладъ во глубь земли!

Остерегись объ этомъ слово вымолвить,

Однимъ намекомъ малымъ дать понять другимъ,

Пошевелить губами передъ кѣмъ-нибудь!

Я награждать умѣю, но умѣю мстить.

Заклинательница.—Что ты мнѣ скажешь, въ мигъ умереть.

Поймаю я

Твои слова, какъ птица муху на лету.

Ахъ, много тайнъ хранится въ старой памяти: 510

Онѣ лежатъ во мракѣ, какъ сокровища,

И оку Феба ихъ не освѣтитъ во вѣкъ.

Все говори мнѣ смѣло и покойна будь.

Лаодамія.—Старуха, слушай! Въ эту ночь должна ты мнѣ,

Всей мощью чаръ, всей силой волхвованія,

Вернуть изъ царства тѣней мужа мертвого,

Царя Протесилая, что убить въ бою!

Ко мнѣ прійти онъ долженъ, облеченъ во плоть,

Способенъ видѣть, слышать, сердцемъ чувствовать,

И отвѣчать на рѣчи рѣчью явственной! 520

Не тѣнь пустую, и не обликъ призрачный,

Но самого Протесилая, кто теперь

По берегу Леты бродить, истомившійся,

И горько стонетъ, вспоминая свѣтъ дневной!

Исполнишь,—и богатой будешь! Если-жъ нѣтъ,—

Пока еще въ Филакѣ, здѣсь, царица я,—

Тебя мученьямъ я предамъ безжалостнымъ,

Велю тебя замучить, какъ преступницу,

Велю тебя живую бросить въ баратронъ,

Мечу, огню, всѣмъ пыткамъ я предамъ тебя! 530

Заклинательница.—Съ Гекатою кто друженъ, тотъ боится ли

Угрозъ владыки? Гнѣвъ людей—ничто ему.

Но я твою, царица, волю свято чту

И, давши обѣщанье, вѣрно выполняю...

Великъ и тяжекъ—трудъ, тобой назначенный!

Сзови къ себѣ колдуній всей Тессаліи,

Изъ жаркаго Египта мудрыхъ вызови,

И хитрыхъ маговъ приведи изъ Персіи,—

Изъ нихъ никто,—порукой дамъ я голову,—

Не вызовется подвигъ совершить такой! 540

Лаодамія.—Отъ дѣла уклониться ты не хочешь ли?

Старуха, поздно! Слишкомъ много слышала
Ты отъ меня признаній! Нѣтъ путей назадъ!
Исполни, иль погибнешь!

Заклинательница.—Все исполню я,
Что обѣщала. Много можетъ старая!
Иди по землямъ—отъ холодной Скиѣи
Къ истоку Нила, отъ далекой Индіи
Къ столбамъ Геракла,—всюду кличь людей,
Всѣмъ обѣщай награды,—я, лишь я одна,
Могу, царица, помощь дать въ бѣдѣ твоей! 550
Вернись къ себѣ; свершивши возліянія,
Жди полночи спокойно,—часа черныхъ чаръ,
Когда дано намъ говорить съ Гекатою.
Я за тебя на стражѣ буду бодрствовать
И трудъ опасный на себя приму одна.
Ты-бъ содрогнулась, если-бъ вдругъ увидѣла,
Что мнѣ придется видѣть при огняхъ лампадъ!
Но лишь настанетъ полночь, приходи сюда
Одна и жди: покоренъ заклинаніямъ,
Того отпустить Плутонъ, кто былъ названъ здѣсь, 560
И твой супругъ, исполненъ силъ, придетъ къ тебѣ,
Чтобъ провести здѣсь время ровно до зари.
Но помни: только Эось розоперстая
Врата растворитъ колесницѣ Фебовой,
Гермесъ, посланникъ быстрый, вновь того, кто мертвъ,
Въ обитель темныхъ тѣней уведетъ съ собой.
Лишь три часа пробудетъ онъ живой съ тобой.
Вѣщаютъ боги: я лишь ихъ пособница,
Признай въ словахъ суровыхъ гласъ подземныхъ силъ.

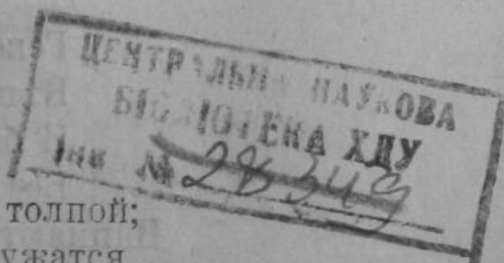
(Поворачивается и идетъ прочь.)

Лаодамія.—Стой, стой, старуха! ты не досказала мнѣ, 570
Какимъ онъ будетъ? онъ меня признаетъ ли?
Онъ сохранить ли память о любви своей?
Онъ будетъ ли, какъ прежде?...

Заклинательница.—Все мной сказано.

(Уходитъ.)

Лаодамія.—Эриніи витаютъ вокругъ меня толпой;
Въ виски стучить; во взорахъ искры кружатся...
И страшно мнѣ, и сладко мнѣ, нѣтъ силъ дышать,
Служительницы, я вся обезумѣла!

Предводительница хора.—Чѣмъ такъ тебя смутила та пророчица?

Лаодамія.—Нельзя отвѣтить, ты меня не спрашивай.

Предводительница хора.—Но были-ль вѣсти добры?

Лаодамія.—Словно въ сердце мечъ.

580

Предводительница хора.—Дурное предсказанье?

Лаодамія.—Безпощадное.

Предводительница хора.—За что-жъ ее такъ щедро одарила ты?

Лаодамія.—Молю тебя, оставь меня, дай время мнѣ

Одуматься, опомниться, прійти въ себя.

Никто еще, кто въ мірѣ жилъ, не зналъ того,

Что бѣдная, несчастная, я вѣдаю!

Никто еще, средь всѣхъ людей, не зрѣлъ того,

Что видѣть мнѣ, измученной, истерзанной!

О, сотни змѣй въ груди живутъ, язвятъ меня,

Палятъ меня и жгутъ мнѣ кровь, какъ факелы!

590

Нѣтъ силы ждать, нѣтъ силы жить, и жизнь и смерть

Смѣшалось все въ моей душѣ, какъ въ хаосѣ.

(Уходитъ.)

(Второй стасимонъ.)

Строфа I.

Хоръ.—Умершіе въ Тартарѣ

Сокрыты навѣкъ отъ насъ.

Но слово заклѣтія

Тревожитъ покой могилъ

И тѣни выводить подъ сводъ небесъ.

Бродятъ въ полѣ темномъ полночью колдуніи,

Собираютъ корни заповѣдныхъ травъ,

Долго варятъ зелья съ неотступнымъ шопотомъ,

600

Въ замкнутыхъ сосудахъ сохраняютъ ихъ.

Антистрофа II.

Геката полночная,

Вѣщаній пособница,

И боги подземные,

Безъ лика, безъ имени,

Внимаютъ призыву священныхъ словъ.

Если слово скажешь тайное, завѣтное,

Растворяетъ двери недоступный Адъ.

Съ жизнью кто разстался, живъ въ иномъ обличіи.
Все, что въ мірѣ было, можетъ вновь предстать. 610

Строфа II.

Плутонъ, подземнаго
Царства пріявшій скиптръ,
Самъ содрогается,
Слыша заклятія,
Что старше людей и боговъ.

Мойрѣ тайной, Мойрѣ вѣчной и безсмертныя покорны,
Знаетъ Зевсъ, что Рокъ сильнѣе, чѣмъ стрѣла небесныхъ
молній,
И, блѣднѣя, Персефона, отвращая ликъ ужасный,
Внемля голосу Орфея, возвращаетъ Эвридику.

Антистрофа II.

Воды холодныя 620
Стикса беззвучнаго
Переплываютъ вновь
Тѣни безплотныя
Въ недолгомъ обличьи живыхъ.

Страшно тѣнямъ мертвой грудью воздухъ острый вновь
вдохнуть
Мертвымъ взоромъ вновь увидѣть звѣздъ жестокое мер-
цанье,
И, со стономъ возникая, тягу смерти въ членахъ чуя,
Горько молятъ у колдуній въ вѣчный сумракъ отпустить
ихъ.

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ (за сценой). — Ворота запирайте, наступила
ночь!

ВТОРОЙ СТРАЖЪ (за сценой). — Ворота запирайте, наступила
ночь! 630

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.—О-о!

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.—О-о!

ПЕРВЫЙ СТРАЖЪ.—Темнѣетъ.

ВТОРОЙ СТРАЖЪ.—Наступила ночь.

Строфа III.

ХОРЪ.—Вечеръ наступаетъ, часъ любви.
Гаснетъ за холмами Феба ликъ,

Въ синемъ небѣ звѣзды свѣтъ зажгли.
 Тѣ, кто съ милымъ вмѣстѣ, счастья ждуть:
 Съ милымъ кто въ разлукѣ, тѣ грустятъ.
 Скоро лучъ Гекаты заблеститъ.
 Да хранятъ насъ боги отъ бѣды,
 Отъ болѣзней, смерти и отъ чаръ.

Антистрофа III.

Разойдемся, сестры, въ тишинѣ.
 Время наступило отдохнуть.
 Окропитъ намъ вѣки богъ-Морфей,
 Къ намъ слетятъ незримо тѣни сна.
 То, что совершится въ тѣмѣ ночной,
 Не должны мы вѣдать, женщинъ хоръ,
 Не должны мы слышать тайныхъ словъ,
 Что, быть можетъ, рядомъ прозвучать.

640

(Прислужницы располагаются вокругъ тимеле и погружаются въ сонъ.)

IV.

Лаодамiя, потомъ тѣнь Протесилая, потомъ Гермесь.

(Лаодамiя медленно выходитъ изъ дворца.)

Лаодамiя.—Зашла Геката. Близокъ часъ назначенный.

Восторгъ и страхъ объемлютъ мнѣ колѣни. Жду.

Ужель придетъ онъ, сладостный, возлюбленный,

650

Единственный! и, плача, припаду къ нему.

Увижу снова ликъ спокойно-царственный,

Его живую поступь, благородный станъ,

Услышу голосъ, радующій, мучащій,

Воскликну снова: „ты со мной, Протесилай!“

Но все такъ тихо. Спитъ дворецъ. Недвижна тѣнь.

Мой только шагъ по плитамъ слышенъ. Мiръ во снѣ.

Обманутая, буду до зари блуждать

И тщетно мучить мысль свою видѣньями.

Онъ не предстанетъ... Нѣтъ путей изъ Тартара...

660

О, если такъ, старуха, берегись меня!

Я отомщу! я прикажу убить тебя,

Пытать, терзать, бичами бить и жечь огнемъ!

Когда въ смертельной мукѣ будешь корчиться,

Тебѣ въ лицо я плюну, тварь, обманщица,

Гаданьями сквернящая алтарь боговъ...

Но чу... движенье... шорохъ... шумъ шаговъ нагихъ...

А, умираю!... это ты, Протесилай!

(Возникаетъ неясный обликъ около дыма жертвенника, является Протесилай и медленно, неуверенной походкой идетъ отъ тимеле къ Лаодаміи.)

Протесилай.—О, тяжело... я землю ощущаю вновь.

Лаодамія.—Протесилай! мой милый! мой единственный! 670

Протесилай.—Гдѣ я? что я? ослѣпли взоры. Темъ вокругъ.

Лаодамія.—Ты здѣсь, со мною! на землѣ! ты снова живъ.

Протесилай.—Твой зовъ знакомый слышу, Лаодамія!

Лаодамія.—Открой глаза! Въ глаза смотри мнѣ! Это—я!

Протесилай.—Мнѣ сумракъ Ада застилаетъ взоръ. Темно.

Лаодамія.—Я вымолила жизнь тебѣ! ты—живъ, ты—живъ!

Протесилай.—Гнетутъ меня видѣнья подземельныхъ странъ.

Лаодамія.—Забудь видѣнья, вспомни: на землѣ—любовь!

Протесилай.—Любовь? да, да, я помню, я любилъ тебя!

Лаодамія.—Любилъ и снова любишь! Я опять съ тобой! 680

Протесилай.—Тебя, какъ въ дымѣ, вижу, Лаодамія!

Лаодамія.—Я—Лаодамія, а ты—Протесилай!

Протесилай.—Да, я—Протесилай; я былъ убитъ въ бою.

Лаодамія.—Ты былъ убитъ, ты умеръ, и воскресъ теперь!

Протесилай.—Тамъ поле асфodelей,—бѣлый лугъ цвѣтовъ!

Лаодамія.—А здѣсь цвѣтутъ гранаты алыхъ устъ моихъ!

Протесилай.—Тамъ пламень недвижимый, черный небосводъ.

Лаодамія.—А здѣсь трепещутъ перси, снѣгъ грудей моихъ!

Протесилай.—Тамъ тѣни бродятъ, тамъ друзья, убитые!

Лаодамія.—Здѣсь я—живая, я жена твоя, съ тобой! 690

Протесилай.—Тамъ сонъ глубокій, тамъ молчаніе царить!

Лаодамія.—Здѣсь — пламя страсти, здѣсь — живой восторгъ любви!

Протесилай.—Я вспоминаю, узнаю, я понялъ все.

Лаодамія.—Приди сюда, на ложе, припади ко мнѣ!

Протесилай.—Но я вѣдь умеръ? я вѣдь тѣнь безплотная.

Лаодамія.—Ты—живъ! стяхни истому съ тѣла и съ души!

Протесилай.—Я вновь въ Филакѣ? во дворцѣ? я снова царь?

Лаодамія.—И царь, и мужъ, и снова я—жена твоя!

Протесилай.—Я такъ усталъ, такъ тяжело мнѣ, нѣтъ силъ дышать.

Лаодамія.—О, неужели ты не радъ—со мной быть вновь? 700

Протесилай.—Все это—призракъ, новый сонъ, обманъ мечты!

Лаодамія.—Нѣтъ, нѣтъ, не призракъ это все! все—истина!

Дозволилъ богъ: изъ Ада ты вернулся въ жизнь.

Опять въ родимомъ градѣ будешь царствовать.

Тебя встрѣчаю въ часъ священный первая.
 И первая мой поцѣлуй даю тебѣ!
 Отвѣть же мнѣ, какъ прежде, въ ту, иную ночь,
 Когда о ласкахъ нѣжно ты молилъ меня!
 Ты помнишь, какъ въ смущеніи, уклонялась я,
 Какъ, плача, умоляла пощадить меня 710
 И день, лишь день единый—дать отсрочку мнѣ...
 Теперь сама о ласкахъ я прошу тебя,
 Теперь сама объятья простираю я,
 Возьми меня, цѣлуй меня, ласкай меня,
 Шепчи мнѣ снова всѣ любви признанія,
 Твоихъ объятій жажду, жажду устъ твоихъ!
 Протесилай.—Какъ странно все; какъ будто сонъ иль смут-
 ный бредъ.

И въ сердцѣ снова дышитъ что-то давнее.
 Да, я любилъ когда-то ликъ твой, женщина,
 Твои глаза свѣтили мнѣ свѣтлѣе звѣздъ, 720
 Звучалъ твой голосъ надо мной нѣжнѣй, чѣмъ пѣснь
 По утру жаворонка... Сколько темныхъ дней
 Я вспоминалъ твой образъ въ безднахъ Тартара.
 Но страшно вновь увидѣть, что утрачено.
 Лаодамія.—Утраченного больше нѣтъ! вернулось все.
 Вотъ—ложе, шкуры дикихъ львовъ; возлягъ со мной,
 Супругъ мой, мой любовникъ, обними меня!
 Къ устамъ устами вновь прильни! обвей меня
 Руками страстно! грудью припади на грудь!
 Мнѣ сдѣлай больно! мучь мужскими ласками! 730
 Мнѣ докажи, что снова кровь течетъ въ тебѣ!

Протесилай.—Но почему молчанье, пустота кругомъ?
 Лаодамія.—Вѣдь это ночь, владѣть цѣлымъ міромъ сонъ.
 Протесилай.—Но гдѣ же братъ твой? гдѣ твои прислужницы?
 Лаодамія.—Они придутъ и будутъ всѣ привѣтствовать
 Тебя, и славить твой возвратъ. Сегодня я
 Одна хотѣла съ милымъ мужемъ встрѣтиться.
 Протесилай.—Постой, дай мнѣ повѣрить... дай привыкнуть мнѣ
 Къ дыханью жизни, тяжкому и жгучему,
 Дай отдохнуть мнѣ отъ зловѣщихъ образовъ! 740

Лаодамія.—Ты отдохнешь позднѣе; радуйся теперь!
 Протесилай.—Найти мнѣ надо силы жить и чувствовать.
 Лаодамія.—Найдешь ты послѣ, а теперь цѣлуй меня.
 Протесилай.—Мнѣ надо все припомнить, разумъ темень мой
 Лаодамія.—Ты все припомнишь послѣ, обними меня.

Протесилай.—Обнять хотѣлъ бы, руки тяжелы, какъ мѣдь.

Лаодамія.—Меня не любишь!

Протесилай.—Помню, что любилъ тебя.

Лаодамія.—Меня ласкать не хочешь!

Протесилай.—Свѣтъ слѣпить меня.

Лаодамія.—Тебя къ себѣ зову я.

Протесилай.—Смутный гулъ въ ушахъ.

Лаодамія.—Протесилай! въ послѣдній разъ,—цѣлуй меня! 750

Протесилай.—О, погоди! Какъ сладко на землѣ дремать!

Лаодамія.—Протесилай!—онъ дремлетъ.—Отзовись на зовъ,

Протесилай!—не слышитъ.—Что же дѣлать мнѣ?

Какъ мнѣ его заставить каждымъ мигомъ жить?

Протесилай несчастный,—я лгала тебѣ!

Ты къ жизни не вернулся,—ты былъ мертвъ и мертвъ!

Но заклинательницу умолила я

Тебя, на срокъ недолгій, чарой вывести

Въ обитель жизни изъ проваловъ Тартара.

Ты выведенъ, и будешь ты среди людей 760

Отъ полночи до блеска молодой зари.

Едва предъ Фебомъ Эосъ розоперстая

Врата растворитъ, и заблещетъ новый день,

Гермесъ предстанетъ предъ тобой, безжалостный,

И въ царство мертвыхъ уведетъ опять тебя!

Узнай: лишь краткихъ три часа дано тебѣ,

Чтобъ снова видѣть взоромъ прояснившимся

И это небо синее со звѣздами,

И эти стѣны дома, гдѣ провелъ ты жизнь;

И дымъ алтарный, восходящій до-неба, 770

И здѣсь меня, которой ты твердилъ: люблю.

Протесилай! ахъ, если только хочешь ты

Вкусить всю сладость страсти неиспытанной,

Мое извѣдать тѣло непорочное,

Предъ тѣмъ какъ снова навсегда уйти во мракъ,

Въ обитель смерти, въ черный міръ безсолнечный,—

Спѣши, не медли, утоли живой огонь,

Ласкъ несвершонныхъ доверши палящій кругъ,

Дай мнѣ упиться нѣжными объятіями,

И самъ упейся лаской, что стремлю къ тебѣ! 780

Чтобъ послѣ, въ царствѣ мертвыхъ, въ вѣчномъ сумракѣ,

Воспомянанье о безмѣрныхъ радостяхъ

Тебѣ свѣтило, какъ звѣзда безсмѣнная!

Меня ты слышалъ? понялъ? почему-жъ молчишь?

Протесилай.—Я понялъ, понялъ, что я мертвъ. О, горе мнѣ!
Лаодамія.—Ты живъ еще! Ты видишь—далека заря.

Протесилай.—Я мертвъ, я мертвъ! Свисаютъ своды Тартара.

Лаодамія.—Надъ нами звѣзды. Мы вдвоемъ на ложѣ ласкъ.

Протесилай.—Что мигъ единый предъ бездоннымъ ужасомъ!

Лаодамія.—Въ единый мигъ мы можемъ цѣлый міръ вклю-
чить. 790

Протесилай.—О солнце! море! пира шумъ! и стукъ мечей!

Лаодамія.—Коснись устами вновь до кубка сладкаго!

Протесилай.—О какъ я могъ съ отвагой безразсудною

Лишиться жизни ради славы призрачной!

Какъ могъ за радость торжества короткаго

Ужасной платой заплатить: гибелью!

Лаодамія.—Гордись, Протесилай, свершоннымъ подвигомъ!

Тебя народы именуютъ радостно,

Слагаютъ пѣсни о тебѣ сказатели,

Ты будешь жить вѣки славою громкою! 800

Протесилай.—Ахъ, что мнѣ въ томъ, что будутъ голоса пѣвцовъ

Протесилая славить на пирахъ царей!

Ахъ, что мнѣ въ томъ, что будутъ повторять въ вѣкахъ:

Великъ и славенъ былъ Протесилай!—когда

Я, въ это время, буду оглашать, стена,

Беззвучнымъ воплемъ берега Стигійскіе!

Теперь вкругъ Трои прежніе товарищи

Выходятъ къ новымъ битвамъ, тѣшатъ бранный духъ,

И копыя мечутъ, и стучатъ о мечъ мечомъ!

А я, несчастный, обреченъ идти опять 810

Въ жилище смерти, въ царство подземельное,

Гдѣ день, какъ ночь, безмолвенъ, и гдѣ ночь мертва!

Дай мнѣ остаться въ жизни! охрани меня!

Лаодамія.—Я не властна надъ смертію! Будь же мужественъ!

Ты былъ героемъ въ славный часъ, героемъ будь

Теперь вторично, краткой ночью пользуясь.

Протесилай.—О горе мнѣ, несчастному,

Мертвому, погибшему,

Что я? только тѣнь!

Я звѣзды вижу милыя, 820

Яркія, блестящія,

Въ синей вышинѣ.

Вижу огонь, что качается

Въ легкомъ, всходящемъ дыму,

Милый, любимый огонь!
Воздухъ я пью опьянительный,
Въ душу входящій легко,
Какъ золотое вино!

О, неужели черные,
Твердые, недвижные, 830
Своды лягутъ вновь,
И снова межъ товарищей
Молчаливыхъ, сумрачныхъ,
Буду я блуждать?

Тамъ асфодели унылые
Кроютъ поля безъ конца,
Бѣлой, какъ снѣгъ, пеленой,
Тамъ въ нерѣдѣющемъ сумракѣ,
Призраки бродятъ толпой,
Взорами дико вода! 840

Горе мнѣ! горе мнѣ! горе мнѣ!

Лаодамія.—Ты обо мнѣ не думаешь, Протесилай?

Протесилай.—Горе мнѣ! горе мнѣ! горе мнѣ!

Лаодамія.—Ты на меня не посмотрѣлъ, Протесилай!

Протесилай.—Горе мнѣ! горе мнѣ! горе мнѣ!

Лаодамія.—Мою любовь ты позабылъ, Протесилай!

Протесилай.—Что до любви мнѣ, умершему!

Лаодамія.—Хочешь, съ тобой не разстанусь я?

Протесилай.—Путь мой закрыть для живущаго.

Лаодамія.—Путь себѣ смертью открою я! 850

Протесилай.—Страшно въ обители Тартара.

Лаодамія.—Сладко быть вмѣстѣ съ возлюбленнымъ.

Протесилай.—Такъ говорятъ, не извѣдавши!

Лаодамія.—Вѣдаю все и приѣмлю я!

Протесилай.—Со мной ты хочешь вмѣстѣ въ темный Адъ
сойти?

Лаодамія.—Хочу не разставаться я съ тобой вовеки!

Протесилай.—Ты умереть согласна, чтобъ со мною быть?

Лаодамія.—Хочу я быть съ тобою, даже смерть пріять!

Протесилай.—Тамъ только тѣни, призраки и видимость!

Лаодамія.—Но тамъ твой обликъ, милый и возлюбленный! 860

Протесилай.—Изъ Ада къ жизни нѣтъ вовеки выхода!

Лаодамія.—Мнѣ выхода не надо, если мы—вдвоемъ!

Протесилай.—О вѣрная подруга! Лаодамія!

Я начинаю вѣрить въ то, что есть любовь!

Лаодамія.—Тебѣ дала я клятву и сдержу ее:

Я никому другому не отдамъ себя!

Протесилай.—Дай снова клятву, что при блескѣ утреннемъ

За мною въ Тартаръ ты сама послѣдуешь!

Лаодамія.—Клянусь богами, больше никогда съ тобой

Мы, связанные клятвой, не разстанемся!

870

Протесилай.—Съ тобой и въ Адѣ сладко, Лаодамія!

Лаодамія.—Отдай мнѣ мечъ: укажетъ онъ дорогу мнѣ.

Протесилай.—Возьми мой мечъ: онъ вѣрно мнѣ въ бою служилъ.

Лаодамія.—Тебѣ сослужить службу онъ послѣднюю!

Протесилай.—Мнѣ кажется, я въ этотъ мигъ, какъ прежде, живъ!

Лаодамія.—Мнѣ кажется, я въ этотъ мигъ уже мертва!

Протесилай.—О, дай теперь лобзаньемъ мнѣ припасть къ тебѣ!

Лаодамія.—Лобзаній намъ не надо: насъ цѣлуетъ смерть.

Протесилай.—Твой милый станъ руками охватить позволю!

Лаодамія.—Его обнимешь слаще ты въ странѣ тѣней!

880

Протесилай.—Дай руку мнѣ, чтобъ вмѣстѣ мы могли идти!

Лаодамія.—Моя рука простерта и тверда, какъ мечъ!

Протесилай.—Я чувствую блаженство безпредѣльное.

Лаодамія.—Мы побѣдили Тартаръ и какъ боги мы!

(Они припадаютъ другъ къ другу въ поцѣлуй, когда возникаетъ явленіе Гермеса).

Гермесь.—Протесилай! свѣтаетъ! Близокъ часъ зари.

Протесилай.—Безсмертный, ты явился, чтобъ вести меня?

Гермесь.—Я исполняю волю бога высшаго.

Протесилай.—Вы жребій добрый выбрали, бессмертные!

Тамъ, на Олимпѣ, вы въ чертогахъ мраморныхъ,

Пируете безпечно, и вашъ весель пиръ!

890

Разносить Геба съ Ганимедомъ ревностнымъ

Вамъ пьяный нектаръ, сладкую амбросію,

И тѣшатъ Музы васъ безпечной пляскою!

Увѣнчаны цвѣтами, гордо мните вы,

Что нѣтъ предѣла безконечнымъ празднествамъ.

Какъ намъ, не угрожаетъ вамъ, сынамъ небесъ,

Подземный Тартаръ, страны залетейскія,

Гдѣ облики умершихъ бродятъ въ вѣчной тьмѣ,

Стеня, грызя ладони, въ тщетной ярости!

Но вспомните, что прежде Хроносъ царствовалъ,

900

И столь же былъ надмененъ, столь же радостенъ.

Но свергнуть онъ съ Олимпа въ бездны мрачныя!
 Услышите нынѣ и мое пророчество!
 Сильнѣе Громовержца нѣкто явится,
 У скалъ Колхидскихъ онъ орла убьетъ стрѣлой,
 Освободить Титана, что безвинно тамъ,
 Прикованъ, изнываетъ; тайну тайнъ узнавъ,
 Низвергнетъ Зевса съ высоты въ земную глубь,
 А вмѣстѣ съ Зевсомъ—васъ, его прислушниковъ,
 И, насъ, несчастныхъ, вспомнивъ, въ темный адъ сойдетъ 910
 И къ новой жизни выведетъ страдающихъ.
 И намъ онъ скажетъ: вы терпѣли, мучились,
 Но царству смерти наступилъ конецъ: теперь
 Извѣдайте, какъ боги, жизнь безсмертную!
 Мы будемъ въ свѣтѣ, въ безконечной радости,
 А вы во мракѣ, въ черныхъ безднахъ Тартара,
 Тогда надъ вами, боги, посмѣемся мы!

Гермесъ.—Землерожденный! дурно говоришь ты! вамъ
 Велѣнія безсмертныхъ должно свято чтить.

Протесилай.—Я чту велѣнья Зевса—за тобой иду. 920
 Вѣдь ничего не будетъ хуже Тартара!

Гермесъ.—Дай руку мнѣ, мятежникъ неосмысленный!

Протесилай.—Вотъ здѣсь рука, и видишь: не дрожитъ она!

Гермесъ.—Сказать женѣ ты можешь разъ еще: прости.

Протесилай.—Свою ты клятву помнишь, Лаодамія?

Лаодамія.—Я клятву помню, и ее исполню я!

Гермесъ.—Довольно медлить! не осталось времени.

Протесилай (Лаодаміи).—Я жду свиданья.

Лаодамія (Протесилаю).—Скоро мы увидимся!

Протесилай (Лаодаміи).—Я—твой!

Лаодамія (Протесилаю).—И я—твоя!

Гермесъ.—Довольно! время въ путь.

(Гермесъ и Протесилай исчезаютъ.)

Лаодамія (одна).—Протесилай, прости! Не обману тебя. 930

Тотъ больше жить не можетъ, кто, подобно мнѣ,

Взглянулъ очами въ очи, Адъ узрѣвшія!

Я чувствую, что больше мнѣ не весель міръ.

Мнѣ сталъ понятенъ жизни ужасъ горестной,

Ведущей смертныхъ къ одному концу всегда!

Избѣгнуть можно горестей и бѣдности,

Болѣзней, рабства, разныхъ неисчетныхъ бѣдъ,

Но, рано или поздно, всѣ мы, въ свой чередъ,

На ложѣ неутѣшномъ будемъ смерти ждать.

И если каждый долженъ умереть въ свой часъ, 940
 Возможно-ль краткимъ срокомъ счастья тѣшиться?
 Тотъ, кто услышалъ, что сейчасъ появится
 Гермесъ, боговъ посланникъ, и возьметъ его,
 Любовной лаской нѣжиться захочетъ ли?
 А развѣ мы не знаемъ всѣ, что смерть насъ ждетъ,
 Возьметъ насъ властно, уведетъ съ собой во тьму,
 Что въ этотъ мѣръ мы временно отпущены?
 Мы срокъ недолгой жизни всѣ должны смѣнить
 На безконечность подземельной тяготы,
 Всѣмъ будетъ жизнь казаться промелькнувшимъ сномъ, 950
 А смерть—единой правдой!—Трудно-ль мнѣ теперь
 Исполнить клятву смерти? Я къ тебѣ иду,
 Протесилай любимый! Буду я дѣлить
 Съ тобой твои томленья, страхъ унылый твой,
 Съ тобой скитаться буду тамъ, гдѣ Стиксъ молчитъ.
 Какъ здѣсь вязала насъ любовь единая,
 Такъ тамъ единой смертью будемъ связаны!
 Владычица Геката! на алтарь тебѣ
 Я приношу, какъ жертву, самое себя!
 Богиня смерти! мой благослови ударъ! 960

(Поражаетъ себя мечомъ.)

(Отъ шума упавшаго тѣла пробуждаются прислужницы.)

Первый полухоръ.—Кто позвалъ, сестры? простоналъ кто-то.
 Чей-то зовъ, сестры, прозвучалъ явно.

Страшно намъ, сестры, мы дрожимъ въ страхѣ!

Второй полухоръ.—Кто лежитъ, сестры, распростертъ въ
 прахѣ?

Горе намъ, сестры! узнаю обликъ!

То—она, сестры! о сестрѣ плачьте!

1-я изъ хора.—Царица неподвижна; возлѣ мечъ лежитъ.

2-я изъ хора.—Она не дышитъ. Грудь пробита. Умерла.

3-я изъ хора.—Разлуки съ мужемъ не могла снести она.

Предводительница хора.—Кто знаетъ, что свершилось
 здѣсь, въ ночной тиши. 970

(Третій стасимонъ.)

Строфа 1-я.

Хоръ.—Мы первыя почтимъ слезами

Царицу нашу!

О, еслибъ былъ у насъ вѣнокъ

Изъ алыхъ розъ!
Мы возложили бы на тѣло
Нашъ даръ посмертный!

Антистрофа 1-я.

Она была несчастнѣй многихъ,
Хотя царица!
Но было счастье земли
Не для нея!
Во всякой долѣ должно было
Ей быть несчастной!

980

Строфа 2-я.

Юными губами чуть коснулась ты
Кубка жизни милой, и уже въ ладѣ
Ждетъ угрюмый Харонъ, скоро-ль дашь оболъ.
Танатосъ суровый ночью здѣсь прошелъ
И унесъ добычу нѣжную съ собой.

Антистрофа 2-я.

Вѣримъ: въ темномъ Адѣ ты нашла того,
Здѣсь о комъ грустила день и ночь,—всегда.
Сладостно быть вмѣстѣ съ тѣмъ, кто сердцу милъ,
Даже тамъ, гдѣ грозной Персефоны домъ.
Даже въ царствѣ стоновъ сладокъ поцѣлуй!

990

V.

Хоръ. Потомъ Эрасонъ и Тимандръ.

Предводительница хора.—Намъ должно брата извѣстить
о бѣдствіи.

4-я изъ хора.—Какъ вѣстница несчастья во дворецъ пойду.

(Уходитъ.)

1-я изъ хора.—Не явно-ль гнѣвъъ безсмертныхъ надъ двор-
цомъ висить?

2-я изъ хора.—Бѣда одна не ходитъ: за царемъ жена.

3-я изъ хора.—Она боговъ гнѣвила: боги страшно мстятъ.

2-я изъ хора.—Она вчера съ колдуньей совѣщалась здѣсь.

3-я изъ хора.—Опасно смертнымъ за покровъ судьбы взирать.

Предводительница хора.—Молчите, сестры! Эрасонъ изъ
дворца идетъ, 1000

Эрасонъ (входя).—Кто, кто виновникъ преступленья дерзкаго?

Предводительница хора.—Никто. Сама царица подняла свой мечъ.

Орасонъ.—Кто видѣлъ, что свершилось?

Предводительница хора.—Не видалъ никто.

Орасонъ.—Сестра возлюбленная! Ты страстей своихъ
Смирять разсудкомъ не умѣла. Яростно
Въ тебѣ любовь горѣла, какъ костеръ огня.
И слишкомъ тѣсно было въ сердцѣ пламени.

(Приближается къ тѣлу).

Чей этотъ мечъ?

Предводительница хора.—Не знаемъ.

Орасонъ.—Памятенъ онъ мнѣ...

Но это мечъ Протесилая! Какъ сюда
Онъ могъ попасть! Иль мертвый изъ страны тѣней 1010
Явиться могъ въ Филаку за своей женой?
Кто вынесъ изъ могилы бранный мечъ царя,
Чтобъ имъ сразить царицу въ тишинѣ ночной?

Предводительница хора.—Вчера царица долго совѣщалась
здѣсь

Съ одной колдуньей...

Орасонъ.—Говори, что знаешь ты!

Предводительница хора.—Мнѣ кажется, колдунья обѣ-
щала ей

Свиданье съ мертвымъ.

Орасонъ.—И оно исполнилось!

Предводительница хора.—Быть можетъ, здѣсь свершилось
небывалое.

Орасонъ.—Ужасныя сомнѣнья душу зыблютъ мнѣ!

Сразилъ ли призракъ женщину безумную, 1020
Иль предъ разлукой новой, трепеща, сама
Она клинкомъ хотѣла излѣчить тоску?

Предводительница хора.—Что было здѣсь, вовѣки не
узнаемъ мы.

Тимандръ (появляясь).—Я о несчастѣй получилъ извѣстiе.

Должны принять мы мѣры, чтобъ царицы смерть
Бѣдой не отразилась въ цѣломъ городѣ.

Вы, какъ царицѣ, ей воздайте почести,

Ее одѣньте снова въ платье брачное,

Она была невѣстой больше, чѣмъ женой,

И похоронимъ мы ее, какъ дѣвушку. 1030

А я, по праву, какъ ближайшій родственникъ

Царя, приѣмлю надъ Филакой скорбной власть.

Не долженъ городъ безъ царя быть день одинъ.

Пусть гражданъ созываютъ на собраніе!

1 - й СТРАЖЪ (за сценой).—Сограждане, на площадь! Призываетъ
царь.

2 - й СТРАЖЪ (за сценой).—Сограждане, на площадь! Дѣло важное!

(За сценой шумъ сходящагося народнаго собранія.)

ТИМАНДРЪ.—Идемъ на площадь, Ёрасонъ! долгъ зоветъ туда!

(Тимандръ и Ёрасонъ уходятъ. Прислужницы поднимаютъ и несутъ во дворецъ
тѣло Лаодаміи.)

Эподъ.

ХОРЪ.—Часъ послѣдній, часъ губящій, близокъ, близокъ смерт-
ный часъ,

Стерегутъ сѣдыя парки, человѣкъ, твой каждый шагъ!

Нити вьются и крутятся, лезвее къ нимъ склонено, 1040

И рукой старухи водить Мойра, правящая всѣмъ.

Злаки, звѣри, люди гибнутъ, камнямъ вѣчность не изжить,

Надъ семьей боговъ безсмертныхъ тайно властвуетъ судьба.

Не ищи бороться съ рокомъ, не старайся избѣжать

Темной смерти, но не должно бѣга жизни упреждать.

Срокъ, пока дано дышать намъ, милый воздухъ грудью пей

И въ послѣдній мигъ безъ страха въ очи смерти по-

смотри. 1047

Валерій Брюсовъ.

1911—1912 г.

Г У Г О¹⁾.

Романъ Макса Брода.

Max Brod. „Die Jüdinnen“.

ХІІ.

О л ь г а.

Измѣнила! Пренебрегла!... Какофонія драки еще звучала въ ушахъ Гуго, когда онъ бѣжалъ по пустыннымъ улицамъ, свернувъ въ сторону парка. Прудъ отражалъ лунный свѣтъ, ясный и холодный. Здѣсь онъ любовался вмѣстѣ съ Иреной бѣлыми лебедями, здѣсь пережилъ самыя лучшія, самыя счастливыя мгновенія. Онъ сдѣлалъ движеніе, словно желая броситься въ воду... И въ то же мгновеніе подумалъ: „Да, въ воду, покончить со всѣмъ, такъ будетъ хорошо“... Нагнувшись, пролѣзъ онъ подъ перилами и снова выпрямился; онъ стоялъ теперь на узкой полосѣ земли за оградой, запутавшись ногой въ травѣ и ползучихъ растеніяхъ... Безъ прощальнаго письма, безъ всякой торжественности—да, такъ и должно быть! Люди завтра скажутъ: онъ былъ пьянъ. Безъ всякой видимой причины, да, случайно упалъ въ прудъ... Эта мысль ласкала его воображеніе... Только одна догадается о причинѣ, только одна—и она глубоко ужаснется. О да, навѣрное ужаснется... Какой-то крикъ раздался вдали,—можетъ быть, изъ домика лебедей... Гуго потерялъ равновѣсіе, его нога скользнула внизъ, черезъ корявые корни, въ воду. Онъ быстро удержался, схватившись за ближайшее деревцо. Невыразимый страхъ вдругъ напалъ на него... Весь дрожа, пролѣзъ онъ назадъ, подъ перилами и побѣжалъ домой.

Когда онъ торопливо пробирался темнымъ коридоромъ мимо

¹⁾ Окончаніе. См. *Русская Мысль* 1913 г., кн. VI—VIII.

столовой, дверь послѣдней распахнулась. Въ ея освѣщенномъ четырехугольникѣ стояла Ольга. Она поджидала его...

— Наконецъ-то...

— Ты уже знаешь?

Да, баронесса тоже присутствовала на собраніи, изъ любезности къ Петрову. Отъ нея Ольга узнала, готова постель на ночь, про бурный исходъ собранія, но ничего не сказала матери, чтобы не встревожить ея. Поэтому фрау Люси уже легла. Только она, Ольга, не ложилась и съ тревогой ждала его.

— Гдѣ ты пропадалъ такъ долго?

— Поздно кончилось...—пробормоталъ онъ.—Да пока домой доберешься...

Послѣ часовой прогулки въ темнотѣ свѣтъ ослѣпилъ его; ему пришлось прикрыть лицо шляпой.

— А на кого ты похожъ, Гуго!—Ольга втащила его въ комнату.

Дѣйствительно, онъ представлялъ плачевное зрѣлище: ботинки мокрыя и покрытыя тиной, брюки обрызганы выше колѣнъ, воротничокъ разстегнутъ. Онъ потерялъ галстукъ въ давкъ, но не замѣтилъ этого ни въ тотъ моментъ, ни позже. Лобъ его былъ весь въ поту, одна прядь волосъ прилипла къ нему, а остальные волосы торчали спутанными вихрами... Теперь онъ вдругъ увидѣлъ свое отраженіе въ зеркалѣ, висѣвшемъ напротивъ двери, и испугался. Первымъ его движеніемъ было отшатнуться, чтобы исчезъ этотъ образъ блѣднаго растерзаннаго юноши. Онъ бросился въ кресло:

— Я усталъ.

Ольга озабоченно смотрѣла на него:

— Ты, пожалуй, еще ничего не ѣлъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

Не теряя больше словъ, она побѣжала въ сѣни и быстро вернулась съ тарелкой, на которой лежали нѣсколько кусочковъ колбасы, полкуска сыру и початый кружочекъ масла въ восковой бумагѣ. Все это имѣло видъ остатковъ ужина, не больше, но въ Гуго проснулся голодъ:

— Да, да,—вскричалъ онъ,—давай сюда!

Она проворно сбѣгала въ кухню и принесла хлѣбъ, потомъ поставила передъ нимъ еще солонку и графинъ съ водой. Пока онъ горопливо, не снимая кожицы, сунулъ въ ротъ кусокъ колбасы (послѣ ему пришлось выплюнуть кожицу), она быстро стала готовить ему бутербродъ. Онъ выхватилъ послѣдній у нея изъ рукъ, хотя она еще не совсѣмъ кончила намазывать масло.

— Ты славная... мамочка... Такъ поздно, а ты еще не легла...

— У меня много штюпки.—Она показала ему носокъ, который лежалъ передъ ней на столѣ, натянутый на деревянный грибъ.— Когда ты такъ рвешь...

Онъ ничего не отвѣтилъ, онъ былъ слишкомъ занятъ жаднымъ глотаніемъ пищи. Потомъ онъ залпомъ выпилъ два стакана воды, одинъ за другимъ. Ольга не мѣшала ему; она опять вернулась къ своей работѣ, стала разыскивать въ своей рабочей корзинкѣ нужный клубокъ шерсти среди многочисленныхъ клубковъ, лежавшихъ тамъ. Гуго вдругъ сдѣлалъ гримасу:

— Знаешь, у меня ноги совсѣмъ мокрыя... препротивное ощущеніе... Я сбѣгаю наверхъ за туфлями...

— Погоди, здѣсь гдѣ-то, кажется, лежитъ еще пара твоихъ старыхъ туфель... Я ихъ видѣла въ одномъ изъ ящичковъ.

Она встала на колѣни на полу.

— Ольга, что тебѣ вздумалось! Не станешь же ты прислуживать мнѣ...

Онъ опустился на полъ рядомъ съ ней.

— Пусти... Ужинай себѣ, пожалуйста... Доѣдай, чтобы кончить скорѣй... Вотъ и туфли.

— Какая ты проворная.

Она засмѣялась:

— А ты бы, небось, сколько времени ихъ проискалъ.

Онъ проскользнулъ въ сосѣднюю комнатку, гдѣ было темно. Тамъ онъ сбросилъ съ себя мокрые ботинки и носки. Ноги были холодныя. Только когда онъ ихъ сунулъ въ туфли, крѣпко растеревъ ихъ, онъ опять ощутилъ что-то вродѣ пріятнаго чувства. Въ то же время все случившееся со времени прихода домой показалось ему быстро промелькнувшимъ сномъ; все это произошло такъ торопливо, безсознательно — вопросы и отвѣты, глотаніе ѣды... А какъ Ольга его балуетъ. Балованнымъ ребенкомъ показался онъ себѣ, и не могъ не засмѣяться при этой мысли: балованный ребенокъ—послѣ ужасныхъ переживаній этого вечера. Тихое умиленіе охватило его, когда онъ снова вошелъ въ столовую.

— Такъ доѣдай же, доѣдай...—поощряла его Ольга.

— Будетъ, Ольга...—Онъ отодвинулъ отъ себя тарелку, хотя чувствовалъ себя лишь наполовину сытымъ.—Видишь ли, Ольга, ты такъ мила со мной, а...

Онъ не могъ продолжать, спазма сдавила ему горло.

Ольга начала убирать со стола.

— Чисто воробушекъ! чисто воробушекъ!... И это называется ужиномъ взрослога человѣка.

Она ходила изъ комнаты въ кухню и обратно. Локтями открыла она дверь и бокомъ прошла въ нее, такъ какъ обѣ руки были заняты посудой. Широкія и круглыя были ея плечи, спина крѣпкая, блестящіе черные волосы, заплетенные въ нѣсколько косъ, толстыми жгутами обвивали голову. А когда она снова вернулась, какъ сіяли ея глаза и какъ блестѣли многочисленныя темно-красныя пятна на ея щекахъ, сливавшіяся на свѣтло-красномъ фонѣ въ здоровую цвѣтущую окраску, въ сплошной равномерный румянецъ. Эти пятна, доходившія до самаго носа, производили такое впечатлѣніе, какъ будто Ольга непрерывно краснѣла, они казались какъ бы проявленіями внутренней силы, душевнаго здоровья. Грудь Ольги, уже вполнѣ сформировавшаяся, поднималась подъ легкимъ розовымъ неглижэ двумя упругими высокими выпуклостями, слегка дрожавшими при каждомъ шагѣ, а счастливая улыбка Ольги какъ будто говорила, что она гордится этой ношей, хотя въ то же время и стыдится ея... Она принесла кусокъ торта.

— Ты меня совсѣмъ избалуешь. Нѣтъ, Ольга... Я этого не заслуживаю.—Онъ схватилъ ея руку и пожалъ ее.—Иди сюда, сядь ко мнѣ, вотъ такъ, рядомъ со мной... Зачѣмъ тебѣ сидѣть по ту сторону стола?... Я долженъ тебѣ сказать кое-что... Я, видишь ли, такъ несчастенъ...

— Полно, Гуго,—сказала она съ легкимъ укоромъ.

— Нѣтъ, скажи сама... Развѣ я стою, чтобы ты со мной обращалась такъ ласково?... Скажи сама, развѣ не позорно ходить съ мыслью о...

Онъ не могъ выговорить это слово; онъ долженъ былъ сначала прислониться къ плечу Ольги,—только тогда онъ могъ вполнѣ отдаться своему настроенію...

— Ты не имѣешь понятія, до чего я несчастенъ. Я, знаешь, близокъ къ тому, чтобы покончить съ собой.

Она вскочила въ ужасѣ, словно надо было ударить въ набатъ, созвать людей.

— Погоди... сядь... Вѣдь я какъ разъ хочу тебѣ сказать. Развѣ не позорно имѣть такія мысли?...

Она все еще стояла въ оцѣпенѣніи.

— Вѣдь я уже раскаиваюсь, Ольга. Но все-таки...

Она приняла его признаніе очень близко къ сердцу—онъ это видѣлъ, и это утѣшало его, такъ же какъ его утѣшилъ ея испугъ въ тотъ вечеръ, когда онъ ей сообщилъ про свои неуспѣхи въ гимназіи, про свою переэкзаменовку. Ему вспомнилось все тогдашнее положеніе. Почему онъ съ тѣхъ давно не обратился опять

къ Ольгѣ? Она такъ хорошо умѣетъ дѣлать чужое горе... Ему вдругъ пришло въ голову, что это ея прекрасное качество находится въ связи съ ея здоровьемъ, съ ея развитой женственностью. Все, что должна дѣлать женщина, все это она умѣетъ такъ хорошо. Утѣшать тоже. По природѣ своей. Ей можно довѣриться...

— Ольга, Ольга, милая Ольга, ты такая хорошая, ты мнѣ простишь...

— Ничего я тебѣ не прощу.—Она, наконецъ, разразилась потокомъ гнѣвныхъ словъ, совсѣмъ возмущенная:—Знаешь, что это такое... кто ты такой?... Чудовище ты, что говоришь такія вещи... Вѣдь это грѣхъ передъ Господомъ, это къ Небу вопіеть... Такой молодой парень... Чего тебѣ, собственно, нехватаетъ? Что съ тобой такого особеннаго? Съ чего ты такой несчастный? Фрейлейнъ Ирена надула, вѣрно, губки,—ну и изъ-за этого, конечно, нужно непременно застрѣлиться... Иначе никакъ невозможно. Нѣтъ ужъ, я, право, считала тебя умнѣе. Я жалѣю, что до сихъ поръ была о тебѣ такого хорошаго мнѣнія. Но не бойся, я его измѣню, теперь же, сейчасъ, сію же минуту, сію же минуту, говорю я тебѣ...

Этотъ градъ упрековъ былъ ему необыкновенно пріятенъ. Онъ опустилъ голову.

— Но я же говорю...

— Ничего ты не говоришь,—въ праведномъ гнѣвѣ продолжала она.—Мнѣ бы, собственно, и разговаривать съ тобой не слѣдовало больше, до того ты меня злишь...

— Но я вѣдь во всемъ тебѣ исповѣдуюсь...

— Я и безъ того все знаю. И ничего знать не хочу.

Дѣйствительно, его очень обрадовало, что она уже назвала Ирену, что она сразу, безъ обиняковъ, заговорила о самомъ главномъ. Теперь ему не надо было долго ходить вокругъ да около. Она понимала.

— Видишь ли, Ольга, когда человѣкъ такъ несчастно влюбленъ...

— Влюбленъ тамъ или не влюбленъ...—Она все еще кипятилась, но вдругъ стала на много градусовъ спокойнѣе, и ему при этомъ неожиданно пришло въ голову, что онъ вѣдь все время, въ сущности, не принималъ ея гнѣвъ въ серъезъ, а видѣлъ въ немъ лишь доброту, прикрывавшуюся гнѣвными словами.—Разъ ужъ ты такъ глупъ, что влюбляешься... Но надо же все-таки сохранять какую-нибудь власть надъ собой. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется... А если нѣтъ, тогда плевать мнѣ на всю любовь... Гроша мѣднаго она тогда не стоитъ, ей Богу.

— Ольга! — Онъ все снова и снова называлъ ее по имени, словно желая удержать ее возлѣ себя, въ какомъ-то страхѣ. — Ты думаешь, что всегда можно сохранить власть надъ собой? Вѣдь ты не знаешь, что произошло...

— Тыфу чортъ! опять онъ ноетъ... Нѣтъ, я просто сказать тебѣ не могу, до чего мнѣ противно, когда такъ хныкаютъ... Или говори со мной по-человѣчески, или...

Онъ опять схватилъ ее за руку и улыбнулся.

— Гроби себѣ! Вѣдь я знаю... Ну, что ты хотѣла сказать?... Что уйдешь?... Я вѣдь знаю, что ты останешься здѣсь, со мной, и выслушаешь меня до конца, иначе ты во всю ночь глазъ не сомкнешь... Я же знаю, что ты меня любишь... Ты — мой единственный другъ, Ольга, я это знаю. Тебѣ я все говорю. Только иногда я забываю, нѣкоторое время, говорить тебѣ все, и тогда дѣло плохо... Видишь ли, я тебѣ сейчасъ все скажу, какъ на духу... Но только я думаю, что когда человѣкъ разъ былъ такъ близокъ къ самоубійству, стоялъ передъ нимъ такъ лицомъ къ лицу... что этого ужъ нельзя исправить, на всю жизнь останется рана...

— Ну, такъ что же, собственно, было? — Ольга стукнула рукой по столу. — Говори же!...

Онъ лукаво посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, этого я тебѣ не скажу... (Онъ тѣмъ временемъ обдумалъ: нѣтъ, право, всѣ эти подробности можно не рассказывать, онѣ бы только произвели на Ольгу дурное впечатлѣніе!) Но я тебѣ скажу кое-что другое... Нѣтъ, что рана останется на всю жизнь, этого я тоже не думаю... Это была только такъ, фраза...

Онъ замѣтилъ, что въ сущности ему совсѣмъ безразлично, что именно онъ говоритъ Ольгѣ. Во всякомъ случаѣ онъ облегчалъ себѣ душу всѣмъ, что онъ ни говорилъ ей.

— Такъ что же ты хочешь мнѣ сказать?... — спокойно отвѣтила она. — Не то, да не это... Если такъ, я лучше спать пойду.

Она чувствовала себя обязанной все еще выказывать нѣкоторую строгость.

— Кое-что совсѣмъ особенное... Такую вещь, которую у тебя, навѣрное, никто не спрашивалъ и никто не спроситъ, кромѣ меня. (Ему нравилось подстрекать ея любопытство; она слушала такъ серьезно.) Видишь ли, Ольга, въ сущности мнѣ все-таки очень не везетъ. Влюбленъ несчастно... это я тебѣ уже говорилъ сегодня... никакой надежды...

Хотя онъ попрежнему чувствовалъ всѣ свои злополучія глубоко и болѣзненно, тѣмъ не менѣе говорить о нихъ Ольгѣ онъ могъ только болѣе небрежнымъ, какъ бы уже облегченнымъ то-

номъ, словно онъ уже стоялъ выше всего этого. Такъ успокоительно на него дѣйствовала Ольга. У него было такое чувство, точно на его изсохшіе члены изливается теплый дождь.

— Бѣда, Ольга. Не везетъ мнѣ у женщинъ, да и только... И поэтому я хочу спросить у тебя совѣта... Слушай, какъ ты, собственно, дѣлаешь—ты пользуешься такимъ успѣхомъ у мужчинъ, всѣ они увиваются вокругъ тебя... Вѣдь по отношенію къ женщинамъ должно быть то же самое... Всѣ сердца устремляются къ тебѣ. Какъ ты это устроишь?...

Она, видимо, не поняла его.

— Что такое? Чего ты, собственно, хочешь отъ меня?

Онъ обрадовался, что она его не поняла. Очень глупымъ показалось ему теперь то, что онъ ей сказалъ. Пойми она и согласишься отвѣтить, ему бы пришлось сгорѣть со стыда.

— Я только удивляюсь, — пояснилъ онъ, — почему ты пользуешься такимъ успѣхомъ у мужчинъ? Постоянно у тебя новая побѣда. Или это всегда было такъ... хотя я только теперь замѣчаю.

Она приняла такой видъ, какъ будто прислушивалась къ чему-то; она размышляла, наморщивъ лобъ и поднявъ глаза къ потолку.

— Мнѣ ужасно не везетъ у женщинъ, — шепнулъ онъ про себя, чтобы заполнить паузу.

— Нѣтъ ужъ, я, право, не понимаю, — съ нѣкоторымъ трудомъ заговорила Ольга, — что за комплименты ты вздумалъ мнѣ дѣлать. Я къ этому не привыкла отъ тебя. Что мнѣ отвѣтить?...

Онъ замѣтилъ, какъ она смущена. Ему стало жаль ее.

— Ну да, мы можемъ поговорить объ этомъ въ другой разъ, если тебѣ сегодня не хочется больше...

— Нѣтъ, мнѣ хочется. — Она уже настолько углубилась въ эти мысли, что не могла больше отвязаться отъ нихъ. — Правда, время уже позднее, но разъ ты хочешь знать... Я совсѣмъ ни при чемъ, что пользуюсь успѣхомъ у мужчинъ, я для этого никогда ничего не дѣлаю... я, кажется, могу это сказать по чистой совѣсти. Я привѣтлива съ каждымъ, кто привѣтливъ со мной. Вотъ и все. Особенно ласковой я ни съ кѣмъ изъ нихъ не бываю. И я, кажется, не кокетливая. Или да? (Гуго поднялъ руку протестующимъ жестомъ.) Когда кто-нибудь изъ нихъ становится слишкомъ навязчивымъ, что тоже бываетъ, онъ сейчасъ услышитъ два-три такихъ словечка, что въ другой разъ у него пропадетъ охота. Никакихъ вольностей я не допускаю. А въ общемъ, мнѣ плевать на нихъ всѣхъ, я это и показываю имъ... Замѣть себѣ, Гуго, это

самое главное: только не показывать, что ты влюбленъ, что кто-нибудь тебѣ особенно дорогъ...

Къ своему удивленію Гуго убѣждался, что Ольга съ самаго начала правильно поняла его. Только ей нужно было время, по ея добросовѣстности, чтобы обдумать отвѣтъ. Онъ съ интересомъ продолжалъ:

— Тебѣ-то легко, Ольга. Когда человѣкъ ни въ кого не влюбленъ, тогда ему не трудно держать себя такъ, какъ будто онъ ни въ кого не влюбленъ... Что ты дѣлаешь?...

Она вдругъ вскочила.

— Лампа коптитъ...—Она подкрутила фитиль. Стало замѣтно темнѣе, но глазъ быстро привыкъ къ этому. — Только бы она не потухла, керосину совсѣмъ мало...

Затѣмъ она спокойно продолжала, слегка облизнувъ себѣ губы:

— Это не совсѣмъ такъ... Будь я влюблена въ кого-нибудь, я бы тѣмъ болѣе не показывала этого. Ни однимъ глазкомъ не показала бы.

Эта философія любви молодой дѣвушки показалась ему наивной, однако она удивительно подходила къ Ольгѣ. Для него она, правда, была непригодна.

— И это все?—спросилъ онъ дальше, но не съ цѣлью узнать что-нибудь полезное для себя, а просто изъ удовольствія поговорить съ Ольгой по душамъ, стать къ ней ближе.

— Да, вотъ все мое искусство,—отвѣтила она почти торжественно, безъ малѣйшаго намека на иронію.—Такъ я бы поступала. А кромѣ того, если я въ данное время и не влюблена въ кого-нибудь по-настоящему, то, съ другой стороны, тебѣ должно быть извѣстно, что къ нѣкому человеку я не совсѣмъ равнодушна.

Она зардѣлась; красныя пятна на ея щекахъ теперь въ самомъ дѣлѣ слились въ одинъ общій румянецъ, покрывшій даже уши.

— Господинъ Клейнъ?

Она молча кивнула головой.

— Ну да, но это все еще не то... Онъ тебя любитъ. Это взаимная склонность. Но когда хочешь еще только покорить сердце... знаешь, я тоже пробовалъ казаться равнодушнымъ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Моего равнодушія попросту не замѣчаютъ, этакъ можно долго прождать, для меня твой способъ не годится, вотъ и все... Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что ты не знаешь, что такое несчастная любовь...

— Да? Ты такъ думаешь?—Она посмотрѣла на него; весь блескъ ея темныхъ глазъ исчезъ, какъ будто всосанный зрачка-

ми...—Въ Колинѣ, когда я еще была маленькая, тринадцатилѣтняя дѣвчонка, мы всѣ бѣгали за управляющимъ имѣніемъ, всѣ мои подруги и я тоже. Но никто не зналъ, какъ я его любила. Онъ былъ венгерецъ, мадьяръ, пламенный... Такъ сильно, какъ его, я вѣроятно никогда больше не буду любить. Когда онъ разъ пришелъ къ намъ въ гости, я замѣтила себѣ кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, и гвоздь, на которомъ висѣла его шляпа,—это были для меня святыни. Одинъ разъ онъ со мной заговорилъ, я ни слова не могла выговорить. Но съ того дня я перестала бѣгать за нимъ, наоборотъ, избѣгала его и только издали смотрѣла на него, когда онъ, бывало, ужъ завернетъ за уголъ—какъ разъ во-время, чтобы еще увидѣть кончикъ его пиджака, не больше...

— Онъ ничего не зналъ?...

— Понятія не имѣлъ. Его потомъ перевели. Тогда я тоже хотѣла покончить съ собой. Но смѣшнымъ способомъ: я отказывалась отъ пищи. Три дня я ничего не ѣла, пока не пригласили доктора, нѣсколько разъ, а потомъ профессора изъ Праги. Тотъ попросту ввелъ мнѣ пищу въ желудокъ...

Она росла въ глазахъ Гуго. Здоровая и цвѣтущая сидѣла она рядомъ съ нимъ, однако она тоже пережила глубокую безнадешную страсть, слѣдовательно, она была ему близка. Онъ всегда былъ о ней высокаго мнѣнія, но въ этотъ вечеръ она изумляла его каждымъ словомъ, которое такъ нѣжно, съ легкимъ трепетомъ срывалось съ ея алыхъ губъ... Дочь Сіона... У него руки начали дрожать. Нѣтъ, какъ нехорошо съ его стороны, что при всей любви онъ до сихъ поръ всегда обращался съ ней немного свысока и шутливо, какъ съ незрѣлой забавной дѣвчонкой. Какой она прекрасный человѣкъ! Этотъ серебристый лобъ—съ какой безупречной чистотой возвышается онъ надъ міромъ, словно глетчеръ... Онъ охотно молился бы на этотъ лобъ, на эти уста, которыя продолжали:—Никто не понималъ, что это со мной сдѣлалось. Меня били и называли мое поведеніе упрямствомъ и капризомъ. Въ тѣ дни, между прочимъ, пришла открытка отъ этого самаго управляющаго, на имя родителей, конечно. Я потихоньку взяла ее, сложила въ маленькій квадратикъ и спрятала на дворѣ подъ камнемъ. А то мама, видишь ли, всегда заглядывала всюду, ни одно мѣсто не было безопасно отъ нея. А тамъ, подъ камнемъ, открытка была моя, хотя вѣдь она была написана вовсе не мнѣ; „Привѣтъ малюткѣ“, стояло тамъ сбоку совсѣмъ мелкимъ почеркомъ. Вотъ и все, что я видѣла отъ своей любви. Вотъ какимъ ребенкомъ я была тогда... Но видишь, Гуго, я думала, что это никогда не пройдетъ. А между тѣмъ прошло. Все на свѣтѣ

проходить, скажу я тебѣ... Черезъ шесть-девять мѣсяцевъ я уже меньше думала о немъ, а черезъ годъ, пожалуй, совсѣмъ не думала... Намотай себѣ это на усъ, Гуго... Все на свѣтѣ когда-нибудь да проходить.

— Проходить?... Правда, ты такъ думаешь?

— Я это знаю...

Онъ задрожалъ сильнѣе и поднялся, чтобы скрыть свою дрожь.

— Хорошо, проходить... Я вѣрю тебѣ... Но это еще не все, милая Ольга, это еще не главное въ моей жизни... Я ужъ не говорю о драгоцѣнномъ времени, которое я даромъ теряю въ мученіяхъ, между тѣмъ какъ его можно было бы такъ хорошо употребить, если чувствовать себя счастливымъ. Нѣтъ, все это еще ничего. (Онъ проглотилъ слезы и сжалъ кулаки.) Но что это повторяется,—вотъ что хуже всего. Проходить, хорошо, одна любовь, но является другая... Я уже три раза былъ влюбленъ, даже четыре, съ Иреной... и эта любовь точь въ точь такая же несчастная, какъ и предыдущая. Вотъ что такъ терзаетъ меня, Ольга. Несчастье для меня типично; оно—не единичный случай, нѣтъ, а общее правило. Единичный случай типиченъ для всего моего несчастья. Я никогда не буду пользоваться успѣхомъ у женщинъ, меня никогда не полюбятъ, какъ я этого заслуживаю, вотъ въ чемъ дѣло. Такъ будетъ всегда, до самой моей смерти. Какъ бы я себя ни держалъ, кокетливо или скромно, вызываяще или сдержанно, всякій разъ повторяется одна и та же исторія: сначала дѣвушка благоволитъ ко мнѣ, нѣкоторое время все идетъ хорошо, но вдругъ, самъ не знаю почему, я перестаю ей нравиться—это происходитъ всякій разъ—я перестаю существовать для нея, другіе занимаютъ мое мѣсто... Женщины такія капризные, вотъ въ чемъ дѣло, думается мнѣ, онѣ со всѣми немного кокетничаютъ, а какое имъ потомъ дѣло, что человѣкъ это принимаетъ такъ близко къ сердцу, какъ я. Правъ я, Ольга?...

Онъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ то большими, то маленькими неровными шагами.

— Видишь ли, я, можетъ быть, слишкомъ сильно все чувствую, у меня мягкое сердце. И такъ во всемъ, не только по отношенію къ женщинамъ. И это опять-таки типично для моего общаго злосчастья. Во всемъ меня преслѣдуютъ неудачи, я ничего не достигну въ жизни... Призваніе, идеалъ... ровно ничего не достигну... И еще у меня все не выходитъ изъ головы фраза, которую мнѣ разъ сказалъ одинъ человѣкъ—имя его безразлично: Гуго, вамъ еще будетъ очень плохо... Какъ это вѣрно!... Не знаю, бываетъ ли это съ тобой, но на меня нѣкоторыя фразы, произне-

сенныя въ опредѣленный моментъ, производять ужасно сильное дѣйствіе. Онѣ положительно властвуютъ надо мной, направляютъ мою жизнь въ теченіе многихъ лѣтъ, я все свою къ нимъ, все, все. Тотъ, кто мнѣ сказалъ эти слова, вѣроятно, совсѣмъ не подозреваетъ, какое дѣйствіе они произвели на меня, онъ это сказалъ такъ, между прочимъ: Гуго, вамъ еще будетъ очень плохо...

Едва владѣя собой, онъ ухватился за спинку кресла Ольги, остановившись позади нея.

Ольга стремительно повернулась къ нему, продолжая сидѣть.

— А я тебѣ тогда скажу... Хорошо, разъ извѣстныя слова производять на тебя такое впечатлѣніе, тогда я тебѣ сегодня говорю, громко и ясно: Гуго, тебѣ еще будетъ очень хорошо, очень хорошо... слышишь...

Она дрожала отъ негодованія на того неизвѣстнаго человѣка, который сказалъ ей другу такія жестокія слова. Она была вполнѣ убѣждена, она пророчествовала...

Онъ смотрѣлъ въ ея пылающее лицо.

Вдругъ онъ опустился на полъ, къ ея ногамъ. Все въ немъ внезапно растаяло, горячія слезы хлынули изъ глазъ, а онъ уже чувствовалъ, какъ подступали новыя—изъ горячаго лба, изъ дрожащихъ щекъ устремлялась вся его жизнь къ глазамъ, какъ къ единственнымъ центрамъ. Онъ прижался лицомъ къ колѣнямъ Ольги, но онъ не чувствовалъ при этомъ прикосновеніи тѣла взрослой дѣвушки, не чувствовалъ подъ руками ея полныхъ ногъ, которыя онъ судорожно обнималъ, а чувствовалъ только что-то теплое, хорошее, болеутоляющее, лучше муравы, лучше бархата и пуха... Это было какъ бы вѣчное, надежное прибѣжище... темнота, прохладная и теплая въ одно и то же время, какъ разъ такая, какая ему требовалась, темнота, въ которой онъ шелъ, невидимый никѣмъ, подъ землей... шелъ и отдыхалъ, увлекаемый и удерживаемый, среди нѣжныхъ благоуханій и медленно плывущихъ облаковъ, которыя не давили его, но въ то же время не выпускали... А главное, здѣсь былъ покой безъ начала и безъ конца, покой, который былъ не только прекращеніемъ тревогъ и волненій, а какъ бы извѣчной благодатью, положительно проникающей прямо въ душу черезъ поры кожи... А теперь, когда Ольга слегка провела рукой по его волосамъ, онъ чуть-чуть поднялъ голову и воскликнулъ, между тѣмъ какъ накапливающіяся слезы застилали ему взоръ:

— Сестру!... Сестру мнѣ надо бы имѣть... Брата у меня взяли, имѣть брата было бы тоже хорошо, слишкомъ хорошо... Но сестра, такая какъ ты, Ольга, всегда со мной, всю жизнь со мной...

Сестра, да, она у меня есть. Это ты, Ольга. Не правда ли, ты мнѣ сестра?... Ты мнѣ сестра...—Онъ все снова и снова поднималъ голову и опять опускалъ ее къ ней на колѣни.—Ты мнѣ сестра, ты мнѣ сестра...—между тѣмъ какъ слезы падали изъ глазъ при каждомъ движеніи и снова накапливались до слѣдующаго паденія.

Она ничего не говорила, не плакала. У нея была только одна мысль: успокоить взволнованнаго... Поэтому она не мѣшала ему стоять на колѣняхъ, пока онъ не выплакался... Наконецъ, онъ самъ поднялся, сѣлъ, схватилъ обѣ ея руки и стиснулъ ихъ:

— Благодарю, благодарю тебя...

— Гуго... И тебѣ не стыдно?—тихо сказала она и улыбнулась ему ободряющей улыбкой.

Онъ энергично покачалъ головой, полный того упрямства, которое остается послѣ слезъ, даже когда выплечешься мирно, полный горделиваго, возвышеннаго настроенія.

Она высвободила руки и еще разъ погладила его по волосамъ:

— Ну-съ, теперь будь паинькой... Будешь?

Онъ досталъ носовой платокъ—только теперь досталъ его,—чтобы вытереть слезы съ лица.

— Знаешь, съ какихъ поръ я не плакалъ такъ?—Только теперь, съ усиліемъ выговоривъ эти слова, онъ отвѣтилъ на ея улыбку:—Съ того дня, какъ я тебѣ признался про переэкзаменовку... въ началѣ каникулъ.

— Значитъ, всегда въ разговорѣ со мной—это мило...

— Конечно, это хорошо, Ольга,—серьезно подтвердилъ онъ.

— А у фрейлейнъ Ирены никогда?

— Тамъ я слишкомъ злился... Для слезъ нужно спокойствіе, а его я нахожу только у тебя.

— Нѣтъ, съ фрейлейнъ Иреной тебѣ веселѣе, чѣмъ со мной, вотъ въ чемъ дѣло...—Она улыбнулась кротко и шутливо.

— Ольга...

Онъ выронилъ платокъ и, снова схвативъ обѣ ея руки, сдѣлалъ видъ, что хочетъ броситься къ ея ногамъ.

— Гуго... Такой большой мальчикъ.—Она удержала его за руки.—Сядь вонъ тамъ... и шевельнуться больше не смѣй... Кстати, кое-что поважнѣе, разъ ты мнѣ напомнилъ про переэкзаменовку: ты уже все знаешь? хорошо подготовился?

Онъ еще всхлипывалъ, ему трудно было говорить.

— Тебѣ, я думаю, не надо объяснять... зачѣмъ я завтра уѣзжаю въ Прагу...

— Стало быть, еще ничего не знаешь?

— О, нѣтъ, я занимался. Но она такъ мѣшаетъ мнѣ.

Новые потоки слезъ хлынули у него изъ глазъ при этихъ словахъ. Разъ начавъ, онъ теперь могъ плакать по малѣйшему поводу, слезы катились сами собой, и сладостное чувство успокоенія, довольства наполняло его отъ сознанія, что слезы до такой степени въ его власти. Каждую минуту онъ могъ облегчить себя, его голова была словно полный шаръ съ моремъ теплой воды внутри и съ открывающимися и закрывающимися клапанами. Онъ плакалъ, онъ лилъ слезы ручьями, и даже не закрывалъ лица,—такъ хорошо ему было отъ этихъ катящихся капель...

Ольга кивнула головой.

— Я такъ и думала. Но знаешь что, Гуго...

Онъ посмотрѣлъ на нее сквозь застилающую глаза пелену.

— Завтра ты еще долженъ выдержать, а тамъ всеравно всей этой исторіи конецъ. Утромъ не ходи къ кургаузу, а въ лѣсъ или куда-нибудь еще. Ты въ этомъ году еще ни разу не купался? Нѣтъ? Прекрасно, въ такомъ случаѣ поди въ купальню, въ прошлые годы ты, небось, ни одного дня не пропускалъ... А послѣ обѣда... Знаешь, вѣдь меня тоже пригласили ѣхать въ Эйхвальдъ. Я не хотѣла. Но теперь поѣду ради тебя. Я не буду отходить отъ тебя, буду тебя охранять... Согласенъ?...

— Ты такая хорошая... Да, сдѣлай это...

Онъ подавилъ подступавшія къ горлу рыданія.

— А потомъ ты поѣдешь въ Прагу, будешь прилежно заниматься и забудешь эту гадкую дѣвушку... Она, право, совсѣмъ не стоитъ...

Не сводя глазъ съ Ольги, онъ забарабанилъ пальцами по столу, чтобы выразить свое согласіе, свою радость. Говорить онъ не могъ.

— И ты мнѣ напишешь, выдержалъ ли ты переэкзаменовку...

— Конечно, немедленно... Я пришлю тебѣ телеграмму... Но мама не должна знать... До востребованія?

— Нѣтъ, этого я не хочу... Напиши мнѣ прямо сюда, домой. Я ужъ перехвачу почтальона... Или измѣни почеркъ на конвертѣ.

— Мы можемъ условиться насчетъ какого-нибудь тайнаго знака. Извѣстное слово, напримѣръ, „дворецъ“, будетъ означать, что я выдержалъ...

Она зѣвнула.

— Объ этомъ мы еще поговоримъ...

— Ты устала?...

Еще не кончивъ зѣвать, она покачала головой и попробовала говорить, обмахивая рукой раскрытый ротъ:

— Нисколько...

— Да и пора ужъ... Знаешь, какъ поздно?

Онъ посмотрѣлъ на часы, висѣвшіе на стѣнѣ позади Ольги.

— Часъ,—воскликнула она.

— Да, пять минутъ второго.

— У меня часы въ головѣ...

Ея лицо вдругъ стало печальнымъ, печальнымъ отъ усталости, съ влажными глазами.

Онъ взялъ свѣчу и спички, лежавшія приготовленными на трюмо.

— Ухожу ужъ, ухожу... Когда тебѣ завтра вставать?

— Въ шесть.

— Ужасно. Такъ рано?

— Въ половину седьмого приходятъ молочница, мясникъ...

„Точно служанка“, подумалъ онъ, смотря на нее съ внезапнымъ состраданіемъ, и вздохнулъ:

— Спокойной ночи, значить...

Она немедленно возвысила голосъ:

— Ну, что еще случилось? У тебя такое лицо...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего.—Усиліемъ воли онъ разогналъ тучи, которыя онъ уже самъ опять чувствовалъ на своемъ лбу.—Ты меня такъ утѣшила вѣдь. Я не знаю, какъ тебя и благодарить...

— Не мели вздору... Спокойной ночи... Спи хорошо.

— Я заплакался...

Онъ глубоко перевелъ духъ и сверху крѣпко нажалъ рукой на голову, такъ что кудри поднялись между растопыренными пальцами. Нижнія вѣки его глазъ распухли, и онъ чувствовалъ въ нихъ боль.

Ольга разсмѣялась:

— Да, какъ не заплакался... За это тебѣ единицу. Въ слѣдующій разъ, когда тебѣ захочется поплакать, ты придешь ко мнѣ, да?...

— Этого не будетъ.

Она старалась подражать берлинскому говору изъ шаловливаго задора.

— Да? А если опять явится такой управляющій...

— Этого не будетъ.

— Ты больше во вѣки вѣковъ никого не хочешь?

— Во вѣки вѣковъ. Мнѣ такъ хорошо! Мнѣ никого и ничего не надо.—Она вскочила съ кресла и подняла руки.—Развѣ мой видъ этого не говоритъ?

Она приблизила къ нему лицо.

— Это рѣдко приходится слышать. Это очень хорошо...—от-

вѣтилъ онъ, полный умиленія. Что-то удерживало его въ этой комнатѣ.—Надо итти,—тихо сказалъ онъ, какъ бы самому себѣ.

Раздался легкій трескъ. Можетъ быть, какая-нибудь тесемка лопнула при рѣзкомъ движеніи Ольги или отскочила пуговица отъ ея negligé. Она стала искать мѣсто, проводя рукой по спинѣ снизу вверхъ, слегка изгибая при этомъ станъ. Ея юбка кончалась безъ пояса у розовой блузы, придерживая послѣднюю своими завязанными тесемками. Только теперь Гуго замѣтилъ, какъ коротка эта темно-красная юбка; можетъ быть, это нижняя юбка...

— Знаешь, у тебя пресмѣшной видъ...—сказалъ онъ, оглядывая ее съ головы до ногъ.—Мнѣ все чего-то недостаетъ на тебѣ... Но только теперь я понялъ, въ чемъ дѣло... у тебя другая прическа, чѣмъ обыкновенно.

— Да, я ужъ нѣсколько дней причесываюсь *à la* Гретль, а ты только теперь замѣтилъ?

— Раньше ты носила высокую прическу... Почему вдругъ косы? Она засмѣялась.

— Знаешь, недавно господинъ Клейнъ мнѣ сказалъ, что высокая прическа мнѣ замѣчательно идетъ... Съ тѣхъ поръ я закладываю косы на головѣ....

Гуго не могъ не разсмѣяться вмѣстѣ съ ней—насколько былъ въ состояніи смѣяться, ибо время отъ времени спазма еще сжимала его грудь до самаго горла.

— Ну, и скажи послѣ этого, что ты не кокетка, Оленька!

Онъ уже стоялъ въ дверяхъ и ласково погрозилъ ей пальцемъ. Она сдѣлала ему реверансъ, приподнявъ обѣими руками юбку съ боковъ,—медленный придворный реверансъ. Онъ улыбнулся. А закрывъ за собой дверь, смахнулъ все еще поднятымъ указательнымъ пальцемъ послѣднюю слезу съ рѣсницъ.

ХІІІ.

Эльзочка.

Спалъ онъ не плохо, а на слѣдующее утро, слѣдуя совѣту Ольги, немедленно отправился купаться. Городъ Теплицъ имѣетъ великолѣпное купальное заведеніе.

Уже при входѣ, пока онъ бралъ билетъ у кассы, его охватило чувство самой настоящей радости. Ибо его ухо уже уловило тихій шумъ, шедшій изъ внутреннихъ, еще невидимыхъ для него помѣщеній,—журчаніе душей и плескъ воды, въ которую мальчики бросались смѣлыми прыжками. Какъ прохладное дуновеніе

вѣтерка, освѣжающее душу и бодрящее, проникалъ этотъ шумъ въ сѣни, и въ соединеніи съ тѣнистыми стѣнами онъ заставилъ Гуго забыть пыльную улицу и дорогу отъ дома до купальни—дорогу, жару, всѣ заботы...

Онъ вошелъ въ свою тѣсную кабинку. Черезъ щель, оставляемую желтой занавѣской (которая своей дешевой, но прочной тканью напоминала занавѣски на окнахъ купэ, только была чище), онъ уже видѣлъ зеленую поверхность воды, это холодное выпуклое стекло, этотъ текущій источникъ здоровья. А стоило ему пріоткрыть раздвижную дверь, и онъ ужъ стоялъ бы на бѣлыхъ плитахъ, которыя были всѣ мокрыя, такъ какъ по нимъ непрерывно проходили голые люди, съ которыхъ стекали ручьи воды. Вотъ какъ близко онъ уже находился къ предстоящему удовольствію, между тѣмъ какъ путь отъ кассы до кабинки еще былъ сухой и земной: обыкновенный коридоръ въ обыкновенномъ домѣ. Его охватило нетерпѣніе; торопливо, безъ всякаго порядка сталъ онъ срывать съ себя платье, бѣлье, башмаки, и бросалъ все въ кучу. Ахъ, зачѣмъ вообще носить одежду! Онъ потѣлъ, но думалъ: теперь это безразлично, теперь это не бѣда, все равно я черезъ минуту все смою. Онъ дрожалъ отъ радости... Наконецъ, все было сброшено, онъ стоялъ въ своихъ красныхъ узкихъ купальныхъ штанахъ, которые затянулъ резинкой, и вышелъ, какъ равный къ равнымъ, къ остальнымъ голымъ людямъ—ступилъ на гладкія бѣлыя плиты, которыя окаймляли воду бѣлой рамкой. Какъ пріятно было чувствовать подъ голыми ступнями эти скользкія, холодныя, гладкія плиты! И его тутъ же привела въ восторгъ, положительно окрылила мысль, что люди всѣхъ возрастовъ и положеній, богачи, какъ бѣдняки, сходились здѣсь, чтобы позаботиться о своемъ здоровьѣ, чтобы укрѣпить свое тѣло безусловно полезнымъ, хорошимъ и мирнымъ способомъ. Тутъ были и взрослые бородатые мужчины, иные уже съ вялыми, слабыми мышцами; тутъ состязались юноши, кричали дѣти. Частью цѣлаго немедленно почувствовалъ себя Гуго. Онъ какъ бы слился воедино съ ними всѣми; прыжки всѣхъ смѣлыхъ ныряльщиковъ проходили черезъ него, онъ вздрагивалъ въ тактъ выпрямляющимся движеніямъ какого-то молодого челоѣка, который едва рѣшался погружать въ ледяную воду свою высоко поднятую грудную клѣтку... Онъ былъ счастливъ, совсѣмъ увлеченъ. Онъ смотрѣлъ на ребенка, который, лежа на поясѣ изъ темной пробки и поддерживаемый удочкой, производилъ поверхностныя плавательныя движенія—вродѣ тѣхъ, какими купцы разглаживаютъ разложенное передъ покупателемъ сукно. Ноги у мальчика были худыя

и бѣлыя, а голубыя жилки придавали мокрой блестящей кожѣ особый оттѣнокъ, похожій на бенгальскій свѣтъ. Вотъ подбѣжалъ учитель плаванія, въ свободной сине-бѣлой полосатой фуфайкѣ и съ загорѣлымъ, какъ у матроса, лицомъ. У него былъ видъ бывалаго моряка; по какимъ только морямъ онъ ни плавалъ, вѣрно; эхъ, когда же мы снова выйдемъ въ море! А можетъ быть, онъ житель материка, никогда и моря не видалъ. Что же, изъ-за этого онъ ничуть не меньше нравился Гуго. Какъ онъ умѣлъ держать мальчиковъ въ страхѣ, какъ хвалилъ ловкихъ, обуздывалъ заносчивыхъ... По ступенькамъ выходили изъ воды другіе; какъ сморщилась кожа на кончикахъ ихъ пальцевъ—она стала слишкомъ широкой, какъ кожа изюма, надо попытаться энергичнымъ растираніемъ уничтожить щекочущее ощущеніе въ ней... Гуго ходилъ взадъ и впередъ вдоль бассейна. Слабый вѣтерокъ, который онъ чувствовалъ на своей обнаженной кожѣ,—вѣтерокъ, происходившій исключительно отъ движеній сновававшихъ мимо людей,—былъ ему необыкновенно пріятенъ. Возлѣ трамплина Гуго задержался. Группа мальчиковъ завладѣла трамплиномъ. Одинъ за другимъ взбѣгали они наверхъ и стремительно, словно подгоняемые хлыстомъ, спрыгивали въ воду, чтобы затѣмъ кратчайшимъ путемъ, фыркая и отдуваясь, подплыть къ краю бассейна, снова взбѣжать наверхъ и снова спрыгнуть. Свѣтлыя и темныя тѣла толкались, всѣ кричали безъ умолку, съ волосъ и плечъ стекала вода на сосѣда, который почему-либо задержался на мгновеніе. У иныхъ видно было, какъ спинной хребетъ внезапно выступалъ подъ тонкой мускулатурой спины, словно гибкая лоза. По водѣ отъ прыжковъ ходили волны, разбивая отраженіе огромныхъ оконъ, и даже тонкій рисунокъ изразцовъ, которыми было выложено дно бассейна, тоже безпокойно колыхался. Жидкими кругами пробѣгалъ свѣтъ между волнами,—кругами, которые постепенно расширялись и, наконецъ, размыкались, сливаясь одинъ съ другимъ, между тѣмъ какъ на ихъ мѣсто уже давно появились другіе, еще сплошные, круги. Ясно можно было отличить голубоватое отраженіе боковыхъ оконъ отъ матово-бѣлыхъ круговъ, которые бросалъ на воду болѣе слабый и болѣе отдаленный свѣтъ, лившійся черезъ стеклянный потолокъ, хотя все это до того смѣшивалось, что въ инныя минуты въ общемъ мерцаніи и блескѣ исчезалъ даже желтый мѣдный брусъ, отграничивавшій глубокую часть бассейна отъ отдѣленія для неумѣющихъ плавать... Гуго не могъ дольше оставаться простымъ зрителемъ; онъ рѣшилъ, что уже достаточно остылъ, такъ что можетъ итти подъ душъ... Ба, а вонъ и знакомые, старые

товарищи, его ровесники, ученики теплицкой гимназии. За все лето онъ ни разу не вспомнилъ про нихъ. „Странныя вообще это были каникулы“, подумалъ Гуго съ внезапнымъ испугомъ... Однако въ своемъ повышенномъ возбужденномъ настроеніи, еще усиленномъ купаніемъ, они забыли обидѣться на него. Они немедленно показали ему новый душъ, которымъ можно было обливаться по желанію и сверху, и снизу, и съ боковъ и теплой, и холодной струей, стоило только повернуть нѣсколько крановъ. Дѣйствительно, это было нѣчто замѣчательное! Гуго бросился въ эти низвергающіеся хлещущіе потоки воды, онъ сильнѣе дышалъ, онъ смѣялся такимъ короткимъ смѣхомъ, что это звучало искусственно, хотя шло изъ глубины его души. Потомъ онъ спустился по ступенькамъ, уже вдыхая воздухъ, наполненный водяной пылью, и выплылъ вмѣстѣ съ товарищами на середину бассейна. Онъ легъ на спину, онъ энергично разсѣкалъ воду головой и дѣлалъ быстрые широкіе взмахи руками. Потомъ поплылъ спокойнѣе; его гордостью было походить на медленно скользящій корабль. Ухватившись за одну изъ лѣсенокъ, онъ вышелъ изъ воды, взбѣжалъ на трамплинъ и прыгнулъ назадъ, глубоко въ воду, съ закрытыми глазами. Потомъ, проведя ребромъ ладони по поверхности, внезапно послалъ струю воды прямо въ лицо ближайшаго къ нему товарища. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же, другіе подоспѣли, загорѣлась битва. Кричали „ура“, какъ на войнѣ, покрывая своими голосами шумъ и плескъ безостановочно низвергающихся водопадовъ...

Когда около полудня, выйдя изъ купальни, Гуго шелъ по улицѣ, онъ чувствовалъ себя удивительно легко, — освѣженнымъ, неуязвимымъ для солнечныхъ лучей и словно выполосканнымъ внутри, какъ будто вода не только обмыла его тѣло снаружи, но и прошла насквозь, и даже какъ будто она еще продолжала течь по немъ и въ немъ. Онъ былъ веселъ, расположенъ къ дѣйстви-ямъ. Онъ охотно встрѣтился бы теперь съ Иреной, чтобы подчинить ее себѣ. Ибо вмѣстѣ съ силой въ немъ опять пробудилась и любовь къ ней, но болѣе чистая и прекрасная, безъ всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя обыкновенно омрачали ее. Жизнь казалась ему теперь совсѣмъ простой и несложной, онъ любилъ и ненавидѣлъ напрямикъ, онъ опять считалъ себя въ силахъ разомъ, безъ дальнихъ околичностей, повернуть все по собственному желанію...

На Вокзальной улицѣ онъ вдругъ увидѣлъ Іосифа Нуссбаума и Эльзочку, которые шли впереди него въ томъ же направленіи. Они пререкались. Дѣвочка возвысила голосъ:

— Долго еще ты будешь водить меня за носъ обѣщаніями? Просто срамъ, что у тебя никогда нѣтъ денегъ... Достань ихъ...

Іосифъ высоко поднялъ голову надъ воротникомъ, выпрямился, словно для крайняго напряженія силъ, и зашагалъ крупными шагами, но вдругъ, во время одного такого шага, весь съежился и опустился, вродѣ того, какъ складываютъ подозрную трубу. Послѣ его отвѣта, котораго Гуго не разслышалъ, Эльза крикнула:

— Это не отговорка... Это всякій можетъ сказать...

Большой бантъ свѣшивался сзади съ пояса ея бѣлаго платица, волосы были на этотъ разъ заплетены въ косу, летавшую изъ стороны въ сторону при каждомъ гнѣвномъ движеніи.

Нѣсколькими быстрыми шагами Гуго догналъ парочку; онъ былъ въ какомъ-то особенномъ настроеніи, побуждавшемъ его вмѣшиваться во все, говорить со всѣми людьми. Онъ поздоровался. Оба оглянулись и испугались, словно застигнутые на мѣстѣ преступленія.

— А, фрейлейнъ Эльзочка! Куда путь держите?...

— Мы идемъ...

— Надѣюсь, у васъ нѣтъ съ собой вашего водяного пистолета? Можно не бояться васъ сегодня?

— Мы идемъ на вокзалъ... — энергично отвѣтила Эльзочка, взмахнувъ кулачкомъ и въ то же время кивкомъ головы успокаивая бѣднаго Іосифа, который все еще пугливо озирался по сторонамъ.

— На вокзалъ? — удивился Гуго, забавляясь всѣмъ этимъ. — Чего же вамъ надо на вокзалѣ?

— Мы хотимъ уѣхать. Путешествовать...

— Куда же?

— Все равно куда. Только прочь отсюда...

Темные глаза Эльзы засверкали, блѣдныя щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ.

Гуго вспомнилъ, что онъ уже нѣсколько разъ встрѣчалъ ихъ обоихъ вблизи вокзала, вспомнилъ, что они вмѣстѣ читали Карла Майя, — и послѣ всего, что ему рассказывала про Эльзочку Ирена, дѣло ему показалось не только шуточнымъ.

— Стало быть, вы хотите, такъ сказать, похитить фрейлейнъ Эльзу? — съ улыбкой обратился онъ къ Іосифу, который врядъ ли еще успѣлъ вникнуть въ смыслъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ вопросовъ и отвѣтовъ...

Іосифъ, не отвѣчая, смотрѣлъ на него неподвижнымъ взглядомъ.

— Вѣроятно, вы хотите начать вмѣстѣ съ ней новую жизнь гдѣ-нибудь на чужбинѣ... не такъ ли?

Гуго говорилъ почти поощрительнымъ тономъ, онъ ободряюще протянулъ ему руку. Онъ былъ вѣжливъ и самъ чувствовалъ, что отъ его улыбающихся устъ исходило своего рода очарованіе... Іосифъ былъ тронутъ. Онъ пожалъ протянутую ему руку; видно было, что вѣрный тонъ оказалъ свое дѣйствіе... Гуго опять почувствовалъ глубокую симпатію къ этой безхитростной, нетронутой душѣ.

— Вы этого хотите, не правда ли?...

Іосифъ пугливо оглянулся. Эльза дѣлала ему знаки.

— Ну, что же?—старался ободрить его Гуго.

Но Іосифъ стыдливо молчалъ, упорно уставившись въ землю.

— Приключеніе!—энергичнымъ доброжелательнымъ голосомъ вскричалъ Гуго.—Вотъ было бы настоящее приключеніе.

Эльзочка заважничала:

— Что тутъ особеннаго? Ужъ сотни разъ случалось. Каждый день случается. Я въ газетахъ читала...

И, какъ бы желая подкрѣпить свои слова дѣйствіемъ, она пошла быстрѣе, прямо къ вокзалу, который уже виднѣлся за деревьями... Іосифъ немедленно тоже прибавилъ шагу, и Гуго пришлось сдѣлать то же самое. Волна радости поднялась въ немъ на мгновеніе: вотъ идутъ эти двое, еще никогда не испытавшіе разочарованія, идутъ со всею довѣрчивостью своихъ юныхъ лѣтъ, возлагая полную надежду на жизнь... И солнце свѣтитъ, длинные ряды оконъ сверкаютъ въ его лучахъ, улица лежитъ такая свѣтлая и веселая, весело блестятъ обвитыя плющомъ зеленыя стѣны нижняго этажа вокзала и красныя кирпичныя полуарки надъ всѣми окнами, а тамъ, дальше, весело свистятъ паровозы, дымъ поднимается къ небу, весь міръ открытъ передъ отважными...

Эльзочка остановилась и захохотала.

— Ну, въ чемъ дѣло, вѣдь вы опоздаете, — вскричалъ Гуго, совсѣмъ увлеченный ихъ планомъ и вѣря въ него.

— Да мы никуда и не собираемся, — хладнокровно отвѣтила Эльза. И добавила болѣе серьезнымъ тономъ:—Мы не опоздаемъ, никогда.

Она вынула мячъ, который несла подъ своей блузой, подбросила его, поймала, бросила оземь и опять поймала. Какъ звѣрокъ, проворно прыгала она вокругъ Гуго и Іосифа.

— Это была только шутка?—спросилъ Гуго у Іосифа, который опять стоялъ неподвижно, съ угасшимъ взглядомъ.

Эльза играла въ сторонѣ... Гуго самъ удивлялся, какъ онъ могъ, хотя бы на мгновеніе, принять въ серьезъ такую невѣроятную вещь. Онъ смѣялся надъ самимъ собой, но безъ боли. У него

было такое чувство, точно онъ парить надъ міромъ, направляя все въ немъ ко благу или ко злу,—такое чувство, точно жизнь вообще вовсе уже не такъ много значить и все на свѣтѣ невинно, маловажно, забавно... Весь во власти этого настроенія, онъ отвелъ Іосифа въ сторону... Ему пришло въ голову, что онъ можетъ великолѣпно отомстить Нуссбауму, какъ Альфредъ накануне отомстилъ Петрову, устроивъ ему скандалъ.

— Вамъ нужно денегъ?

Іосифъ молча смотрѣлъ на него.

Гуго вынулъ бумажникъ. Утромъ онъ получилъ какъ разъ свои карманные деньги на сентябрь, а сверхъ того деньги на дорожку, такъ что онъ могъ перебирать ассигнаціи, словно перелистывая страницы книги.

— Видите, я свободно могу вамъ удѣлить немного... Скажемъ, десять гульденовъ?...

Іосифъ кивнулъ головой, не беря бумажку.

Эльза тихонько подошла и смотрѣла большими серьезными глазами. Она подтолкнула Іосифа локтемъ.

Гуго все еще держалъ деньги въ рукѣ... Что я дѣлаю? — мелькнуло у него въ головѣ.—Что за безуміе... Но вѣдь совсѣмъ неизвѣстно, дѣйствительно ли эти двое собираются предпринять что-нибудь. Никакой бѣды нѣтъ. Этимъ онъ успокоилъ себя... До такой степени онъ чувствовалъ себя въ правѣ поступать, какъ ему угодно, безъ всякой отвѣтственности, все еще ощущая вокругъ чреслъ оживляющую силу холодной воды.

— Возьми,—тихо шепнула Эльза.

Тутъ Іосифъ торопливо вырвалъ у Гуго протянутую ему кредитку...

— Благодарю васъ.

— Такъ прощайте, до свиданія,—ликовала Эльза, хлопая въ ладоши.

Ея стройное тѣльце трепетало, словно колеблемое бурей. Никогда еще Гуго не видѣлъ ее такой.

— Прощайте... Куда вы? — крикнулъ Гуго, сердце котораго вдругъ сжалось.

Но Эльза и Іосифъ уже схватились за руки и не столько шли, сколько бѣжали къ вокзалу.

Гуго немного постоялъ, затѣмъ повернулся—совсѣмъ равнодушный—и пошелъ своей дорогой, съ яркой злобной радостью въ душѣ, весь полный задора и дурачества, совсѣмъ довольный самимъ собой.

XIV.

Эйхвальдъ.

Послѣ торопливаго обѣда онъ поспѣшилъ на Школьную площадь, гдѣ уже ждало общество изъ кургауза. Онъ шелъ подъ руку съ Ольгой, которая была выше его ростомъ и дѣлала такіе же крупные шаги, какъ онъ.

— А! Тоже помолвлены!—привѣтствовала ихъ Лотти Капперъ. Всѣ засмѣялись и поздравляли въ шутку.

Потомъ сѣли въ трамвай. Барышни были всѣ точно во хмелю, возбужденныя, веселыя. Слова: „помолвлены“, „свадьба“, „партія“, безостановочно носились въ воздухѣ; ни о чемъ другомъ не говорили. И центромъ всего этого была Камилла, которая сидѣла рядомъ съ Петровымъ, разнаряженная и молчаливая. Петровъ галантно задернулъ занавѣску на окнѣ, чтобы защитить ее отъ солнца.

„Значить, всетаки“... — подумалъ Гуго. Онъ тоже былъ оживленъ, хотя его оживленіе носило совсѣмъ иной характеръ; имъ овладѣла какая-то общая, безличная веселость, безъ всякой опредѣленной причины—можетъ быть, это просто была реакція послѣ долгой меланхоліи. Когда сѣли въ трамвай, онъ энергично протискался впередъ, и ему, дѣйствительно, удалось занять мѣсто рядомъ съ Иреной. Онъ чувствовалъ, что въ этотъ день все должно ему удаваться.

— Гдѣ Альфредъ?—съ любопытствомъ спросилъ онъ, оглядывая компанію.

— Уже уѣхалъ.

— Что? Совсѣмъ уѣхалъ изъ Теплица?...

— Онъ съ вами не простился, а?—засмѣялась Ирена.—Да, это случилось неожиданно...

— Какъ эта помолвка, — лукаво вставилъ Гуго, чтобы показать, что онъ понимаетъ связь между этими двумя событіями.

Ирена процитировала собственное изреченіе:

— Всѣ помолвки происходятъ неожиданно.

— Но это пріятная неожиданность,—вскричала Флора Вейль, сидѣвшая напротивъ нихъ въ голубой блузкѣ, изъ вырѣза которой ея жирное декольте поднималось двумя выпуклостями. — Правда, Камилла?

Она передала свои слова дальше и дразнила Камиллу, которая, не обращая вниманія на шутки, играла своимъ новымъ браслетомъ, то разстегивая маленькій золотой замочекъ, то снова

застегивая его съ тихимъ шелканьемъ... Ее спрашивали, не извѣстно ли ей о какой-нибудь помолвкѣ, заключенной въ Теплицѣ совсѣмъ, совсѣмъ недавно. Она презрительно кривила губы. Петровъ не сводилъ съ нея восхищеннаго взгляда. Но несмотря на столь неблагодарный объектъ для шутокъ, всѣ, не смущаясь, продолжали свое дѣло, состоявшее въ томъ, чтобы дать юмористическій выходъ напряженному настроенію между неофициальной помолвкой и официальнымъ сговоромъ, который—всѣ это знали—былъ назначенъ на вечеръ. Въ трамваѣ сидѣли всѣ свои, ни одного чужого; кондукторъ, переходившій отъ одного къ другому со своими билетами, одинъ только мѣшалъ. Наконецъ, и онъ ушелъ, и всѣ безпрепятственно отдались тому шаловливому настроенію, которое такъ легко овладѣваетъ людьми въ началѣ прогулокъ и пикниковъ. Одинъ изъ Демутовъ жонглировалъ палкой...

— Съ нынѣшняго дня пусть будутъ все сюрпризы, — присоединилась даже госпожа Попперъ къ общему веселью, постаравшись придать своему глухому голосу мягкія нотки.

— Знаете, что это такое?

Нуссбаумъ, сидѣвшій по другую руку Ирены, протянулъ ей свой трамвайный билетъ, на который онъ сбросилъ пепелъ со своей сигары.

Докторъ Таубелисъ предупредилъ изъ угла:

— Старая острота... ее мнѣ говорилъ дѣдушка, когда я еще былъ маленькій, и уже тогда это было не ново.

— Сдаются? — продолжалъ Нуссбаумъ, такъ какъ Ирена не отвѣчала.—Это—*Über-aschung*, *Überraschung*... ¹⁾

Докторъ обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ, не смѣясь, сказалъ:

— Ха-ха, ха-ха-ха...

Это такъ разсмѣшило Алису, что съ ней чуть судороги не сдѣлались.

— Ну, ну, успокойся!

Ей пришлось прислониться головой къ плечу Лотти, которой смѣшливость Алисы въ свою очередь показалась до того потѣшной, что она безудержно присоединилась къ ея смѣху. Обѣ дѣвушки наполняли своимъ хохотомъ весь вагонъ.

— Тише!—съ комичной суровостью приказалъ докторъ.

Это еще подлило масла въ огонь; при всемъ желаніи онъ не

¹⁾ Непереводимая игра словъ. *Über-aschung* значитъ покрываніе пепломъ, а *Überraschung*—сюрпризъ, неожиданность.

могли перестать, хотя у нихъ уже бока болѣли... И всякій разъ, когда онѣ нѣсколько успокаивались, докторъ или Нуссбаумъ какимъ-нибудь шутливымъ замѣчаніемъ, вродѣ: „Ну что, кончили?“ или „Катись, катись, телѣжечка!“ заставляли ихъ начинать сначала, снова хихикать, давиться и покатываться. Для этого достаточно было показать имъ палецъ...

— Какъ вамъ нравится мѣстность?—спросилъ Гуго Ирену.

Она съ готовностью отвѣтила:

— Фабричное предмѣстье, не правда ли?...

— Да, дорога не особенно интересная...

— Ни дорога, ни спутники... — тихо шепнула она, окинувъ все общество взглядомъ, который затѣмъ довѣрчиво вернулся къ Гуго.

Сегодня она опять благоволила къ нему, это было очевидно. Она нравилась ему; ея затуманенные голубовато-сѣрые глаза казались ему достойными того, чтобы разгадать ихъ загадку, а красивое, хотя и бросающееся въ глаза украшеніе, которое она носила на груди, все снова и снова привлекало его взоръ: длинные ряды стальныхъ бусинъ, изъ которыхъ каждая кончалась книзу стальнымъ остріемъ, похожимъ на крошечный сверкающій кинжалъ, свисали съ большой брошки. Шляпа Ирены—очень большая, соотвѣтственно послѣдней модѣ—была надѣта набокъ, и сидѣла Ирена такъ—случайно или намѣренно?—что ея лицо было открыто для Гуго и закрыто для Нуссбаума, который тщетно старался привлечь къ себѣ ея вниманіе сквозь это загражденіе.

— Что слышно про вчерашнее собраніе?—спросилъ Гуго.

— Газеты пишутъ, смотря по своей партійной окраскѣ,—однѣ бранять, другія хвалять. Убѣдить господинъ Нуссбаумъ никого не убѣдиль...

— Что вы говорите? — спросилъ Нуссбаумъ, услышавъ свое имя, и съ трудомъ обогнулъ головой поля Ирениной шляпы.

— Что каждый счастливъ по-своему,—засмѣялась она.

Онѣ опѣшилъ:

— Ну да, разумѣется,—и его голова опять исчезла.

Онѣ ее не понялъ.

Гуго былъ безмѣрно счастливъ: вотъ какъ, она даже не отвѣчаетъ больше этому Нуссбауму... Ему вспомнилось вчерашнее собраніе: какъ онѣ томился, ожидая хоть слова отъ Ирены, а теперь она сидитъ рядомъ съ нимъ, доступная для него и отвернувшись отъ его соперника. Какъ совмѣстить все это? Онѣ видѣлъ себя падающимъ въ прудъ при лунномъ свѣтѣ, подъ молчаливыми деревьями, а теперь онѣ весело ѣдетъ въ грохо-

чушемъ трамваѣ и безъ особеннаго волненія разговариваетъ съ той же самой дѣвушкой. Какъ это возможно, чтобы жизнь одного и того же человѣка представляла до того различныя картины?... А Ольга?... Какъ близка она ему была вчера вечеромъ, а теперь она стоитъ на площадкѣ съ обоими Демутами и болтаетъ, какъ всѣ остальные барышни.

— Вы ревнуете, — сказала Ирена, замѣтивъ направленіе его взгляда.

— Кого?

— Развѣ это нужно говорить? Куда вы смотрите?

— Вы ошибаетесь... Ольга мнѣ какъ сестра...

— Однако она говоритъ съ сильнымъ чешскимъ акцентомъ, эта ваша сестра.

Настоящая ненависть сверкнула въ глазахъ Ирены.

— Почему вы вѣчно нападаете на бѣдную дѣвушку?... Вѣдь это неправда, что она говоритъ съ чешскимъ акцентомъ.

— Вотъ какъ? Во всякомъ случаѣ она изъ Колина...

— Но воспитывалась въ Рейхенбергѣ.

— Вы хорошій защитникъ... такой горячій!

Гуго удивился. Неужели послѣ того, какъ онъ все лѣто тщетно томился по любви, въ послѣдній день двѣ дѣвушки будутъ ссориться изъ-за него?... Ибо и поведение Ольги, которое онъ такъ хорошо понималъ наканунѣ вечеромъ, теперь казалось ему неяснымъ. Слово „сестра“ звучало такъ неправдоподобно при дневномъ свѣтѣ... Стремясь привести въ порядокъ собственные мысли и говорить только то, что было несомнѣнно, онъ отвѣтилъ:

— Ольга защищала бы меня совсѣмъ такъ же, если бы пришлось. Мы съ ней друзья съ самаго дѣтства, хотя я за весь годъ вижу ее только эти два лѣтнихъ мѣсяца...

— Кстати, вѣдь вы скоро уѣзжаете, да?...

— Завтра.

— Уже завтра?... Ну ничего, вѣдь мы будемъ видѣться въ Прагѣ, не правда ли?...

— Если вы разрѣшите...

— Я приказываю.

Нѣтъ, въ этотъ день рѣшительно все удавалось. Она даже сама обѣщала, не дожидаясь, чтобы онъ ее попросилъ объ этомъ, прійти на вокзалъ провожать его...

— Ольга въ самомъ дѣлѣ...

— Оставимъ Ольгу, — перебила его Ирена, поднявъ на него почти нѣжный взглядъ. — Будемъ говорить о насъ двоихъ... Осо-

бенно, разъ вы уже завтра уѣзжаете... Между прочимъ, гдѣ вы пропадали утромъ?

Значить, она замѣтила его отсутствіе. Его щеки начали горѣть, имъ овладѣло настроеніе, какъ послѣ выпитаго шампанскаго. Ирена опять очаровывала его—каждымъ своимъ словомъ, каждымъ своимъ умнымъ замѣчаніемъ.

— Мнѣ надо было сходить въ разные мѣста...

— Вы говорили съ господиномъ Винтерницемъ?—вдругъ огорошила она его.

— Помилуйте, вѣдь я же совсѣмъ не знаю его...

Она недовѣрчиво покачала головой.

— Совсѣмъ не знаете?... А Ольга его знаетъ?

— Съ чего вы взяли... Она, конечно, тоже не знаетъ его... Но вѣдь мы не хотѣли больше говорить объ Ольгѣ. Видите ли, что касается господина Винтерница... вы, можетъ быть, думаете, что я этимъ совсѣмъ не интересуюсь больше, но, вѣрьте, сотни разъ, сотни разъ за послѣднее время у меня вертѣлось на языкѣ спросить васъ. Только я не смѣлъ. Вы были такая гордая, такая недоступная... — Онъ игралъ ручкой ея зонтика, который она держала въ рукѣ, и слегка коснулся ея пальцевъ. — Вотъ какой страхъ вы на меня нагнали, фрейлейнъ, такъ запугали меня... Но теперь вы опять прежняя, теперь я опять могу себѣ позволить интересоваться вашими дѣлами... Такъ расскажите же мнѣ, я стораю отъ любопытства, что было? Говорили вы съ нимъ?

Она раздраженно сдѣлала гримасу.

— Ничего не было.

— О Боже... Еще не кончено?—боязливо спросилъ онъ.—Знаете, я вѣдь такъ охотно остался бы здѣсь, всегда возлѣ васъ, чтобы охранять васъ... Но мнѣ, право, необходимо ѣхать въ Прагу, у меня тамъ дѣло...

Онъ ждалъ, что она теперь скажетъ хоть слово про его экзаменъ. Но она все забыла, ничего не сказала... „Всетаки она опять немного ускользнула отъ меня“, подумалъ Гуго и посмотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ вслѣдъ щепкѣ, уносимой теченіемъ. Однако, при всемъ томъ, онъ былъ такъ самоувѣренъ въ этотъ день, что считалъ себя способнымъ снова привлечь ее къ себѣ, если останется въ Теплицѣ. Но, съ другой стороны, онъ положительно свободнѣе дышалъ отъ сознанія, что онъ, именно, не останется въ Теплицѣ; эта мысль давала ему бодрящее чувство облегченія. „Сегодня послѣдній день“, пѣла въ немъ душа, „и этотъ день пусть будетъ мой, я еще использую его, сила на то у меня есть, а завтра я буду за тридевять земель“... Онъ весело повернулся

къ ней:—Я хочу вамъ дать одинъ совѣтъ; если вы будете нуждаться въ утѣшеніи и освѣженіи, у насъ здѣсь имѣется прекрасное купальное заведеніе. Пойдите туда въ такомъ случаѣ, это самое лучшее, что есть въ Теплицѣ.

При выходѣ изъ трамвая фрау Попперъ принялась считать, сколько ихъ всѣхъ. Въ качествѣ единственной *dame de garde* она все время боялась, какъ бы кто-нибудь не затерялся. Докторъ Таубелисъ сталъ ей помогать, спуталъ ея счеты и опять сталъ ей помогать. Она не разсердилась на него за его шутки, хотя ей, видимо, не легко было сдерживаться... Только теперь Гуго замѣтилъ, что Іосифъ и Эльза отсутствовали. Но это несколько не обезпокоило его. До этой минуты онъ даже совсѣмъ не думалъ о нихъ.

Вошли въ Эйхвальдъ. Камилла взяла Петрова подъ руку. Всѣ замѣтили это и благосклонно улыбнулись.

Прежде всего закусили въ Терезіенбадѣ, потомъ осмотрѣли изящныя террасы, прелестный садъ, а затѣмъ Гуго повелъ все общество къ церкви. Вся полосатая, попеременно красная и желтая, стояла она на площади. Графъ началъ ее строить по какому-то итальянскому образцу, она была даже точной копіей этого образца. Гуго сообщилъ легенду, будто только итальянскіе рабочіе имѣли право участвовать въ постройкѣ этой церкви и будто каждый камень по отдѣльности перевозили черезъ Альпы. Но она такъ и останется недостроенной, невозможно достать столько денегъ, сколько нужно, чтобы докончить ее... Одна Ирена слушала его, кузины болтали между собой.—Какъ прекрасно—тратить деньги такъ бессмысленно!—воскликнула Ирена. Ольга посмотрѣла на нее изумленнымъ взглядомъ, а потомъ перевела этотъ же самый взглядъ на Гуго, какъ будто спрашивая, что онъ думаетъ объ этомъ. Ему это было непріятно; онъ повернулся опять къ Иренѣ:—Я бы поступилъ совершенно такъ же.

Ирена подарила его теплой улыбкой.—Маленькій баронъ... Это было сказано ласково, совсѣмъ какъ тогда, на кегельбанѣ.

Отъ церкви пошли по большой дорогѣ, мимо гостиницы „Сансуси“, надъ крышами которой уже виднѣлись мощныя вершины хвойныхъ деревьевъ, и вступили въ лѣсъ... Пройдя нѣсколько шаговъ, всѣ барышни вдругъ устали. Поэтому разостлали пледы на полянкѣ, окаймленной кустами ежевики, и всѣ быстро усѣлись въ кружокъ.

— Тутъ такъ славно, прохладно,—вздохнула фрау Попперъ и разстегнула сзади воротникъ своей блузки.—Ахъ, какъ пріятно...

— Такъ нельзя!—повелительно крикнула Лотти, замѣтивъ,

что оба Демута сидятъ рядомъ.—Надо вперемежку, кавалеръ и дама, кавалеръ и дама...

Молодые люди покорились ея желанію.

Алиса размечталась немного:—Ахъ, лѣсъ... „Кто тебя, прекрасный лѣсъ“... ¹⁾

— Здѣсь словно „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ въ постановкѣ Рейнгардта,—замѣтилъ Нуссбаумъ, обмахиваясь шляпой.

— Споемте что-нибудь,—предложилъ докторъ Таубелисъ.

Но Флора попросила:—Нѣтъ, лучше давайте играть въ какія-нибудь игры, въ фанты...

Съ нею согласились:—Но во что?

„Веребочку“ и „пословицы“ забраковали, какъ надоѣвшія. Рѣшили играть въ „ремесленники“.

Двое ушли за кусты, чтобы сговориться. Немного погодя они явились и сказали: „Мы пришли изъ града-столицы, гдѣ растутъ красавицы-дѣвицы—наша первая буква *а*, послѣдняя *м*“. И, отвѣсивъ поклонъ, они начали изображать свое ремесло. Каждый изъ нихъ приставилъ къ одному глазу сложенную трубочкой руку, прищурилъ другой глазъ и сталъ вертѣться по кругу, поднявъ лицо къ небу. Вотъ они стали о чемъ-то совѣщаться, однако дѣлали только соотвѣтствующія движенія головой, руками и губами, не издавая ни звука, какъ въ пантомимѣ. Они казались взволнованными. Потомъ показали рукой вверхъ и снова приставили кулаки къ глазамъ. Съ обычными словами:

— Мы кончили,—повернулись они къ зрителямъ.

— Астрономъ!—крикнула Флора.

Она отгадала. Оба астронома вторично исчезли и снова появились:

— Розу или лилію?

Флора пытливо поглядѣла имъ въ лицо. Наконецъ, выбрала: „Лилію“...

— Это я.

Ей пришлось итти съ Алисой; молодому Демуту, который хладнокровно опустился на траву, она послала взглядъ сожалѣнія.

Такъ какъ всѣ настоящія ремесла, какъ-то: „столяра“, „портного“ и т. д., уже давно использовали раньше, то придумывали болѣе отдаленныя занятія... Излюбленными были: „чистильщикъ канавъ“, „пророкъ“, „канатный плясунъ“. Иныя занятія, какъ „инженера“, было очень трудно изобразить, такъ какъ они при-

¹⁾ Начало одной популярной нѣмецкой пѣсни.

надлежали къ безконечной группѣ профессій, при которыхъ требовалось подпереть голову рукой и напряженно размышлять надъ проектами. Сюда принадлежали и „поэтъ“, „изобрѣтатель“, „чиновникъ“. Такъ же трудно было отличить повелительный жестъ „полководца“ отъ такого же жеста „директора банка“... Когда очередь дошла до Гуго, онъ захотѣлъ внести свѣжую струю:

— Наша первая буква *d*, послѣдняя *g*,—и онъ воздѣвалъ руки, широко раскрывалъ ротъ, билъ себя въ грудь. Никто не могъ отгадать, онъ самъ долженъ былъ сказать: „Демагогъ“. Одна Ирена засмѣялась, остальные барышни смотрѣли на него непонимающимъ взглядомъ.

— Пожалуйста, никакихъ иностранныхъ словъ,—обиженно крикнула Лотти. Но зато всѣ сразу поняли, когда Таубелисъ спустилъ пенснэ на кончикъ носа, какъ ихъ носятъ дальноторкіе, и, глядя поверхъ стеколъ, сталъ горячо жестикулировать, вынулъ кошелекъ, сдѣлалъ слащавое лицо и, наконецъ, засунулъ большіе пальцы за проймы жилета. Всѣ одобрительно засмѣялись.

Развеселившись, потребовали чего-нибудь новаго; кровь быстрѣе текла въ жилахъ. Попробовали поиграть въ дѣтскую игру: „Все, что крылья имѣетъ, летаетъ“. Барышни взвизгивали, превратившись въ дѣтей, но при всемъ весельѣ онъ все-таки не утрачивалъ извѣстной серьезности, въ которой находили себѣ опору. Мужчины же, повидимому, окунулись назадъ въ дни дѣтства не столько внѣшне, сколько душой... Нуссбаумъ вырвалъ листы изъ своей записной книжки и роздалъ всѣмъ: хотѣли играть въ „секретаря“. Каждый писалъ на своей бумажкѣ одну строчку, отвѣчая на извѣстный вопросъ, потомъ загибалъ написанное и передавалъ бумажку сосѣду, который писалъ слѣдующую строчку и т. д. Получались самыя смѣшныя повѣствованія: Флора, напримѣръ, съ китайскимъ императоромъ... пошли на снѣжную вершину... тамъ они закинули теннисовые мячи... она сказала:—Ты мой славный мышинный хвостикъ... а онъ:—Проклятое озорство... а что изъ этого вышло?—счастливая супружеская чета.

— Что-нибудь другое,—воскликнула Ирена.—Я знаю одну игру, мы въ нее играли въ Лондонѣ: „Грубости“...

— Что это такое?

— Одинъ уходитъ, а всѣ оставшіеся должны сказать про него какую-нибудь грубость; руководитель игры собираетъ мнѣнія, записываетъ ихъ и прочитываетъ ушедшему, а тотъ долженъ признаться, что его особенно задѣло, а затѣмъ долженъ отгадать, кто сказалъ эту наибольшую грубость.

— Это некрасивая игра,—крикнула Ольга.

Нѣкоторые изъ кавалеровъ поддержали ее, чтобы сдѣлать ей пріятное. Вскочили на ноги, заспорили. Ирена настаивала на своемъ предложеніи:

— Почему некрасивая?

— Зачѣмъ оскорблять людей?—защищалась Ольга, смѣло выступая противъ нея. Въ первый разъ обѣ дѣвушки стояли такъ лицомъ къ лицу—одна стройная, вся дрожа, другая, сильная, съ подавленнымъ гнѣвомъ...

— Оскорбляться никто не долженъ. Такой уговоръ. Въ этомъ-то и заключается игра.

Въ концѣ-концовъ, согласились на томъ, что попробуютъ эту новую игру передъ самымъ уходомъ домой.

— Значить, теперь. Черезъ полчаса намъ ужъ пора трогаться. Намъ цѣлый часъ ѣхать на трамваѣ... Ирена вынула свои маленькіе часики.

Какъ время летитъ! Веселье послѣ обѣда показалось всѣмъ очень короткимъ. Ирена поставила на своемъ. Нуссбаумъ выразилъ готовность первымъ взять на себя трудную роль и спокойно выслушать списокъ своихъ грѣховъ.

Ирена сама собирала мнѣнія, чтобы показать, какъ это дѣлается. Всѣ должны были говорить ей на ухо, чтобы никто не зналъ, что сказали другіе... Гуго затрепеталъ, почувствовавъ себя такъ близко къ ея пушистой щекѣ, къ блестящимъ золотистымъ завиткамъ...

— Можете идти.

Со скромнымъ, но въ то же время вызывающимъ одобреніе поклономъ, какъ наканунѣ на собраніи, приблизился Нуссбаумъ къ кружку. Всѣ опять сѣли или легли, „живописно расположились“, какъ констатировала Лотти Капперъ.

— Итакъ,—серьезно начала Ирена съ саркастической усмѣшкой въ углахъ губъ,—про васъ говорятъ, что вы: закоренѣлый холостякъ, сочинитель комедій, безобразны, много воображаете о себѣ, что вы отецъ своего сына, убогая имитация Уайльда...

Она съ наслажденіемъ прочла всѣ свои записи до конца, между тѣмъ какъ Нуссбаумъ отвѣшивалъ направо и налево ироническіе поклоны, сначала немного смущенно, но вскорѣ совсѣмъ оправившись.

— Такъ что же васъ особенно обидѣло, многоуважаемый господинъ подсудимый?

Онъ подумалъ. Чтобы показать, что ни одно изъ этихъ мнѣній не задѣло его, онъ попросилъ Ирену прочесть еще разъ.

Она сдѣлала это безъ пощады.

— Ну-съ, пожалуй, закоренѣлый холостякъ...—вдохновенно сказалъ онъ съ галантной улыбкой.

Барышни одобрительно закивали. Онъ имъ понравился. А онъ, гордый, что сумѣлъ превратить предполагавшееся униженіе въ побѣду, отдался теперь игрѣ всѣми силами ума.

— И кто же нанесъ вамъ это жесточайшее оскорбленіе? Вы имѣете право отгадывать три раза.

— Прекрасно,—оживленно сказалъ онъ,—я полагаю, что фрейлейнъ Ирена—она умѣетъ оскорблять лучше всѣхъ.

— Ошиблись,—холодно отвѣтила она.

Онъ еще два разъ ошибся и долженъ былъ сѣсть.

— Кто же теперь?

Ирена захлопала въ ладоши:

— Посмотримъ, кому выйдетъ...

Демуть, которому Ольга что-то шепнула, поднялся и запротестовалъ противъ продолженія игры: она скучная и къ тому же опасная... Дѣйствительно, всѣми овладѣло нервное напряженное состояніе, каждый ожидалъ колкостей и обдумывалъ, какъ лучше всего защититься отъ нихъ. Всѣ старались казаться равнодушными, поздравляли Нуссбаума... Но Ирена, не смущаясь, уже говорила свой стишокъ и кончила:

— Тебѣ, Камилла...

— Нѣтъ ужъ, дудки,—пробурчала Камилла и лѣниво повернулась.

— Камилла сегодня на особомъ положеніи,—напомнилъ Петровъ. Всѣ съ нимъ согласились.

Съ возрастающей торопливостью Ирена опять пересчитала всѣхъ:

— Вамъ, фрейлейнъ Ольга, на васъ выпало...

— Будетъ! Кончимъ!—раздались голоса.

— Вы, можетъ быть, боитесь?...—насмѣшливо спросила Ирена.

— Я? Боюсь?—Ольга уже вскочила, хотя ее удерживали...—Иду ужъ...

Она убѣжала, вся раскраснѣвшись.

— Пусть теперь кто-нибудь другой собираетъ мнѣнія,—заявила Ирена съ напускнымъ равнодушіемъ.—Господинъ Нуссбаумъ, вы такъ хорошо все умѣете...

Она опустилась на землю рядомъ съ Гуго.

Всѣмъ было не по себѣ; кто-то напѣвалъ пѣсню, чтобы подбодриться. Нуссбаумъ сталъ совершать обходъ и съ забавными церемоніями записывалъ, что ему говорили.

— Готово!

Ольга явилась, прижавъ руку къ сердцу. Она глубоко дышала, но время отъ времени ея лицо всетаки наливалось кровью, какъ будто она забывала дышать.

— Итакъ, мадемуазель, мнѣ про васъ рассказали ужасныя вещи.— Онъ говорилъ съ дѣланнымъ комическимъ паѳосомъ, который, впрочемъ, мало отличался отъ его обычнаго паѳоса.— Я едва осмѣливаюсь вамъ прочесть. Желаете выслушать?...

Ольга кивнула головой и поблѣднѣла. Ирена не сводила съ нея глазъ.

— Итакъ, во-первыхъ, кто-то говоритъ, что вы очень красивая...

— Но это вѣдь не грубость...

— Погодите...—и Нуссбаумъ многозначительно подмигнулъ ей, чтобы дать ей понять, что онъ самъ авторъ только что прочитаннаго мнѣнія.—Все зависитъ отъ того, въ какой связи сказано... Далѣе: что вы часто знаете больше, чѣмъ показываете...

Ольга слабо улыбнулась:

— Возможно.

— Далѣе: что вы бѣгаете за всѣми мужчинами.

Нуссбаумъ вскрикнулъ: Ольга вырвала у него бумажку.

— Кто это сказалъ, кто?...

— Именно это вамъ и предстоитъ отгадать,—постарался онъ успокоить ее.

— Нѣтъ, я хочу знать...

Въ ней было задѣто самое чувствительное мѣсто, ея дѣвичья гордость. Она топнула ногой, вся кровь краснымъ заревомъ вдругъ прилила къ ея щекамъ. Она прямо направилась къ Иренѣ... Игра кончилась; всѣ вскочили на ноги и кричали вперемѣшку... Одна Ирена продолжала лежать и съ серьезнымъ лицомъ насмѣшливо кивнула Ольгѣ головой—явный знакъ, что она признавала себя авторомъ этого изреченія... Ольга остановилась, задрожала, слезы выступили у нея на глазахъ. Она протянула руку...—Гуго прекрасно видѣлъ, что къ нему, къ нему... онъ долженъ былъ ей помочь. Но Ирена въ эту минуту какъ разъ поднималась, опираясь на его руку,—да и могъ ли онъ вообще вдругъ обратиться противъ нея?... И всетаки онъ чувствовалъ свою обязанность, чувствовалъ рѣшающее значеніе этого момента... Только для того, чтобы охранять его, поѣхала Ольга съ ними, исключительно ради него. И теперь, когда она просила у него защиты, смѣлъ ли онъ покинуть ее? Она была здѣсь одна, среди чужихъ... Онъ опустилъ глаза... Ни словомъ не обмѣня-

лись эти трое, между тѣмъ какъ кругомъ нихъ раздавались крики умиротворенія и страха.

— Простите. Мнѣ надо... Пора...—Ольга поворачивалась во всѣ стороны, стараясь скрыть свои слезы. Вдругъ она вскрикнула: „Прощайте!“ Это прозвучало, какъ вопль. Она еще разъ негодующе вздернула плечами и убѣжала.

Всѣ взволновались:

— Куда? Куда?

— Она, навѣрное, побѣжитъ къ станціи.

— Мы тоже пойдемъ...

— Все равно стало поздно.

Видно было, какъ Ольга перепрыгнула черезъ ровъ и со всѣхъ ногъ бѣжала назадъ по дорогѣ. Стали совѣщаться. Веселого настроенія какъ не бывало; каждый съ неудовольствіемъ отворачивался отъ остальныхъ. Никто не сдѣлалъ Иренѣ ни малѣйшаго упрека,—настолько всѣ, казалось, стали другъ другу чужими. Послѣ недолгаго колебанія группами пошли назадъ къ станціи трамвая. Слышались восклицанія: „Нельзя было ее отпускать... Надо ее догнать“. Двое-трое молодыхъ людей побѣжали бѣгомъ.

Но когда они добѣжали до станціи, Ольга уже успѣла сѣсть въ вагонъ, и трамвай полнымъ ходомъ уносилъ ее въ Теплицъ.

Унылые и подавленные, собрались участники прогулки на платформѣ.

— А какъ хорошо началось!—вздохнулъ кто-то.

— Вотъ такъ дѣвичникъ!—шепнула Алиса за спиной Камиллы. Гуго кусалъ себѣ губы. Ирена невозмутимо глядѣла въ небо. Ждали слѣдующаго вагона трамвая изъ Теплица.

Вотъ онъ подошелъ, но... не успѣло еще общество оправиться послѣ первой непріятности, какъ грянулъ новый громъ... Изъ вагона вылѣзъ жандармъ, а за нимъ—госпожа Вейль, вся въ поту и въ слезахъ.

— Вотъ онъ, убійца, убійца...—безсмысленно вопила она, указывая на Нуссбаума.

— Вы господинъ Нуссбаумъ?—прямо направился къ нему вооруженный стражъ порядка.

— Да, это я...

— Тогда я требую именемъ закона, чтобы вы немедленно пошли со мной въ мѣрію...

— Что случилось?...—кричали всѣ. Госпожа Попперъ хотѣла немедленно убѣжать и утащить съ собой Ирену. Она думала, что всѣхъ арестуютъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ, въ томъ числѣ и докторъ Таубелисъ, сдѣлали серьезное лицо, готовые ко всякому

сопротивленію, лишь только дѣло хоть немного выяснится. Нуссбаумъ принялъ кроткій видъ мученика „Господа... сударыни...“ Онъ заклиналъ ихъ всѣхъ, онъ невинно гонимый... Барышни дрожали и съ ужасомъ глядѣли на него, словно на дикаго звѣря... Лязгъ сабли, звяканіе бляхи, твердые шаги... Надѣтый на ружье штыкъ ярко сверкнулъ въ лучахъ солнца...

— Ахъ, это изъ-за собранія,—распространяла Лотти.—Хорошо, что меня тамъ не было.

— Онъ революціонеръ,—крикнулъ кто-то.

Фрау Вейль всхлипывала и кричала:

— Онъ похитилъ мою дочь... Эльзу, мою дочку... Этотъ идіотъ, этотъ похититель дѣвочекъ. Кто, спрашиваете вы... Іосифъ Нуссбаумъ сдѣлалъ это, ихъ видѣли на вокзалѣ... Она къ обѣду не пришла, я жду, жду...

Она вдругъ накинулась на Алису и Флору, которыя растерянно хлопотали вокругъ своей, близкой къ обмороку, матери.

— Ужъ вы, конечно, только и думаете, что о своемъ удовольствіи... Для васъ мы всѣ хоть подохнемъ... Но я, я... на мнѣ лежитъ все... Я не переживу...

Она вела себя, какъ безумная.

Тѣмъ временемъ Нуссбаумъ, впереди, старался убѣдить жандарма въ своей невинности.

— Тамъ все выяснится. Протоколъ составимъ...—было ему сказано въ отвѣтъ.

Все общество послѣдовало за Нуссбаумомъ въ мэрію, съ Иреной во главѣ. Она не могла вдосталь насмѣяться надъ этой забавной исторіей, но тѣмъ не менѣе была возбуждена больше всѣхъ. Гуго остался позади, тяжело чувствуя бремя двойной вины...

Дорогой постепенно, отрывками, узнали отъ изступленной госпожи Вейль всю исторію. Никакого слѣда бѣглецовъ еще не нашли. Но встревоженная мать уже успѣла привести въ движеніе весь Теплицъ, взбудоражила мужа, извѣстила властей, телеграфировала, телефонировала. Къ счастью, ей вспомнилось, что Нуссбаумъ-отецъ участвуетъ въ прогулкѣ въ Эйхвальдъ: онъ долженъ что-нибудь знать, пожалуй, даже самъ причастенъ къ похищенію, навѣрное такъ.

Въ сѣняхъ мэріи столкнулись съ телеграфнымъ разсылнымъ. Да, только что пришла телеграмма. Съ улыбкой показалъ ее бургомистръ: бѣглецовъ уже поймали, въ Дуксѣ. Съ первымъ обратнымъ поѣздомъ ихъ отправятъ въ Теплицъ... Такимъ образомъ, все кончилось къ общему удовольствію. Госпожа Вейль упа-

ла въ обморокъ, но ее быстро привели въ чувство. Ея испугъ, заглушаемый до этой минуты энергіей, разрѣшился теперь долгой истерикой.

— Эльза... Эльза...—кричала она, рыдая. Пришлось дать ей телеграмму въ руки, еще разъ прочесть ее вслухъ... Тѣмъ временемъ были даны разъясненія обывателямъ и дачникамъ Эйхвальда, которые, проводивъ шествіе, стояли кучками передъ мэріей, и теперь приняли, смотря по характеру, сердечное или вялое участіе въ происшествіи, между тѣмъ какъ по сосѣднимъ улицамъ, гдѣ люди съ вопросами подходили къ своимъ калиткамъ, уже распространились чудовищные слухи про убійство и насиліе, политическіе заговоры и желѣзнодорожныя катастрофы.

XV.

Прощаніе.

Не дожидаясь остальныхъ, Гуго вскочилъ въ трамвай и летѣлъ въ Теплицъ, терзаемый угрызениями совѣсти. При каждомъ сотрясеніи вагона онъ чувствовалъ: да, околдовала его Ирена, но не къ добру. Вчера—онъ былъ близокъ къ самоубійству, сегодня—на границѣ преступленія... Все его легкомысліе какъ рукой сняло. Онъ вдругъ ясно понялъ, какъ онъ провинился передъ Ольгой, передъ Іосифомъ и Эльзочкой...

На конечной станціи, на Школьной площади, къ нему подбѣжалъ господинъ Вейль:

— Гдѣ моя жена?

— Я думаю... я уѣхалъ впередъ..

— Она уже все знаетъ?

— Да.

— Что обоихъ поймали?

— Да, мы узнали это въ мэріи.

— Она успокоилась?...

— До извѣстной степени...

— Слава Богу!—Вейль отеръ потъ со лба.—Теперь мнѣ, значить, остается только исправить все то, что надѣлала моя жена... Смотрите, даже плакаты велѣла расклеить.

Онъ указалъ, проходя мимо, на свѣже-наклеенный плакатъ, на которомъ Гуго разобралъ только слова, напечатанные жирнымъ шрифтомъ: „Награда... похищеніе... дѣвочка одиннадцати лѣтъ“.

— Надо распорядиться, чтобы немедленно сняли... Надо потушить скандалъ... Этакая торопливость, этакій темпераментъ...

Вздыхая, распростился онъ съ Гуго и вернулся на трамвайную станцію, чтобы подождать жену.

У Гуго отлегло отъ сердца, когда онъ увидѣлъ, что дѣло, по-видимому, кончится безъ особаго шума. Но тѣмъ тяжелѣе онъ почувствовалъ свою вину передъ Ольгой. Онъ не смѣлъ показаться ей на глаза. Торопливо прошмыгнулъ онъ мимо столовой къ себѣ наверхъ.

Онъ открылъ дверь. Ольга стояла въ его комнатѣ, укладывая сундукъ. Она сдѣлала шагъ къ нему навстрѣчу:

— Гуго... ты на меня сердишься?...

— Я?... На тебя?...

— Пожалуйста, прости меня.—Она схватила его за руку.—Всю прогулку я тебѣ испортила. Обыкновенно я вовсе не такая капризница, право. Но сегодня, я не знаю, это такъ взволновало меня, эта глупость. Въ концѣ-концовъ, она вѣдь не сказала мнѣ ничего такого особенно обиднаго...

— Ну... достаточно обидное!—возмущенно вскричалъ онъ.

— Надо же понимать шутку въ игрѣ,—рѣшила она.

Онъ все еще думалъ, что она притворяется.

— Ольга, я тебя не понимаю... Ты слишкомъ добрая... слишкомъ добрая... это тоже порокъ... Въмѣсто того, чтобы дѣлать мнѣ упреки за то, что я такъ подло покинулъ тебя, такъ по-свински...

Она зажала ему ротъ рукой.

— Тсс... не взыскивать же мнѣ съ влюбленнаго...

— Я больше не влюбленъ.

Онъ затопалъ ногами.

— Ну ужъ... только не ври... По уши влюбленъ, я вѣдь видѣла сегодня. Ты такъ былъ увлеченъ разговоромъ съ ней... Нѣтъ, право, у меня нехватало духа мѣшать тебѣ, у тебя было такое счастливое лицо, когда она съ тобой говорила... Поэтому оставимъ лучше...

— Все-таки это было гадко съ моей стороны...

— Вотъ тоже выдумаетъ...

— Я долженъ попросить у тебя прощенія... Ольга, прошу тебя...

Онъ умоляюще схватилъ ее за руки, съ отчаяніемъ глядя ей въ лицо...

Тутъ она не на шутку разсердилась.

— Гуго, если ты опять собираешься устроить мнѣ такую сцену, какъ вчера, я лучше убѣгу.

И такъ какъ онъ испуганно выпустилъ ея руки, она продолжала уже мягче:

— Вѣдь ты видишь, что у меня дѣла по горло, для тебя же... Только за одну вещь я могу сердиться на тебя... Вся эта сегодняшняя исторія меня бы не взволновала такъ, если бы ты вчера, подъ конецъ, не упрекнулъ меня, что я кокетка. Видишь ли, и когда сегодня она мнѣ сказала, что я бѣгаю за всѣми мужчинами—а это вѣдь ложь,—тогда я и вспомнила твои вчерашнія слова и мнѣ пришло въ голову: можетъ быть, въ этомъ всетаки есть доля правды...

— Но послушай, Ольга...

— Да, да, оставь ужъ... теперь ужъ не вернешь.

— Но я же въ шутку. Мы оба смѣялись...

— Да... Но ты самъ говорилъ, что инныя слова иной разъ такъ запечатлѣваются въ памяти... Вотъ со мной и случилась какъ разъ такая же вещь...

Онъ засмѣялся.

— Ну, знаешь, въ этомъ отношеніи я при всемъ желаніи не могу себя чувствовать виноватымъ...

— Итакъ, чтобы ужъ покончить съ этимъ... скажи мнѣ теперь откровенно всю правду, посмотри мнѣ въ глаза: кокетка я или нѣтъ? Скорѣй!

Въ данную минуту это былъ для нея самый важный вопросъ; ея лобъ наморщился.

— Ни капельки... Ты самая лучшая дѣвушка въ мірѣ. Такой, какъ ты, слѣдовало бы быть всѣмъ...

Она слегка дотронулась пальцемъ до кончика его носа.

— Ай-ай... мягкій... Врешь, значить...

— Даю тебѣ честное слово!—горячо вскричалъ онъ.

— Такъ дай мнѣ руку на этомъ.—Она энергично пожала его руку.—А теперь забудемъ.

Совсѣмъ развеселившись, она опять наклонилась къ его сундуку. Нѣтъ, право, ничто на свѣтѣ не въ состояніи вывести ее изъ равновѣсія! Какъ она работаетъ, какъ дѣло спорится въ ея рукахъ, какъ ловко и естественно она нагибается то туда, то сюда, съ граціей въ каждомъ движеніи! Гуго сталъ ей помогать.

— Какъ бы не забыть самого главнаго...

Онъ выдвинулъ ящикъ своего ночного столика, досталъ учебникъ физики и тетрадь для записей по физикѣ и положилъ ихъ въ сундукъ. Другую тетрадь, гдѣ находились чертежи его изобрѣтеній, онъ пренебрежительно бросилъ назадъ въ ящикъ.

— Это пусть остается дома.

Но потомъ передумалъ и тоже положилъ ее въ сундукъ,

Ольга подняла голову.

— Только когда я уже сидѣла въ трамваѣ, совсѣмъ взбѣшенная, я вдругъ поняла, почему Попперъ такъ взбеленилась на меня... Дѣло въ томъ, что нынче утромъ, когда я вышла изъ дому, меня вдругъ останавливаетъ какой-то господинъ, представляется мнѣ адвокатомъ Винтерницемъ изъ Праги и начинаетъ меня спрашивать про тебя и про фрейлейнъ Ирену. Я сразу поняла, что это ея бывший женихъ. Флора Вейль мнѣ говорила, что онъ постоянно ѣздитъ за ней и разузнаетъ, съ кѣмъ она бываетъ, да что, да какъ, потому что онъ еще такъ любитъ ее... Онъ, вѣрно, узналъ, что ты живешь здѣсь и прочее тому подобное... Я отвѣчаю ему очень осторожно, ни въ какія интимности не вдаюсь, какъ говорится... Случайно въ эту минуту мимо проходитъ фрейлейнъ Ирена. Онъ ей кланяется, она отвѣчаетъ и бросаетъ на меня при этомъ такой взглядъ, точно хочетъ по меньшей мѣрѣ съѣсть меня... Она, вѣрно, подумала, что я ей соперница... Ну, а въ Эйхвальдѣ это и прорвалось... Если бы это сразу пришло мнѣ въ голову, я бы никакого вниманія не обратила...

Гуго тоже лучше понялъ теперь нѣкоторыя вещи. Развѣ Ирена не хотѣла выпытать у него про Ольгу и Винтерница? Онъ задумчиво покачалъ головой.

— Однако, и народецъ же вы, дѣвицы...

— *Вы*, дѣвицы?...—насторожившись, переспросила Ольга.

Онъ поспѣшилъ ее успокоить:

— Къ тебѣ это, конечно, не относится. Ты—исключительный экземпляръ, Ольга...

И, прежде чѣмъ она успѣла помѣшать ему, онъ обнялъ ее и влѣпилъ ей въ подбородокъ сердечный поцѣлуй, предназначавшійся, собственно, ея губамъ.

Она демонстративно обтерла лицо рукой.

— Это былъ прощальный поцѣлуй... За это не получишь поцѣлуя завтра на вокзалѣ.

Онъ засмѣялся.

— Имъ я вовсе и не дорожу... При всемъ народѣ-то!

— Погоди, посмотримъ, что еще запоешь,—поддразнила она его и присоединилась къ его смѣху.

На слѣдующій день мать и Ольга провожали Гуго на вокзалъ. Гуго былъ взволнованъ. Мать скрывала свое волненіе тѣмъ, что говорила безъ умолку.

— Только бы носильщикъ не опоздалъ съ твоимъ сундукомъ... Такъ смотри же, Гуго, пиши прилежно, впрочемъ, это

мнѣ и говорить не надо... Будь благоразуменъ, береги деньги, но не отказывай себѣ ни въ чемъ. Главное же слѣди всегда за своимъ здоровьемъ, держись пряменько, не пей, когда ты разгоряченъ, не занимайся слишкомъ усердно...

Послѣднее наставленіе особенно тронуло Гуго; мать еще ничего не знала про переекзаменовку, онъ ей навралъ, будто занятія въ этомъ году начинаются на двѣ недѣли раньше обыкновеннаго.

На вокзалѣ онъ напряженно озирался по сторонамъ. Ирены не было. Неужели она забыла?

Мать торопила войти въ вагонъ.

— Только бы ты досталъ хорошее мѣсто. Займи себѣ мѣсто скорѣй, а потомъ можешь еще разъ выйти къ намъ. Гдѣ твой пакетикъ?

Она приготовила ему на дорогу жаренаго гуся и сдобныхъ булокъ. Суетливо совалась ея миниатюрная фигурка то туда, то сюда, всегда хлопотливая, всегда полная внезапныхъ мыслей.

Гуго все время боялся, что Ольга или мать спросятъ: „А гдѣ же твоя пріятельница, Ирена? Даже проводить не пришла?“ Ея отсутствіе огорчало его не само по себѣ—развѣ ему еще было дѣло до Ирены?—нѣтъ, ему только больно было осрамиться передъ матерью и Ольгой, которыя вѣдь такъ хорошо все понимали. Но онѣ были настолько тактичны, что не заговаривали объ Иренѣ. Онъ ихъ благодарилъ за это въ душѣ.

Бросивъ торопливый взглядъ въ купэ,—„потомъ, дорогой, я лучше осмотрюсь“, нервно подумалъ онъ,—онъ подошелъ къ окну, но его оттѣснили другіе пассажиры, которые тоже хотѣли проститься со своими близкими. Поэтому онъ вышелъ въ узкій проходъ и открылъ наружную дверь. Стоя на подножкѣ, онъ еще разъ оглянулся на свой родной городъ, поскольку его было видно, на истекшія каникулы, посмотрѣлъ на старушку-мать, которую онъ покидалъ одну.

Вдругъ передъ самымъ отходомъ поѣзда на перронѣ появилась Ирена въ сопровожденіи доктора Таубелиса.

— „Повязка для усовъ“ во всемъ виновата,—заявилъ докторъ.

И Гуго показалось страннымъ, что тотъ самъ примѣняетъ къ себѣ прозвище, данное ему Иреной.

Ирена была весела и нисколько не взволнована, быть можетъ, по принципу, а можетъ быть, такова была ея природа.

— Что скажете насчетъ Эльзочки?—торопливо бросила она ему.—Вчера ночью она прибыла подъ конвоемъ полицейскихъ.

Многообъщающая дѣвица, правда? Она еще многихъ мужчинъ сведеть съ ума...

— Вѣроятно,—сухо отвѣтилъ Гуго и повернулся къ матери.— Ты мнѣ скоро напишешь, не правда ли? Сегодня же, пожалуйста,—что вы дѣлали послѣ обѣда...

Ирена не замѣчала его холодности.

— А послѣднія новости знаете? Нуссбаумъ скрылся вмѣстѣ съ сыномъ. Попросту уѣхалъ. Надо полагать, никогда больше не вернется въ Теплицъ. Его родные, разумѣется, постарались использовать вчерашнюю исторію ему во вредъ. Всѣ утреннія газеты полны этимъ. Вы не читали? Раздули эту глупость въ сенсационное происшествіе... Ночью ему устроили кошачій концертъ. И это послѣ его великаго успѣха на собраніи! Онъ не хотѣлъ пережить свою популярность и предпочелъ удрать...

Гуго невольно улыбнулся: какіе большіе круги пошли отъ его десяти гульденовъ. Послѣ всѣхъ пережитыхъ бурь онъ полагалъ, что имѣетъ право усмѣхнуться надъ собственными проказами. Онъ былъ настроенъ на меланхолическій ладъ.

Но Ирена еще не кончила.

— А самая послѣдняя новость: Камилла Капперъ и Петровъ объявляютъ о своей помолвкѣ. Васъ это не удивляетъ?

Онъ не отвѣтилъ, такъ какъ совсѣмъ не былъ расположенъ къ шуткамъ. Кондукторъ уже переходилъ отъ вагона къ вагону, захлопывая двери. Все ближе и ближе раздавался этотъ трескъ дверей...

— Итакъ, прощайте.

Онъ слабо пожалъ руку Ирены.

— Цѣлую твою руку, мамочка.

Онъ обнялъ мать, нагнувшись къ ней. Потомъ поколебался секунду—стѣсняться ли ему Ирены? Но нѣтъ, онъ далъ Ольгѣ тотъ торопливый поцѣлуй, который издавна былъ у нихъ въ обычаѣ.

Дверь захлопнулась. Тихій свистокъ, а затѣмъ тотъ легкій толчокъ, которымъ поѣздъ почти незамѣтно приводится въ движеніе, но который тѣмъ не менѣе, какъ глубокій разрѣзъ, отрываетъ настоящее отъ будущаго на разстояніи многихъ верстъ...

— До свиданія!—кричали ему вслѣдъ.

Онъ высунулся изъ окна. Ирена махала ему платкомъ, дѣлая медленные широкія движенія вродѣ тѣхъ, какими она аплодировала Нуссбауму. Докторъ Таубелисъ махалъ шляпой. Ольга бѣжала вмѣстѣ съ поѣздомъ до конца платформы. Мать стояла и плакала... Но вотъ рельсы сдѣлали поворотъ, темные и бѣлые клубы дыма застлали окно...

Въ Прагѣ онъ нанялъ свою прежнюю комнату, съ круглымъ угловымъ диваномъ, на которомъ невозможно было лежать, и съ неудобными темными голыми стѣнами. Онъ учился. Все остальное онъ забылъ. Онъ отдался ученію съ такимъ же геройскимъ пыломъ, съ какимъ, пожалуй, участвовалъ бы въ битвѣ. И теперь ученіе шло легко; всѣхъ тѣхъ помѣхъ, которыя такъ мучили его въ Теплицѣ, не было и въ поминѣ.

Четырнадцатаго сентября былъ экзаменъ. Гуго выдержалъ его такъ хорошо, что учитель замѣтилъ со строгой улыбкой:

— Ну, Розенталь, если бы вы до каникулъ знали восьмую часть того, что знаете теперь, вамъ бы не пришлось провалиться.

Съ пылающими щеками вернулся онъ домой и сдѣлалъ то, чему заранѣе радовался все это время: написалъ длинное подробное письмо Ольгѣ, въ бурныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ ее за все—она была его единственное спасеніе въ это ужасное время...

Но потомъ, послѣ всѣхъ тревоженій, онъ почувствовалъ въ себѣ абсолютную пустоту. Что теперь?... Классы должны были начаться не раньше, какъ черезъ два дня. Но гимназія, впрочемъ, такъ мало интересовала его сейчасъ, что ему еще не хотѣлось думать о новомъ учебномъ годѣ. Охота къ изобрѣтеніямъ у него пропала. Театръ?... Денегъ у него осталось въ самый обрѣзъ, отсутствіе двадцати кронъ, отданныхъ Іосифу, давало себя чувствовать... Пойти на площадку для лаунъ-тенниса? Гретль не отвѣтила ему ни на одну изъ многочисленныхъ открытокъ, которыя онъ ей послалъ лѣтомъ. Онъ понялъ, что не любитъ ея больше. Любовь къ Иренѣ, хотя и она тоже уже угасла, всетаки заглушила прежнюю любовь къ Гретль. Гуго рѣшилъ не встрѣчаться больше съ Гретль... Ольга отвѣтила ему: она обручилась съ господиномъ Клейнъ... А Ирена? Вѣроятно, она уже вернулась въ Прагу, она даже написала ему разъ, и еще раньше прислала открытку, изъ Теплица. Но его не тянуло къ ней, а кромѣ того ему было даже какъ-то совѣстно предстать передъ ней. Тотъ фактъ, что онъ благополучно сдалъ экзаменъ, казался ему словно измѣной, отступничествомъ отъ ихъ общаго несчастья....

Въ одинъ изъ этихъ дней, когда онъ днемъ бродилъ по улицамъ Праги и тщетно искалъ вездѣ Теплицъ, не находя его, его вдругъ пробудилъ отъ задумчивости ударъ по плечу:

— Добрый день!

Передъ нимъ стоялъ Альфредъ Попперъ.

— А, здравствуйте. Какъ поживаете?—поздоровался Гуго, основательно испуганный.

— Я? Плохо. Но все-таки вы могли бы насъ поздравить, соня вы этакій...

— Съ чѣмъ?

— Онъ даже не знаетъ?! Ирена вѣдь помолвлена...

— Я не читаю газетъ,—пролепеталъ онъ, ошеломленный.

— И еще хотите стать политическимъ дѣятелемъ?... Впрочемъ, да, вѣдь вы не собираетесь...

— Но съ кѣмъ же, скажите?... — Онъ уже видѣлъ на устахъ Альфреда злополучную фамилію Винтерница.

— Вотъ вопросъ!... Съ докторомъ Таубелисомъ, конечно.

Гуго былъ въ высшей степени изумленъ:

— Конечно?... Почему конечно?... Вы видите, я даже не могу прійти въ себя отъ удивленія...

Альфредъ взялъ его подъ руку.

— Онъ вѣдь съ самаго начала нравился ей... А чего Иреночка захочетъ, того она и добьется... Впрочемъ, вы должны все это знать лучше меня, вѣдь она была такъ дружна съ вами...

— Ни слова она мнѣ не говорила...

— Весьма похоже на нее! Хитрости и тайны вездѣ... Ирена Таубелисъ, хорошо звучитъ, а?

— Неужели вы, дѣйствительно, такой антисемитъ? — робко спросилъ Гуго. Этотъ вопросъ уже не разъ вертѣлся у него на языкѣ, а теперь сорвался самъ собой въ его замѣшательствѣ.

Альфредъ какъ будто не слышалъ—можетъ быть, нарочно.

— Впрочемъ, могу утѣшиться, Ирена Попперъ звучало не лучше.

— Но какъ они сошлись? Развѣ они пара?

Гуго абсолютно не могъ себѣ представить ихъ вмѣстѣ. Докторъ Таубелисъ со своими манерами коммивояжера, со своей первобытной грубостью... Вотъ что, значить, нравится утонченной Иренѣ—грубая мужская сила... Онъ видѣлъ его передъ собой такимъ, какъ онъ стоялъ на кегельбанѣ, съ разстегнувшейся на груди сорочкой, въ одномъ жилетѣ... Да, широкія плечи—это у него есть.

— Пара ли они? Развѣ я знаю. Разберитесь въ этихъ еврейкахъ. Народецъ, скажу я вамъ,—разсчетливы насквозь, утонченно, до мозга костей. Видите ли,—онъ крѣпче прижалъ къ себѣ локоть Гуго,—мы, мужчины, для этого слишкомъ чисты, слишкомъ искренни. Мы, съ нашими идеальными воззрѣніями... Прежде всего меня заманили въ Теплицъ. Я долженъ былъ сыграть роль сводника, по рѣшенію семейнаго совѣта. Вы ничего этого не замѣтили? Гдѣ же у васъ глаза?... Впрочемъ, да, вѣдь вы тоже такой идеалистъ... Небольшое воспаленіе глазъ—совсѣмъ плевое—я долженъ былъ лѣчить у доктора Таубелиса. Благодаря этому

онъ сталъ чаще бывать у насъ и оставался наединѣ съ Иреной, потому что мнѣ опять-таки было вмѣнено въ обязанность время отъ времени забывать условленный часъ... Такимъ образомъ все сдѣлалось само собой, совсѣмъ само собой... Счастливый женихъ по сей день ничего не подозрѣваетъ... А когда я пересталъ быть имъ нуженъ въ Теплицѣ, меня попросту спланили опять домой. Мавръ исполнилъ свой долгъ... Боялись, какъ бы я не разстроилъ вторую комбинацію, Камиллу съ Петровымъ...

— Изъ-за собранія...—засмѣялся Гуго.

— Славная была потѣха, а?...—Альфредъ польщенно захохоталъ.—Да, они будутъ меня помнить!... Нельзя все спускать бабью, этимъ семейнымъ совѣтамъ. Въ концѣ-концовъ, побѣдимъ мы, съ нашимъ германскимъ міровоззрѣніемъ.

Эти рѣчи Альфреда были Гуго не особенно по душѣ, хотя онъ чувствовалъ, что во многомъ соглашается съ нимъ. Но въ нихъ недоставало самаго важнаго оттѣнка, чего-то нѣжнаго и гармоничнаго, что онъ самъ смутно чувствовалъ, хотя не могъ бы выразить словами.

Въ заключеніе Альфредъ пригласилъ его навѣстить ихъ.

— Теперь же, сейчасъ, пойдемте со мной...

У Гуго сердце захолонуло:

— Теперь, до обѣда?

— Это будетъ вашъ первый офиціальный визитъ, а въ слѣдующій разъ придете вечеромъ и посидите подольше.

Въ концѣ-концовъ, Гуго далъ себя уговорить. Его ноги точно свинцомъ налились, когда они, миновавъ старую церковь, свернули въ Линденгассе.

— Вотъ мы и у цѣли,—сказалъ Альфредъ.

— Въ этомъ домѣ?

Голосъ Гуго дрогнулъ. Хотя Ирена нѣсколько разъ, съ особой важностью, подробно описывала ему домъ, въ которомъ они жили, онъ все-таки представлялъ его себѣ совсѣмъ не такимъ. Но теперь, когда Альфредъ показалъ ему настоящій домъ, онъ не могъ больше вспомнить тотъ домъ, который рисовалъ себѣ раньше въ своемъ воображеніи.

Они вошли въ подъездъ. Сильнымъ запахомъ пахнуло имъ навстрѣчу—прохладнымъ, очистительнымъ, но все-таки непріятнымъ.

— Что это?—спросилъ Гуго.

— Ахъ, вы про винный запахъ... Я ужъ такъ привыкъ къ нему. Здѣсь въ домѣ винный погребъ. Я совсѣмъ не замѣчаю больше.

„Какъ странно,—подумалъ Гуго,—что Ирена совсѣмъ не упоминала объ этомъ, о такомъ важномъ обстоятельстве“. Этотъ винный запахъ какъ бы измѣнилъ ея образъ въ его душѣ. Не то чтобы въ хорошую сторону и не то чтобы въ дурную. Но всетаки то обстоятельство, что она жила въ такомъ домѣ, какъ-то умаляло Ирену въ его глазахъ, приближало ее къ нему.

Пока Альфредъ звонилъ, Гуго отошелъ отъ двери на нѣсколько шаговъ...

— Гдѣ вы?—спросилъ Альфредъ, оглядываясь на него.

Они вошли въ темную переднюю.

— Пройдемте сюда, ко мнѣ!

Альфредъ повелъ его въ небольшую комнату, окно которой выходило во дворъ. На стѣнѣ, подъ фехтовальной сѣткой, висѣли крестъ-накрестъ нѣсколько шпагъ. Рядомъ съ ними—автопортретъ Дюрера въ краскахъ и нѣсколько репродукцій изъ *Kunstwart-Mappen*. На кровати валялись медицинскія книги.

— У меня экзамены на носу,—пояснилъ Альфредъ и крикнулъ въ сосѣдную комнату:—Ирена, я привелъ тебѣ гостя...

Она появилась въ дверяхъ, одѣтая въ свой желтоватый капотъ, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ ее навѣстилъ больную.

— Гуго!

Онъ покраснѣлъ.

— Я долженъ извиниться...

— Безъ извиненій...—Она засмѣялась и оживленно подошла къ нему:—„Вернись, все забыто“... Войдите къ намъ, здѣсь вѣдь точно свиной хлѣвъ...

Она повела его въ гостиную черезъ какую-то другую комнату. Дѣйствительно, веселый мѣщанскій комфортъ этихъ комнатъ выгодно отличался отъ спартанской простоты комнаты Альфреда... На ходу она привѣтливо заговорила съ нимъ:

— Что съ вами сдѣлалось?... Я каждый день ждала васъ, мы ужъ четыре дня въ Прагѣ.

— Я былъ занятъ... заботы.

— Вѣчно у васъ заботы,—весело вскричала она и хлопнула въ ладоши передъ его лицомъ, издавъ какой-то шипящій звукъ, вродѣ того, какимъ спугиваютъ птицъ.—А теперь сядьте паинькой вотъ тутъ, возлѣ меня.

Она пододвинула для него кресло къ дивану.

— Прежде всего позвольте васъ поздравить. Я только сегодня узналъ отъ Альфреда и потому прямо пришелъ къ вамъ... Я такъ обрадовался, право...

Съ сіяющимъ лицомъ она схватила его за руки:

— Не правда ли, это случилось неожиданно?...

— Желаю вамъ самаго, самаго лучшаго счастья, какое вы только можете себѣ представить,—горячо сказалъ онъ, пріятно тронутый теплотой ея обращенія.

— Я знаю, что вы мнѣ хорошій другъ. И останетесь имъ... А теперь скажите мнѣ, какъ ваши дѣла?

Она освѣдомляется о его дѣлахъ! Изумляясь и колеблясь, онъ сообщилъ, что выдержалъ переэкзаменовку и перешелъ въ седьмой классъ. Да? Значитъ и его тоже можно поздравить... Одну минуту онъ было подумалъ продолжить сравненіе, указать, что ихъ общее таинственное злосчастье теперь кончилось. Но ему показалось нетактичнымъ напоминать ей о грустномъ прошломъ, и онъ подавилъ это замѣчаніе.

— Когда же будетъ свадьба? Уже назначена?—освѣдомился онъ.

— Мы обвѣнчаемся въ ноябрѣ,—оживленно стала рассказывать Ирена.—Потомъ поѣдемъ въ Парижъ и въ Лондонъ. Италію мы оба уже знаемъ, да она и слишкомъ банальна для свадебныхъ путешествій. Я покажу моему мужу Лондонъ, а онъ мнѣ—Парижъ. Вѣдь онъ тамъ учился. Должна вамъ сказать, что онъ смотритъ на окулистику совсѣмъ иначе, чѣмъ здѣшніе врачи. Онъ послѣ откроетъ лѣчебницу по французскимъ образцамъ, онъ ужъ объяснилъ мнѣ методъ...

Она весело продолжала свою болтовню. Гуго не могъ надивиться переменѣ, происшедшей съ ней. Она казалась моложе на десять лѣтъ. Морщины подъ глазами исчезли, также и скорбныя черточки въ углахъ губъ, вслѣдствіе чего щеки казались полнѣе. И фигура ея, хотя свободный капоть скрывалъ линіи тѣла, тоже, повидному, стала пышнѣе.

— Такъ вотъ, значить, вашъ домъ,—проговорилъ онъ, оторвавъ, наконецъ, взоръ отъ ея личика, ставшаго теперь такимъ хорошенькимъ.—Здѣсь протекла ваша жизнь...

— Мы будемъ жить на Никольской улицѣ,—продолжала рассказывать Ирена.—Тамъ у насъ будетъ красивѣе, чѣмъ здѣсь. Самая модная мебель, по рисункамъ вѣнскихъ мастерскихъ... Шикарная-прешикарная...—Она радовалась, какъ ребенокъ.—Только мою дѣвичью комнату я возьму съ собой, мой женихъ такъ хочетъ. Вы только подумайте, Гуго, онъ такъ интересуется всѣмъ, что имѣетъ отношеніе ко мнѣ, всѣмъ, что я пережила. Конечно,—отвѣтила она на вопросительный взглядъ Гуго,—я ему все рассказала. Знаете, господинъ Винтерницъ переѣзжаетъ въ Вѣну... Отъ этого кошмара я навсегда избавлюсь.—Она быстрыми шагами

направилась къ двери въ слѣдующую комнату и распахнула ее:— Войдите.

Эта дѣвичья комната, про которую она ему столько рассказывала, немного разочаровала Гуго. Она оказалась простой комнаткой въ одно окно (самое замѣчательное въ ней было, пожалуй, зеркальный шкафъ), задрапированная бѣлыми съ цвѣточками штофными обоями.

— Очень красиво,—смущенно постарался восхищаться Гуго.

Она ничего не замѣтила, показала ему нѣсколько картинокъ. На книжной полкѣ лежала офталмологія.

— Я это взяла у Альфреда,—пояснила Ирена.—Хочу удивить моего жениха.—Потомъ она обратила его вниманіе на большую карточку въ рамкѣ, стоявшую на письменномъ столѣ.—Это Фрида Шварцъ, про которую я вамъ столько рассказывала. Съ третьяго дня мы съ ней опять въ хорошихъ отношеніяхъ, мы помирились.

„Итакъ, все устраивается, все приходитъ въ порядокъ“, подумалъ Гуго.

И онъ самъ точно легче вздохнулъ, видя, что Ирена пристроена, въ хорошихъ рукахъ и счастлива. До этого дня его не покидало какое-то чувство отвѣтственности, какъ будто на немъ лежала обязанность заботиться о ней. Теперь же съ него сняли эту заботу, и вмѣсто того, чтобы ревновать къ доктору Таубелису, онъ чувствовалъ къ нему только благодарность, искренно желалъ наилучшаго успѣха его начинаніямъ, всякаго счастья Иренѣ... И какъ она сама измѣнилась! Все рѣзкое, колючее исчезло, остались одни ея достоинства, которымъ счастье дало возможность вполне проявиться.

Любезно предложила она Гуго печенія изъ вазы:

— Собственнаго изготовленія. Домашнее! Да, я теперь хожу въ кулинарную школу... Прелестное развлеченіе.

Они еще долго бесѣдовали. Дошли до общихъ воспоминаній, до первой встрѣчи. Онъ озабоченно спросилъ, бываютъ ли у нея еще нервные припадки... Вотъ ужъ недѣля, какъ ни слѣда... Онъ вытащилъ изъ кармана маленькую книжечку:

— Это я купилъ себѣ сегодня... „Пролегомена“ Канта. Говорятъ, изъ всѣхъ его вещей это легче всего написано. И къ тому же такая маленькая книжечка.—Онъ началъ перелистывать ее.—Заманчиво, когда вся премудрость изложена на нѣсколькихъ страницахъ.

Она взяла книжку, заглянула въ нее, но не вспомнила про ихъ уговоръ читать Канта вмѣстѣ... Онъ сталъ спрашивать про знакомыхъ. Петровъ еще въ Теплицѣ, никакъ не можетъ рѣ-

шиться поѣхать домой изъ-за пламенной любви, хотя свадьба назначена только на будущій годъ.

— А Нуссбаумъ? Любили вы его, по правдѣ сказать?—отважился спросить Гуго.

Она расхохоталась:

— Этого стараго комедіанта? Ни капельки онъ меня не интересовалъ.

— Да? А какъ же на собраніи?

— Это была шутка. Я была очень возбуждена, такъ какъ поняла изъ намековъ Альфреда, что противъ Нуссбаума замышляютъ что-то вродѣ демонстраціи, ну и думала все время: когда же начнется.

Пришли отецъ и мать, вернувшіеся съ прогулки. Они самымъ привѣтливымъ образомъ поздоровались съ Гуго.

Когда онъ хотѣлъ откланяться—онъ замѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ приготовленія къ обѣду,—Ирена воспротивилась.

— Такъ нельзя. Вы останетесь обѣдать, вы нашъ гость...

Онъ запротестовалъ было.

— Но для васъ уже приборъ поставленъ, посмотрите сами, шесть приборовъ, мой женихъ тоже обѣдаетъ у насъ, будетъ очень весело...

Онъ не могъ устоять передъ очевидностью.

Во всѣхъ ея рѣчахъ проглядывала теперь простодушная веселость, которую онъ раньше никогда не замѣчалъ въ ней. Было ли это вліяніе ея избранника, къ которому она съ достойными удивленія ловкостью и энергіей уже такъ приспособилась во многихъ отношеніяхъ? Или же это была ея природа, которой тяжелыя испытанія не давали проявиться до этихъ поръ? Теперь она вѣдь прекрасно подходила къ этой семьѣ, гдѣ все было немного шумно и ворчливо, но въ сущности добродушно.

— Господи, я умираю съ голоду,—восклицалъ отецъ.—Неужели совсѣмъ не считаются съ измученнымъ труженикомъ?... Да, да, постоянно въ ярмѣ, постоянно въ ярмѣ,—повернулся онъ къ Гуго, засовывая салфетку за жилетъ.

Раздался звонокъ. Ирена выбѣжала и вернулась, тѣсно прижавшись къ доктору Таубелису.

— Не упрекайте его,—крикнула она,—онъ былъ такъ занятъ. Новые паціенты?

Таубелисъ кивнулъ головой. Она указала на вскочившаго Гуго:

— Старый другъ нашего дома...

Женихъ и невѣста были пылко влюблены другъ въ друга.

Приходилось имъ напоминать, чтобы они хоть время отъ времени что-нибудь ѣли. Альфредъ предлагалъ вызвать пожарную команду, потому что они такъ пылаютъ. Докторъ цѣловалъ кончики пальцевъ Ирены, Ирена гладила его руки.

— Вы, кажется, тоже близоруки,—обратилась она къ Гуго, когда тотъ не узналъ какіе-то овощи.—Можете прочесть вонъ ту вывѣску?—Она показала черезъ окно на домъ напротивъ.—Нѣтъ? Знаете, вы должны какъ-нибудь пойти къ моему жениху, чтобы онъ изслѣдовалъ ваше зрѣніе...

— Вотъ это я называю рекламой!—вскричалъ отецъ, захохотавъ такъ, что долженъ былъ выпустить вилку изъ рукъ.

Таубелисъ казался на верху блаженства.

— Да, моя жена будетъ мнѣ помогать дѣломъ и совѣтомъ, я это вижу... Ирена!

Онъ заволновался, потому что она поднялась съ мѣста.

— Сейчасъ вернусь... Я только посмотрю, что кофе...

Когда она вернулась, Гуго схватилъ свой стаканъ:

— Да здравствуютъ женихъ и невѣста, ура!...

Ему казалось сномъ, что ему даровано видѣть столько счастья и принимать въ немъ участіе...

А когда подъ вечеръ его, наконецъ, отпустили послѣ веселыхъ разговоровъ, онъ поспѣшилъ на Грабенъ. Совсѣмъ облегченной, преображенной чувствовалъ онъ свою душу. Внезапная тоска по гимназіи овладѣла имъ, жгучая любознательность или, вѣрнѣе, жажда дѣятельности. Онъ искалъ товарищей и нашелъ ихъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя опять ближе къ нимъ, мальчишески среди мальчиковъ. „Какія учителя будутъ у насъ нынче?“ Ему начали называть фамиліи. Онъ прерывалъ перечисленіе своими замѣчаніями: „Бѣда, этотъ любитъ ставить двойки... Этотъ хорошій... Этотъ недобросовѣстно спрашиваетъ...“ Обсуждали вопросъ объ учрежденіи кассы для будущаго банкета, который долженъ былъ состояться черезъ два года, послѣ выпускныхъ экзаменовъ. Хотѣли уже и въ этомъ году изрѣдка устраивать пирушки; нѣкоторые мечтали завязать отношенія съ какой-нибудь корпораціей... Гуго купилъ тетрадей и перьевъ, гулялъ съ товарищами по улицамъ, заставлялъ ихъ рассказывать, какъ они провели лѣто, рассказывалъ самъ. Потомъ пошелъ въ книжные магазины и къ букинистамъ, заказалъ цѣлыя кипы учебниковъ, взялъ съ собой, что нашелъ подходящаго, и уже дорогой началъ нетерпѣливо перелистывать ихъ, задумчиво и внимательно останавливаясь на непонятныхъ таинственныхъ строчкахъ: какъ-то все это разъяснится!

— До свиданія завтра въ гимназіи,—кричалъ онъ.

— Ты на какую парту сядешь?

— Я на третью, это лучше всего, сядишь впереди, считаешься прилежнымъ, и всетаки легче сдуть, чѣмъ на первой или на второй.

— Я сяду съ тобой.

— Да, если насъ только не разсадятъ...

И, усталый, онъ вскорѣ по приходѣ домой погрузился въ своей постели въ глубокой оживляющей сонъ...

А теперь спи себѣ сладко, мой мальчикъ, мой маленькій Гуго. Покойной ночи, дорогой. Отдохни хорошенько, стань сперва зрѣлымъ и сильнымъ, вырасти еще немного, прежде чѣмъ вступать въ жизнь. Останься еще нѣкоторое время ребенкомъ, вотъ мой совѣтъ тебѣ... Изобрѣтенія брось, а лучше учи хорошенько свою физику. И барышень тоже оставь, стань сперва старше, тогда онѣ не уйдутъ отъ тебя. Вѣдь все, что ты дѣлалъ до сихъ поръ, было преждевременно. *Praematurus*, по твоему собственному мнѣнію; скачки въ сторону. Нельзя, видишь ли, желать плода раньше цвѣтка,—таковъ законъ природы, и тебѣ придется привыкнуть къ этому, мой пылкій другъ! Но изъ-за этого не надо сразу приходить въ отчаяніе. Боже упаси! Сначала учись, а потомъ изобрѣтай. Сначала оглядись въ жизни, основательно, не торопясь, и тогда ужъ найдешь ту дѣвушку, какая тебѣ нужна, найдешь настоящую лучезарную любовь, которая сдѣлаетъ тебя счастливымъ... Въ общемъ же, я всетаки думаю, что изъ тебя еще выйдетъ цѣльный и хорошій человѣкъ, мой маленькій славный мальчикъ. И хотя, пожалуй, министры-то не будутъ дожидаться въ твоей передней, какъ ты однажды хвасталъ, всетаки я почти увѣренъ, что ты сдѣлаешь въ жизни что-нибудь значительное и полезное. Во всякомъ случаѣ, ты самъ долженъ вѣрить въ это. Стремись, борись, какъ того требуетъ твоя благородная душа, иди впередъ! А теперь, напоследокъ, еще одно: въ добрый часъ!

Перевела М. Розенфельдъ.

Б У Р Б О Н Ъ.

Военный рассказъ.

Цвѣтныя дротики улановъ,
Звукъ трубъ и грохотъ барабановъ.

Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Персть судьбы.

Уланъ—красавецъ и корнетъ.

Полесжаевъ.

Штабъ великославскихъ уланъ въ 1836 году расположенъ былъ въ Новороссійскомъ краѣ. Цвѣтушія его степи по праву должны именоваться колыбелью Россійской конницы. Чуть не въ каждой деревнѣ пестрѣли разноцвѣтными мундирами и значками гусарскіе, уланскіе, кирасирскіе и драгунскіе полки. Дикая, дѣвственная мѣстами, степь перекликалась отъ зари до зари то рысистымъ топотомъ эскадроновъ, то нестройными взываніями кавалерійскихъ трубъ, то залиvistымъ конскимъ ржаньемъ. Великославскій штабъ—это была поселенная, аракчеевскихъ временъ, деревня,строенная по ранжиру, съ улицей, ровной и прямой, какъ летящая стрѣла, на цѣлыя три версты. Улицу дѣлила на-двое широкая, съ церковью посрединѣ, площадь. Ежели стать на паперти, затылкомъ къ востоку, то справа и слѣва офицерскіе домики протянутся развернутымъ фронтомъ, одинъ къ одному, всѣ съ зелеными крышами и бѣлыми ставнями казеннаго образца. Домъ полкового командира выдѣляется изъ всѣхъ особо: въ немъ хранятся не только бумаги и казна, но и всѣ штандарты; оттого подъ окнами постоянно держать на плечѣ саблю часовой, а проходящіе мимо офицеры и солдаты снимаютъ, изъ почтенія къ святынѣ, свои красныя съ бирюзовымъ верхомъ фуражки. Позади церкви—новый госпиталь, вымазанный ярко-желтой вохрой, съ колонками, лѣпной арматурой и траурнымъ николаевскимъ орломъ на мѣло-

вомъ фронтонѣ, а спереди — гостинный дворъ, съ лавками для господъ офицеровъ и ихъ супругъ, и грязный трактиръ съ дра-нымъ билліардомъ и двумя зѣвающими маркерами въ засален-ныхъ полуффракахъ. Тутъ же неподалеку торчитъ почернѣлая гауптвахта; весь день несутся оттуда картежные возгласы зааре-стованныхъ шалуновъ и безпечный хохоть, и выглядываетъ изъ окна голова караульнаго офицера, днемъ въ киверѣ съ помпо-номъ, а вечеромъ въ пестрой ермолкѣ съ кисточкой и съ дымя-щимся янтаремъ во рту. И сейчасъ же за деревней, расплываясь травнымъ океаномъ, необозримая новороссійская степь синѣетъ; струятся въ волнистой дали серебряные переливы пушистаго ко-выля, вѣтеръ гуляетъ и свищетъ, вздыхая по старой были, и дремлютъ, молчаливо нахохлясь, на курганахъ сѣдые задумчи-вые орлы.

Утро, разгораясь, дышало надъ степью, а у корнета Гремени-цына все еще шла игра. Карты сыпались дождемъ, и банкъ опро-кидывалъ то и дѣло свою роковую прихоть. Хозяинъ металъ. Это былъ юноша высокій, кудрявый, съ римскимъ носомъ; поджатая подъ черными усиками губы придавали красивому лицу корнета надменную, видимо враждебную его природѣ, брезгливость. При-горшня золотыхъ и горсти двѣ смятыхъ ассигнацій перебѣгали изъ рукъ въ руки; банкъ то разомъ удесятерялся, то готовъ былъ мгновенно лопнуть. Счастье, наконецъ, прочно повезло банкомету, и скоро всѣ ставки перешли къ нему. Догорѣвшія свѣчи давно чадили, и заря розовыми пальцами трогала, перебирая поочередно, желтыя занавѣски на окнахъ, бронзовыя и фарфоровыя бездѣ-лушки на столѣ и стѣнные аглицкія гравюры.

Къ столу вразвалку подошелъ командиръ перваго эскадрона, ротмистръ Кантъ, пучеглазый толстый старикъ, стриженный ежомъ, съ сизымъ, цвѣта голубинаго горла, носомъ и бѣлыми, повисшими на могучую грудь усами.

— Что въ банкѣ? — спросилъ онъ, щетиня брови.

— Девятьсотъ ровно.

Ротмистръ запустилъ волосатую руку въ карманъ, вытащилъ девять сторублевыхъ и поставилъ на трефовую даму.

— Дана.

Гременицынъ засмѣялся такъ искренно и свѣжо, что чуждая, насильно усвоенная имъ, надменность тотчасъ щебечущей птицей слетѣла съ его румяныхъ губъ. Кантъ при общемъ одобреніи за-гребъ деньги.

— Господа, поѣдемъ купаться! — крикнулъ краснощекий пору-чикъ Звягинъ, рыжій, щеголеватый малый, завитой барашкомъ.

Охорашиваясь передъ зеркаломъ въ стройно сидѣвшемъ надъ капаусовой красной рубахой сюртукѣ, онъ обѣими руками разглаживалъ помятое безсонной ночью веснушчатое лицо.—Кстати, посмотрите моего Сальвадора. Что за жеребецъ! Честное слово, не лошадь, а полубогъ.

— Пальчиковъ, вотъ тебѣ предметъ: воспой звягинскаго Сальвадора. Лучше, чѣмъ попусту строчить мадригалы Наденькѣ,—сказалъ корнетъ Зеленецкій.

Раздался смѣхъ.

— А стихи Звягину подари на папильотки,—подхватилъ Кантъ. Звягинъ надулся.

— У меня волосы отъ природы вьются, господинъ ротмистръ.

— Ладно, знаемъ мы эту природу, со щипцами.

Ротмистръ повернулся на каблукахъ и ухватилъ Пальчикова за подбородокъ.

— Ну, что, братъ Палецъ, какъ Наденька? Подается ли на стишки?

— Плохо, Густавъ Густавычъ,—пропищалъ, какъ котенокъ, Пальчиковъ, полковой стихотворецъ, маленькій шестнадцатилѣтній корнетъ съ цыплячьимъ лицомъ и небесно-голубыми глазами. Онъ былъ самый молодой офицеръ въ полку.

— Ничего, не робѣй, Палецъ: помни, что ты великославскій уланъ.

Всѣ, суется, разбирали фуражки и пристегивали сабли. Хозяинъ позвонилъ.

— Какъ, господа, а утреннюю *пуншацию* развѣ не зададимъ? Наши гусары иначе не могли, что?

— Ты, братъ, намъ своими гусарами не тычь,—сказалъ Кантъ,—знаешь поговорку: уланъ три раза въ день пьянъ? А пуншацию задать—это хорошо.

Дверь изъ передней толкнули ногой, и гременицынскій камердинеръ, Аркашка, по прозвищу Санкюлотъ, во фракѣ, чулкахъ и башмакахъ, но заспанный и небритый, съ форсомъ внесъ два десятка дымящихся пуншевыхъ стакановъ на огромномъ подносѣ.

— Ты что-жъ это, Санкюлотъ, такъ долго возился, спалъ, что?—спросилъ Гременицынъ.

— Какъ же, есть мнѣ когда спать, цѣлый домъ на рукахъ,—отвѣтилъ дерзко Аркашка.

— Смотри, братъ, зубы выбью.

— Выбивайте, мнѣ что? Все равно, не мои зубы, а ваши.

— Какъ мои? Что ты мелешь, дуралей?

Санкюлотъ, успѣвшій уже обнести стаканами господъ, всталъ

передъ бариномъ почтительно и развязно, наклоня взъерошенную голову съ височками и пробормотъ.

— Какъ я есть вашъ крѣпостной человѣкъ, стало и зубы ваши. И при общемъ смѣхѣ, степенно покачиваясь, вышелъ.

Крѣпкій, на ямайскомъ ромѣ заваренный, пуншъ развеселилъ безсонныхъ игроковъ, и уланы вывалились на улицу шумною гурьбой. Эскадронные командиры и старшіе поручики шли и бесѣдовали медленно, раскуривая трубки; молодежь живо очутилась впереди, съ шуточками и смѣхомъ, а Пальчиковъ и Зеленецкій побѣждали въ перегонки. Долго уланскія шпоры *пуцали чокъ*, звеня по сонной пустынной улицѣ, и далеко слышался гулкій говоръ; ему вторили съ тополей веселые крики галокъ.

Гременицынъ велѣлъ сѣдлатъ и остался въ гостиной одинъ-на-одинъ со своимъ новымъ пріятелемъ, поручикомъ Кисляковымъ. Приземистый и корявый, Кисляковъ по добросердечію и кротости нрава не имѣлъ подобныхъ себѣ во всей дивизіи. Офицеръ былъ онъ плохой: отъ шампанскаго его тошнило, курилъ онъ только для виду, чтобъ не отстать отъ товарищей, съ отвращеніемъ глотая горькій дымъ, а передъ дамами, даже полковыми, робѣлъ, какъ заяцъ. Жилъ Кисляковъ на жалованье, и единственнымъ его развлеченіемъ и отрадой служили пальцы: гарусомъ по канвѣ вышивалъ онъ цѣлыя картины, какъ заправскій художникъ. Гременицыну Кисляковъ съ первой встрѣчи предался всей душой: онъ глядѣлъ на новаго товарища страстно-влюбленными глазами и не отставалъ отъ него рѣшительно ни на шагъ. Онъ не замѣчалъ даже, что Гременицынъ явно иногда имъ тяготится, зѣваетъ подчасъ и обращается невнимательно и небрежно.

— Моя лошадь вѣдь у тебя, *mon cher*, такъ мы вмѣстѣ поѣдемъ,—вкрадчиво говорилъ Кисляковъ, засматривая съ обожаньемъ въ глаза пріятелю.

Гременицынъ съ прежней надменной миной сидѣлъ у стола, бѣлой рукой подпирая щеку, и обломкомъ мѣла разсѣянно вычерчивалъ на зеленомъ сукнѣ сердце, пронзенное стрѣлой. Пунцовые отвороты бухарскаго его халата испачканы были мѣломъ и трубочной золой. Въ разсѣянности переминалъ онъ алыми, какъ вишня, губами бѣлый янтарь чубука и не замѣчалъ, что трубка давно погасла.

— Ну, какъ ты, доволенъ товарищами, *mon cher*? Вѣдь, правда, славные ребята у насъ?—продолжалъ, помаргивая, Кисляковъ.

— Что?

— Я про товарищей: правда, что они...

— Только вот Кантъ этотъ вашъ, чортъ его подери, банкъ у меня срѣзалъ, не можетъ быть, что?

— Ты проигрался?

Мягкій голосъ поручика задрожалъ безпокойствомъ.

— Проигрался, что? Не можетъ быть, просто не хотѣлось играть, усталъ.

Кисляковъ, кашлянувъ, улыбнулся.

— Не одолжишь ли ты мнѣ ненадолго, *mon cher*, парочку золотыхъ? Мнѣ очень нужно, я тебѣ перваго...

— Возьми.

Гременицынъ зѣвнулъ, всталъ и, сбрасывая на ходу бисерныя туфли, прошелъ въ спальню.

— Послушай, Кислятина, ну, а какъ все-таки у васъ насчетъ бабъ, что?

Кисляковъ замялся и покраснѣлъ.

— Я, право, не того... не нашелъ пока... спроси Звягина, онъ лучше всѣхъ знаетъ.

— Эхъ, ты, Кислятина!... Санкюлотъ!! Аркашка!! Гдѣ ты тамъ, чортъ тебя подери? Одѣваться, живо!

Въ спальнѣ Гременицына туалетный столъ, передъ огромнымъ въ рамѣ краснаго дерева амбирнымъ трюмо, осѣненъ былъ двумя бѣлыми водопадами волнистой кисеи. На столѣ блестѣли баночки и граненые флаконы съ духами, одеколономъ и помадой; ножницы для ногтей, ножницы для усовъ, щипцы, гребенки, подпилки, щетки. За дверью, въ углу, какъ любезная память прошлаго, въ унылыхъ складкахъ повисъ подъ бѣлымъ парчевымъ ментикомъ пышный гусарскій доломанъ и блестяція, вышитыя золотыми *пѣтухами* малиновыя чакчиры. Гременицына мѣсяца полтора всего какъ перевели изъ царскосельскихъ гусаръ въ великославскіе уланы за двѣ дуэли кряду. Онъ однако лелѣялъ въ душѣ надежду скоро опять воротиться въ гвардію.

Кисляковъ, присѣвъ на подоконникъ, благоговѣйно слѣдилъ, какъ Гременицынъ одѣвался и какъ Санкюлотъ съ важностью лилъ ему холодную воду на руки и на затылокъ. Желая привлечь пріятеля, онъ замѣтилъ, подвинувшись поближе:

— Вотъ скоро тебѣ производство въ поручики выйдетъ.

Гременицынъ молча застегивалъ свой полотняный сюртукъ. Санкюлотъ вынесъ мыльный тазъ и вернулся тотчасъ съ фуражкой и саблей.

— Ну, поѣдемъ,—сказалъ Гременицынъ.—Ахъ, да, тебѣ это...

Онъ пошарилъ въ туалетномъ ящикѣ и сунулъ Кислякову два червонца. Санкюлотъ потупился презрительно и далъ господамъ

дорогу. Когда офицеры въ галопъ, мелькнувъ подъ окнами, пронеслись верхами, Аркашка набилъ себѣ трубку бариновымъ табакомъ, выпятилъ небритую губу и, пощипывая жидкіе отъ уха до носа бакенбарды, молвилъ:

— Голодранецъ, какъ есть. По два золотыхъ занимаетъ. Офицеръ тоже.

У околицы Гременицынъ и Кисляковъ сдержали коней. Поручикъ на своемъ поджаромъ меринѣ отсталъ далеко отъ кровной аглицкой кобылы корнета. Пріатели поровнялись.

— Что за прелесть у тебя эта Леда, куда Звягину съ его Сальвадоромъ,—искательно заговорилъ Кисляковъ.—Сколько, бишь, ты за нее далъ?

Гременицынъ не отвѣчалъ; онъ упорно всматривался черезъ улицу налѣво, въ пятый отъ околицы домъ. За нимъ туда же обернулся и Кисляковъ. На тесовомъ, черепицей крытомъ крылечкѣ дѣвушка, стройная, румяная, въ холстинковомъ бѣломъ платьѣ, кормила голубей. Хлопотливыя птицы, воркуя и звучно плеща крылами, клевали пшено.

— Будеть!—крикнула дѣвушка и, весело смѣясь, метнула послѣднюю горсть.

Голуби съ трескомъ взлетѣли и опять разсыпались дружно по ступенямъ и периламъ. Тутъ только примѣтила красавица глядѣвшихъ на нее жадно офицеровъ. Румяныя щеки ея, вспыхнувъ, заалѣли; она улыбнулась, закрылась рукавомъ и порхнула въ сѣни.

— Что?—сказалъ Гременицынъ.

— Это фёршала нашего дочка, — отозвался Кисляковъ. — Да ужъ просватана, mon cher.

— Просватана? За кого?

— За корнета Мокѣева.

— За бурбона? Не можетъ быть, что?

Всадники подняли опять въ галопъ коней и скоро примчались къ рѣчкѣ. Тамъ ужъ барахтались въ свѣжихъ струяхъ лошади и люди. Кантъ загребисто, по-медвѣжьи плавалъ, хватая по временамъ за холку сѣраго своего Злодѣя, отъ купанья ставшаго глянцевитымъ, какъ серебряный рубль, а Звягинъ, выставляя завитую голову, уносился по теченію на ворономъ Сальвадорѣ.

Гременицынъ раздѣлся быстро. Свѣжее молодое тѣло его сіяло дѣвственной бѣлизной, какъ Аполлоновъ торсъ; нѣжно прижималась къ нему красавица Леда. Упругія бѣлыя ноги всадника крѣпко стиснули ей крутые точеные бока; вся подбираясь, гото-

вилась Леда къ прыжку. Солнце всплывало, дымясь, и колыхалось надъ синей степью. Въ глазахъ рябило. Кресты на церкви, громада заблѣявшихъ съ пригорка овечьихъ стадъ, голубоватый дымокъ изъ трубъ, стая разсѣвшихся съ карканьемъ на томъ берегу грачей,—все сверкало и таяло въ утреннемъ розово-золотистомъ блескѣ.

— Что-жъ, прыгай, Гременицынъ! — отфыркиваясь, крикнулъ Пальчиковъ.

Юный уланъ до того докупался, что лицо у него посинѣло и зубы выщелкивали дробь.

Гременицынъ перекрестился и толкнулъ лошадь колѣномъ. Въ одинъ мигъ все исчезло и смѣшалось въ захватившемъ всю душу взлетѣ. Потомъ сразу оглушительное *бухъ*, яркій веселый холодъ, свѣжесть, рассыпавшая по тѣлу тысячу острыхъ искръ, голубой блескъ въ глазахъ и солнечно-алмазные брызги, радужными снопами разлетѣвшіеся вокругъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ястребъ и голубка.

Уланъ умѣлъ ее плѣнить,

Уланъ любимъ ея душою.

Пушкинъ.

Шесть дней прошло; наступило воскресенье. Маша ворочалась отъ обѣдни. Хороша она была въ кисейномъ сборчатомъ платьѣ, въ голубомъ шарфикѣ, съ бархаткой на шеѣ. Медовыя веснушки таяли сладко на сахарныхъ щекахъ; расцѣловать бы ей птичій носикъ и вздернутую губку съ росинками пота на черныхъ, надъ родинкой, волоскахъ! Было такъ жарко, что даже бѣлыя вязаные митенки Маша сняла со своихъ загорѣлыхъ рукъ. Отъ церкви она все прибавляла шагу, слыша, какъ ее настигаетъ сзади малиновый ровный звонъ хорошо ей знакомыхъ шпоръ; такія шпоры, серебряныя, съ двумя острыми, звенящими нѣжно *репейками* во всемъ полку носилъ одинъ Гременицынъ.

Молодой корнетъ съ того самого утра, какъ впервые увидалъ Машу за голубями, не оставлялъ вниманіемъ своимъ красивую фершалову дочку. То, прохаживаясь подъ окошками, запримѣтитъ ее будто невзначай и поклонится ей учтиво, то очутится вдругъ у огорода, гдѣ полетъ Маша грядки иль собираетъ клубнику: облокотится, посмѣиваясь, на плетень,—и ужъ ни подсолнечники, ни яблони, ни вишни не скроютъ отъ его соколиныхъ,

веселыхъ взоровъ Машину гладко причесанную головку. Машѣ и страшно, и лестно было во всю эту недѣлю. Страшно потому, что сплетни, того гляди, расползутся по деревнѣ: вѣдь она просватанная невѣста; а лестно: такъ вѣдь Владиміръ Николаичъ Гременицынъ первый въ полку красавецъ. Вонъ какія у него черно-смородиновыя тугія кудри, и усы шелковые нѣжны какъ пухъ, и губы спѣлѣй малины. Ловокъ и статенъ корнетъ Гременицынъ и ужъ такъ-то хорошъ, когда, подбоченясь лихо, пройдетъ вечеромъ по селу, звеня шпорами и держа въ лѣвой рукѣ на отлетѣ сверкающую саблю, или когда промчится по улицѣ какъ вихорь, взвѣвая облакомъ легкій прахъ, на своей тонконогой Ледѣ. Впрочемъ, послѣдніе два дня явно пыталась красавица избѣгать корнета: не показывалась ни въ огородѣ, ни на крыльцѣ, и даже изъ церкви домой незамѣтно уйти хотѣла.

Владиміръ Николаичъ настигъ Машу передъ самой ея калиткой, поклонился вѣжливо и спросилъ о здоровьѣ.

— Мое здоровье славу Богу,—отвѣтила Маша строго,—а ужъ вы, Владиміръ Николаичъ, сдѣлайте милость: не ходите за мной по селу.

Гременицынъ усмѣхнулся; взявшись за щеколду, онъ загоразживалъ калитку и любовался Машей.

— Теперь ужъ и итти некуда,—молвилъ онъ весело.—А развѣ ты, Машенька, меня боишься, что? Погоди, мнѣ еще надо важную тайну тебѣ сказать.

— Не стану я тайнъ вашихъ слушать, у меня женихъ. Пустите.

Тутъ Маша совсѣмъ раскраснѣлась, толкнула калитку и, взойдя во дворъ, захлопнула ее съ сердцемъ.

Въ горницѣ за столомъ торжественно возсѣдалъ Машинъ женихъ, корнетъ шестого эскадрона, его благородіе, Евсей Семенычъ Мокѣевъ. Передъ нимъ дымился на глиняной тарелкѣ горячій ломоть толстаго пирога, а Машина мать, Андревна, старушонка высохшая и черная, какъ галка, наливала нареченному зятю изъ графинчика рюмку трехпробнаго вина. Отъ усердія старуха инда перекосила беззубый ротъ, а водку всетаки расплескивала на скатерть. Евсей Семенычъ, по случаю воскресенья, былъ въ полной парадной формѣ, со всѣми шнурами, винтишкетомъ и лядункой черезъ плечо; сидѣлъ онъ вытянувшись, прямо, будто аршинъ проглотилъ. Красное, въ рябинахъ, лицо его лоснилось и сіяло; синій подбородокъ, поцарапанный отъ старательнаго бритья и заклеенный въ двухъ мѣстахъ бумажкой, упирался въ высокій галунный воротникъ; нафабранные усы топорщились, какъ ще-

тина. Положивъ жесткія, въ рыжихъ волосахъ, руки на блестящую рукоять уланской сабли, Мокѣевъ поигрывалъ кокетливо новенькимъ офицерскимъ темлякомъ; на его кривыхъ, какъ у настоящаго кавалериста, ногахъ сверкали глянцемъ рантовые тяжелые съ желѣзными шпорами сапоги.

Евсей Семенычъ былъ *бурбонъ*; такъ въ арміи назывались въ его времена солдаты, выслужившіе себѣ офицерскій чинъ. Родомъ онъ былъ изъ сдаточныхъ, въ службу былъ взятъ по семнадцатому году, прямо отъ сохи, и грамотѣ обучался въ казармѣ. Долго тянулъ солдатскую тягостную лямку Евсей Семенычъ, но за примѣрное усердіе лѣтъ черезъ двадцать удостоился получить вождедѣнные корнетскія эполеты. „Нашъ Мокѣевъ палочную академію прошелъ“, острили межъ собой полковые шутники. Какъ всѣ бурбоны, Евсей Семенычъ съ подчиненными былъ неумолимо строгъ, а передъ высшими хотя бы всего однимъ чиномъ по привычкѣ даже въ обществѣ вставалъ и вытягивался въ струнку. Въ обществѣ, впрочемъ, бурбона видали рѣдко; къ товарищамъ заявлялся онъ лишь въ особые дни: „съ Анделомъ проздравить“ или „съ Монаршей милостью“. Въ гостяхъ онъ цѣлый день и вечеръ безсловесно просиживалъ въ уголку, не смѣя вступить въ общую бесѣду и уйти не рѣшаясь, а на небрежные вопросы отвѣтствуя по привычкѣ: „такъ точно“, „никакъ нѣтъ“. Еще рѣже сталъ онъ бывать въ товарищескомъ кругу съ тѣхъ поръ, какъ однажды, на парадномъ обѣдѣ, данномъ великославцами уходившему въ отставку генералу, посолилъ „для скусу“ мороженое у себя на тарелкѣ. Молодые шутники тотчасъ подмѣтили этотъ пустяковый промахъ и начали смѣшки, а Евсей Семенычъ долго не могъ понять, въ чемъ же онъ провинился: вѣдь, не щепотью, кажись, соль бралъ, а по всей деликатности, какъ слѣдуетъ быть, ножомъ столовымъ. Взрывъ хохота завершилъ обѣдъ, когда Евсей Семенычъ, подбиваемый молодежью произнести тостъ за отѣзжавшаго генерала, налилъ полный стаканъ поднесеннаго ему лакеемъ лимоннаго полосканья, поднялъ его, провозгласилъ здравицу и осушилъ до дна. Хоть кожа у Евсея Семеныча толста была, какъ на его сапогахъ, однако эти два случая больно ему укололи сердце, и вспоминать о нихъ Мокѣевъ не любилъ.

На его счастье въ полку оказался другой, подобный ему бурбонъ, пятидесятилѣтній уже корнетъ Пискуновъ. Съ нимъ единственно былъ друженъ Мокѣевъ; по праздникамъ вдвоемъ они выпивали, толкуя о новостяхъ эскадронныхъ и о производствѣ; вмѣстѣ захаживали къ попу, къ дьякону, къ ветеринарамъ, наконецъ, къ старому фершалу, старому взяточнику и плуту, боль-

шому охотнику голубей гонять. Здѣсь рѣшилась судьба Евсея Семеныча: онъ влюбился по уши въ Машу. Родители, обсудивъ дѣло толкомъ, положили свадьбу сыграть въ самый Покровъ.

При видѣ взошедшей въ избу невесты, Евсей Семенычъ чинно всталъ, опустилъ руки по швамъ, пріятно осклабился и звякнулъ учтиво шпорой.

— Здравія желаю, моя нареченная. Какъ здоровьице?

Маша поклонилась.

— Слава Богу. Какъ ваше здоровье, Евсей Семенычъ?

— Розанъ неоцѣненный! Дозвольте ручку.

— А ты выпей, выпей сперва, Евсей Семенычъ, ваше благородіе, выпей, въ праздникъ грѣхъ не выпить,—дребезжала старуха.

— Позвольте, мамынька.

Евсей Семенычъ деликатно остановилъ рукой расходившуюся Андревну (самой ей, видно, смерть хотѣлось куликнуть).

— Теперича будемъ такъ говорить. Я пью за здравіе всего вашего семейства и возношу къ Вседержителю Богу горячія молитвы, и вотъ, выпимши по сему святому случаю (бурбонъ опрокинулъ рюмку и, крикнувъ, притопнулъ каблукомъ), для десерту, стало быть, я и поцѣлую сахарную ручку Марьи Степановны.

— Экій разговоръ-парень,—изумлялась льстиво Андревна, тотчасъ же спѣша до краевъ наполнить опустѣлыя рюмки,—и гдѣ это ты такъ наострился только? Ишь, вѣдь, дошлый какой. Всякое офицерское обращеніе понимаетъ.

Бурбонъ только ладонью повелъ вѣжливо на старуху, потому ротъ набить былъ маслянымъ пирогомъ съ капустной начинкой.

— Евсей Семенычъ, — сказала Маша, когда закуску убрали, наконецъ, и старуха провалилась спать куда-то, въ сѣни или въ чуланъ,—прочитайте мнѣ какіе-нибудь стишки.

— Не могу знать.

— Какой. Вѣдь я же говорила вамъ сколько разъ, что всѣ влюбленные своимъ предметамъ всегда произносятъ стихи и пишутъ въ альбомъ на память. Вы прочитали ту книжку со стихами, что я вамъ намедни дала?

— Виновать, не успѣлъ, некогда было.

Евсей Семенычъ потянулся было опять къ невестинной ручкѣ, но Маша не далась.

— Не извольте сердиться, заслужу.

— Какія же это у васъ дѣла такія?

— Скрозь строй гонялъ бездѣльника одного.

— Ну, вотъ, скрозь строй. Фи! Какія у васъ все дѣла неблагородныя.